

ISSN 0201—7385

ISSN 0130—0075

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Серия 9

Филология

2 / 2009

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH – APRIL

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press
2009

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2009

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА – главный редактор
А.И. ЖУРАВЛЕВА – зам. главного редактора по литературоведению
О.А. СМИРНИЦКАЯ – зам. главного редактора по лингвистике
Н.А. СОЛОВЬЕВА – отв. секретарь по литературоведению
Е.В. КЛОБУКОВ – отв. секретарь по лингвистике
Т.Д. ВЕНЕДИКТОВА, М.В. ВСЕВОЛОДОВА,
Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, И.М. КОБОЗЕВА, Т.А. КОМОВА,
С.И. КОРМИЛОВ, Е.З. ЦЫБЕНКО

Перевод на английский язык *М.М. Филипповой*

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Технический редактор *Н.И. Матюшина*

Корректор *Г.Л. Семенова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: *125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7. Тел. 697-31-28.*

119991, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет.

Сдано в набор 17.03.2009. Подписано в печать 25.05.2009. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5.
Усл. кр.-отт. 11,37. Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 910 экз. Изд. № 8760. Заказ № 1430

Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Типография ордена «Знак Почета» Издательства Московского университета.
119992, Москва, Ленинские горы.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя

<i>Воропаев В.А.</i> Гоголь и Московский университет	7
<i>Ранчин А.М.</i> Пространственная структура повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» и древнерусская словесность	16
<i>Кошелев А.В.</i> «Я непременно хочу видеть этого упрямого хохла...» (К проблеме достоверности «Записок А.О. Смирновой»)	27

Статьи

<i>Крылова Э.Б.</i> Роль модальных частиц в формировании семантики императивов в датском языке	34
<i>Пименова Н.Б.</i> Универсальна ли связь инструментальных имен и локативов?	51
<i>Коломацкий Д.И.</i> Теория семантической переходности и дистрибуция русских пассивных форм	65
<i>Галышева М.П.</i> Субъективное время в произведениях Достоевского	74
<i>Григорьев А.Г.</i> Соотношение монастыря и мира в творчестве Ф.М. Достоевского: уход Алеши	84

Материалы и сообщения

<i>Десницкий А.С.</i> Библейская филология в социальном контексте	94
<i>Курохтина Т.Н.</i> Суржик в Интернете	101
<i>Кузнецов А.Е.</i> Фонетический и метрический икт у римских грамматиков	113
<i>Савельев В.С.</i> Умение слушать как необходимая черта языковой личности в восприятии автора Повести временных лет	124
<i>Школьникова О.Ю.</i> «Плетение словес» в русской и французской агиографии («Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского» Епифания Премудрого и французская версия Жития бл. Стефана Гранмонского)	135
<i>Зыкова Г.В., Карева А.Ю.</i> Нестор Кукольник в повести, фельетоне и воспоминаниях Панаева: три разных портрета одного лица	140
<i>Сергеев А.В.</i> Творчество Х. Ибсена в оценке Г. Брандеса	150

Критика и библиография

<i>Архангельская А.В.</i> Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России: Очерки: В 2 ч. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2007. Ч. 1; 2008. Ч. 2.	158
<i>Белоус Л.В.</i> Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.	166
<i>Кормилов С.И.</i> Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В.С. Печерин). М.: Флинта: Наука, 2007.	173
<i>Клементьев С.В.</i> Польская культура в зеркале веков / Сост., отв. ред. И. Светлов. М.: Изд-во «Материк», 2007.	178
<i>Петрухина Е.В.</i> Тасевска Р. Изучаем русский язык. Скопье, 2008.	183
<i>Изотов А.И.</i> Худазаров Т. М. Самоучитель азербайджанского языка. Ruslar üçün azərbaycan dili. Курс обучения разговорному азербайджанскому языку. Баку: «Муаллим» нешрийаты, 2008.	185

Научная жизнь

<i>Архангельская А.В.</i> «Ломоносовские чтения» на филологическом факультете Черноморского филиала МГУ	192
<i>Блиц Н.Л., Леденев А.В.</i> Юбилейные Крымские Шмелевские чтения	194

CONTENTS

Towards the Bicentennial Anniversary of the Birthday of N.V. Gogol

<i>Voropayev V.A.</i> Gogol and Moscow University	7
<i>Ranchin A.M.</i> Spatial Structure of N.V. Gogol's Long Story 'A Terrible Revenge' and Old Russian Literary Learning	16
<i>Koshelev A.V.</i> 'It Is Absolutely Essential that I See This Stubborn Ukrainian...' (Towards the problem of accuracy and dependability of A.O. Smirnova's 'Notes')	27

Articles

<i>Krylova E.B.</i> The Role of Modal Particles in Forming Semantics of Imperatives in the Danish language	34
<i>Pimenova N.B.</i> Is the Connection of Instrumental Nouns and Locatives Universal?	51
<i>Kolomatsky D.I.</i> The Theory of Semantic Transitivity and Distribution of the Russian Passive Forms	65
<i>Galysheva M.P.</i> Subjective Time in Dostoyevsky's Work	74
<i>Grigoriev A.G.</i> Correlation of Monastery and the World in F.M. Dostoyevsky's Work: Alyosha's Taking of Monastic Vows	84

Communications and Materials

<i>Desnitsky A.S.</i> Biblical Philology in Social Context	94
<i>Kurokhtina T.N.</i> Surzhik (a substandard sociolect mixture of Russian and Ukrainian) in the Internet	101
<i>Kuznetsov A.E.</i> The Phonetic and Metric Ictus in Roman Grammarians' Work ..	113
<i>Saveliev V.S.</i> Listening Skills as a Language Speaking Person's Necessary Trait as Perceived by the Author of 'The Tale of Bygone Days'	124
<i>Shkolnikova O. Yu.</i> 'The Weaving of Words' in Russian and French Hagiography (Epiphanius the Wise's 'The Tale of Life and Teaching of Our Father Saint Stephen, Bishop of Perm' and the French version of 'The Life of Stephen the Blessed of Granmon')	135
<i>Zykova G.V., Kareva A. Yu.</i> Nestor Kukolnik in a Long Story, Satirical Newspaper Article and Memories of Panayev: Three Different Portraits of the Same Person	140
<i>Sergeyev A.V.</i> H. Ibsen's Work as Appraised by G. Brandes	150

Critique and Bibliography

<i>Arkhangelskaya A.V.</i> Murianov M.F. The History of Russia's Book Culture. Essays: in 2 parts. St Petersburg, 2007–2008.	158
<i>Belous L.V.</i> Golubkov M.M. A History of the 20 th Century Russian Literary Criticism (1920s – 1990s). M., Academia Publishing Centre, 2008.	166
<i>Kormilov S.I.</i> Mesterhazi E.G. Theoretical Aspects of Studying the Biography of a Writer (V.S. Pecherin). M.: Flinta; Nauka, 2007.	173
<i>Klementiev S.V.</i> Polish Culture in the Mirror of the Centuries	178
<i>Petrukhina E.V.</i> Tasevska R. We're Studying Russian. Skopje, 2008	183
<i>Izotov A.I.</i> A Self-study Manual of the Azerbaijani Language. Ruslar üçün azərbaycan dili. Kurs обучения разговорному азербайджанскому языку. Баку: "Муаллим" нешрияти, 2008.	185

Scholarly Life

<i>Arkhangelskaya A.V.</i> Lomonosov Readings at the Faculty of Philology, Sevastopol Branch of Moscow State University	192
<i>Blishch N.L., Ledenyov A.V.</i> The Jubilee Crimean Shmelyov Readings	194

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ

В.А. Воропаев

ГОГОЛЬ И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ¹

В статье освещена история взаимоотношений Гоголя с Московским университетом, почетным членом которого он был избран в 1845 г. Рассмотрен вопрос о знакомстве и дружбе Гоголя с университетскими профессорами М.А. Максимовичем, О.М. Бодянским, М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым, Т.Н. Грановским. Речь идет также об отношении студентов к творчеству Гоголя в 1830–1840-е гг., о помощи писателя нуждающимся студентам; гоголевская стипендия сохраняется в университете до сей поры. В 1909 г. по инициативе Общества любителей российской словесности при Московском университете (Гоголь был действительным членом Общества с 1834 г.) в Москве был установлен памятник великому русскому писателю работы скульптора Н.А. Андреева.

Ключевые слова: Гоголь, русская литература, Московский университет.

The article conveys a controversial history of N. Gogol's relationship with Moscow University, whose honorable member he was elected in 1845. Among the questions discussed are Gogol's relations with university professors M.A. Maksimovich, O.M. Bodiansky, M.P. Pogodin, S.P. Sheviriov, T.N. Gramovsky as well as students' reactions to Gogol's creative work in the period 1830–1840. Gogol actively helped poor students, and the Gogol scholarship has remained in Moscow University to this day. In 1909 the Society of Devotees of Russian Literature of Moscow University (Gogol had been its member since 1834) initiated the erection of Gogol monument designed by architect N.A. Andreev.

Key words: Gogol, Russian literature, Moscow University.

Николай Васильевич Гоголь не учился в Московском университете, не занимал там никакой кафедры, хотя одно время этого желал. В 1834 г. он раздумывал, искать ли ему кафедры всеобщей истории во вновь открывшемся тогда Киевском университете святого Владимира (по совету М.А. Максимовича) или места адъюнкт-профессора в Московском университете (как рекомендовал М.П. Погодин). Из переписки Гоголя с последним мы знаем, что он действительно имел намерение стать адъюнкт-профессором Московского университета². И в письме к А.С. Пушкину – от 23 декабря 1833 г. – Гоголь замечал, что ему предлагали место в Московском университете. Однако не вышло ни того ни другого, на деле получилось третье: министр

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Ломоносовских чтениях в Московском университете (апрель 2004 г.)/

² См. письмо Гоголя к М.П. Погодину от 23 июня 1834 г., а также письмо Гоголя к А.С. Пушкину от 23 декабря 1833 г.

народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров предложил Гоголю профессию по кафедре всеобщей истории при Петербургском университете, и он остался в Петербурге.

И все же Московский университет в судьбе Гоголя оставил заметный след. Вспомним о том огромном влиянии, которое оказывал университет в 1830–1840-е гг. на культурно-общественную и литературную жизнь тогдашней России. «Московские студенты, – пишет в своих воспоминаниях о Гоголе Сергей Тимофеевич Аксаков, – все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую молву о новом великом таланте»³. В числе этих студентов были М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский. Все они вышли на свои жизненные и творческие пути из Московского университета. Уже в 1835 г. Белинский провозгласил Гоголя «главою литературы, главою поэтов»⁴.

В 1834 г. Гоголь был избран действительным членом состоящего при Московском университете Общества любителей российской словесности, секретарь которого Михаил Погодин предложил молодому писателю участвовать в работе Общества, но тот отделался шутивным письмом. «Я получил маленькое прибавление, впрочем, гораздо больше письма вашего, – писал Гоголь Погодину 13 марта 1834 г. из Петербурга, – о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны в Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира. Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович, и прошу также изъяснить ее благородному сословию. Но, увы! Вы избрали самого негодного члена, который даже не может ничего прислать вам по своей лениности... Я хотел было, однако ж, прислать вам кое-что, но болезнь, которая приколотила меня было к кровати ровно на две недели, отняла всякую к тому возможность»⁵.

Гоголь был избран членом Общества любителей российской словесности вместе с братьями Киреевскими, поэтом Николаем Языковым, профессором Николаем Ивановичем Надеждиным. Но вскоре деятельность Общества приостановилась, и оно возобновилось шесть лет спустя после смерти Гоголя. Погодин, теперь уже председатель его, 7 февраля 1865 г. читал на заседаниях отрывки из своих записок «Встреча с С.П. Шевыревым и Н.В. Гоголем в Риме в 1839 г.».

Общество не преминуло почтить память Гоголя в 1902 г., по поводу 50-летия со дня кончины писателя. Тогда в университете

³ Гоголь в воспоминаниях современников. Б. м., 1952. С. 92.

⁴ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1976. С. 183.

⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 10. Б. м., 1940. С. 302.

состоялось торжественное заседание, посвященное воспоминаниям о Гоголе. Университетское Общество любителей российской словесности, как известно, явилось главным инициатором сооружения памятника Гоголю по всенародной подписке. Он был открыт в Москве в 1909 г.

Через 12 лет после избрания Гоголя членом Общества любителей российской словесности Московский университет новым актом выказал свое отношение к писателю, избрав его в 1845 г. почетным членом Московского университета. Факт этот хорошо известен. В 1901 г. в «Киевской газете» (от 21 октября) была напечатана заметка без подписи, где сказано, что известный журналист и прозаик Владимир Алексеевич Гиляровский, член Общества любителей российской словесности, привез из своей поездки в Яновщину диплом Гоголя на звание почетного члена Московского университета (переданный ему на хранение племянником писателя Николаем Владимировичем Быковым). Текст этого документа гласит:

«Состоящий под Высочайшим покровительством Государя Императора Николая Павловича Императорский московский университет, уважив отличные в ученом свете заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, признает его почетным своим членом, с полной уверенностью в его содействии Московскому университету во всем, что к успехам наук способствовать может. Дан в Москве июня 16 дня 1845 года».

Далее следуют подписи попечителя Московского учебного округа графа Сергея Строганова, ректора университета профессора Аркадия Альфонского и секретаря Совета Василия Спекторского⁶. Местонахождение этого диплома ныне неизвестно.

Итак, Гоголь в 1845 г. был избран в почетные члены старейшего русского университета «за отличные в ученом свете заслуги и литературные труды». И этот акт был довольно редким в жизни Московского университета: со времени его основания Гоголь был одним из немногих писателей, возведенных в это звание. Университет удостоивал звания своего почетного члена преимущественно людей науки. В акте избрания сообщается, что 31 января 1845 г. в присутствии Совета ректор на основании § 30 общего устава университетов предложил в числе других избрать почетным членом коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, на что последовало единодушное согласие всех членов Совета.

Архивы не сохранили подробностей. Возможно, с избранием Гоголя были определенные сложности. 2 февраля 1845 г. Погодин записал в своем дневнике: «Известие от Шевырева, что я избран в

⁶ Новинки для биографии Н.В. Гоголя // Киевская газета. 1901. № 293. 21 окт. С. 2.

почетные (члены Московского университета. – В.В). Принц Ольденбургский, герцог Лейхтенбергский, Остроградский, Штруве, Восток и Гоголь. Назначение последнего вопреки мнению аристократов и, может быть, правительства»⁷. Небезынтересно знать, как Гоголь отнесся к этому акту университета. Об этом нет никаких следов в его переписке. Возможно, он вообще не высказался по этому поводу. Напомним, что 1845 г. – один из труднейших в его жизни. Он был занят другими проблемами.

Теперь рассмотрим более подробно связи Гоголя с Московским университетом и его профессорами. В 1832 г. он знакомится с профессором Михаилом Петровичем Погодиным, который вводит его в круг «москвичей». В среде профессуры Московского университета Гоголь находит не только искренних почитателей своего таланта, но и близких друзей. Такими друзьями остались до конца его жизни профессора Степан Петрович Шевырев, Михаил Александрович Максимович, Осип Максимович Бодянский. С двумя последними Гоголя связывало чувство любви к родной для них Украине, общие интересы в области изучения ее истории и фольклора.

С профессором Московского университета, а впоследствии ректором Киевского университета святого Владимира Михаилом Максимовичем Гоголь познакомился в 1829 г. Оба увлеченно собирали народные песни, первое издание которых Максимович выпустил в 1827 г. Гоголь с юных лет любил народные песни и стал собирать их еще в Нежинской гимназии. Он был глубоким знатоком и собирателем устного народного творчества. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! – писал он в 1833 г. Максимовичу. – Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!.. Я не могу жить без песен»⁸.

Именно в песнях находил Гоголь отражение настоящей народной жизни. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», – писал он в статье «О малороссийских песнях»⁹.

В 1834 г. Московский университет издал второе собрание «Украинских народных песен» Максимовича. В предисловии автора было указано на «участие в труде его Н.В. Гоголя, нового историка Малороссии и автора “Вечеров близ Диканьки”». Это участие было весьма значительным. По свидетельству самого Гоголя, он передал Максимовичу около 150 собранных им песен, совершенно тому неизвестных. На титульном листе другой книги, изданной Московским университетом в том же 1834 г. («Голоса украинских песен»), Максимович выставил эпиграф из статьи Гоголя «О малороссийских песнях»: «Ничто не мо-

⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. СПб., 1894. С. 87.

⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 284.

⁹ Там же. Т. 6. С. 90.

жет быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни».

После смерти Гоголя были обнаружены еще две тетради с записями собранных им южнорусских и украинских песен. Изданные в 1908 г. Отделением русского языка и словесности Академии наук под заглавием «Песни, собранные Н.В. Гоголем», они составили солидный том, заключающий свыше 400 страниц. Известно также, что свои записи песен Гоголь передал Петру Васильевичу Киреевскому, в его знаменитое собрание.

В близких отношениях к Гоголю стоял и другой его земляк – профессор Московского университета Осип Максимович Бодянский, один из основателей славяноведения в России. У Бодянского Гоголь брал уроки сербского языка, чтобы почувствовать красоту песен, собранных Вуком Караджичем. Сохранился рассказ поэта и журналиста Николая Васильевича Берга о дружбе Гоголя с Бодянским: «Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собой целый вечер, горячо и одушевленно...»¹⁰. Если ж Бодянского не было в числе приглашенных, то «появление Гоголя на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам, взглянет; посидит где-нибудь на диване, большей частью один; скажет с иным приятелем два-три слова, из приличия... – и был таков»¹¹.

Теплое, дружеское отношение Гоголя к Бодянскому иногда высказывалось даже в кратких приписках в письмах его знакомых к последнему. Вот, например, выпавшие из внимания литературоведов строки Гоголя (их нет даже в академическом собрании сочинений писателя): «И я при этом тоже пользуюсь этим очень приятным для меня случаем. Вы не дали мне своего адреса, и потому я к вам не писал; притом же вы писали, что будете скоро в Рим. Очень благодарю вас за ваше письмо. Надеюсь увидаться с вами в Праге, или лучше в Мариенбаде, и поговорить о многом интересном для нас обоих. Прощайте и будьте здоровы. Искренне вас любящий земляк Н. Гоголь». Эти забытые строки Гоголя содержатся в письме Погодина к Бодянскому из Рима от 21 марта (н. ст.) 1839 г.¹²

Дружба Бодянского была деятельной. Он, например, способствовал изданию поэмы Гоголя «Мертвые души», напечатанной в типографии Московского университета (1842, 1846). Цензурный экземпляр первого издания хранится ныне в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова. На ее титульном листе рукой автора написано: «Печатать на мосй бумаге. 2400. Деньги сто рублей в за-

¹⁰ Гоголь в воспоминаниях современников. С. 502.

¹¹ Там же.

¹² Русский архив. 1895. № 5. С. 116.

даток положил. Н. Гоголь». Впоследствии у Бодянского находилась рукопись «Размышлений о Божественной литургии» – последней книги Гоголя, увидевшей свет после его смерти.

Наиболее близок к Гоголю в зрелые годы его жизни был С.П. Шевырев. Ему Гоголь читал главы второго тома «Мертвых душ» больше, чем кому-либо, – до седьмой включительно. Будучи доверенным лицом Гоголя в денежных и других делах, Шевырев принимал участие в издании его сочинений. Он разбирал бумаги, оставшиеся после смерти Гоголя, первым прочел «Авторскую исповедь» и другие сохранившиеся в рукописях произведения. В июне 1852 г. он писал Анне Васильевне Гоголь, сестре писателя: «Когда я в первый раз читал его Размышления о Литургии, мне казалось, душа его носилась около меня, светлая, небесная, та, которая на земле много страдала, любила глубоко, хотя и не высказывала этой любви, молилась пламенно, и в пламени самой чистой молитвы покинула брэнное, изнемогшее тело»¹³.

В 1852 г., вскоре после кончины Гоголя, Российская академия наук приняла решение издать его биографию. Написать ее было поручено Шевыреву. С этой целью он отправился на родину писателя для сбора материала. Биографию Гоголя Шевыреву написать не удалось. Но сохранился документ, раскрывающий множество подробностей последних дней жизни и смерти Гоголя, – письмо Шевырева от 2 апреля 1852 г. к двоюродной сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой (урожденной Ходаревской)¹⁴.

Из переписки известного профессора истории Тимофея Николаевича Грановского можно заключить, что и он одно время находился в близких отношениях с Гоголем. «Здесь Гоголь, – сообщал Грановский Н.В. Станкевичу в 1840 г., – я его вижу два раза в неделю. Он был у меня»¹⁵. К сожалению, нет более подробных сведений об их отношениях. «Вот вам весть, горькая для каждого порядочного человека в России, – писал Грановский тому же Станкевичу на другой день после похорон Гоголя, – Гоголь умер... Похоронили его вчера со всеми почестями, приличными последнему великому писателю русской земли»¹⁶. Грановский выступил инициатором общественной организации похорон Гоголя. Московский университет в лице лучших своих представителей, поддержавший первые шаги молодого писателя, проводил его и в последний путь.

На похоронах Гоголя возникли споры. Друзья хотели отпевать его в приходской церкви Преподобного Симеона Столпника, кото-

¹³ Русская мысль. 1896. № 5. С. 192.

¹⁴ См.: *Воропаев В.А.* С.П. Шевырев о последних днях жизни и о смерти Н.В. Гоголя // *Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы III Голицынских чтений 20–21 января 1996 года. Ч. 2. Большие Вяземы, 1996.*

¹⁵ Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 384.

¹⁶ Там же. С. 297.

рую он любил и посещал. Однако по настоянию начальства Гоголь был отпет в университетской церкви святой мученицы Татианы. Позднее, в 1881 г. Иван Сергеевич Аксаков в письме к известному библиографу Степану Ивановичу Пономареву так освещал эту расприю: «Сначала делом похорон стали распоряжаться его ближайшие друзья, но потом университет, трактовавший Гоголя в последнее время как полусумасшедшего, опомнился, предъявил свои права и оттеснил нас от распоряжений. Оно вышло лучше, потому что похороны получили более общественный и торжественный характер, и мы все это признали и предоставили университету полную свободу распоряжаться, сами став в тени»¹⁷.

Гроб с телом Гоголя был перенесен в университет. Почетный караул из шести студентов, сменявшихся каждые два часа, дежурил при нем день и ночь. Профессора Н.Б. Анке, Ф.Л. Морошкин, С.М. Соловьев, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев вынесли гроб из церкви, а студенты пронесли его на руках всю дорогу до кладбища¹⁸. Вся Москва провожала в последний путь своего любимого писателя.

Известный русский педагог Сергей Александрович Рачинский (оставивший профессорство в Московском университете и ставший крестьянским учителем) рассказал историю одной литографии, изданной спустя несколько дней после смерти Гоголя: «Вскоре после кончины Гоголя тело его было положено в гроб и перенесено в церковь Московского Университета. Тут около гроба до самого погребения постоянно дежурили студенты. В одном из таких ночных дежурств участвовал мой покойный брат, Владимир Александрович Рачинский, тогда студент четвертого курса юридического факультета. Обладая немалым талантом к рисованию и желая сохранить воспоминание об этом скорбном и торжественном бдении, он в первом часу ночи принялся рисовать профиль покойного, надеясь, что он успеет окончить рисунок без свидетелей. Но в это время вошла в церковь гр<афиня> Е.П. Ростопчина, задрапированная по-испански в черные кружева, все еще прекрасная. Долго молилась она перед гробом, а затем обратила внимание на рисующего юношу, взглянула на его набросок и была поражена достигнутым сходством и передачею печати важного покоя, лежавшей на чертах усопшего.

На другой день она рассказала о портрете Вл<адиамиру> Ив<ановичу> Назимову, тогдашнему попечителю Моск<овского> Унив<ерситета>. Он также пожелал на него взглянуть и настоял на том, чтобы он был воспроизведен и пущен в продажу. Так и сделали. Портрет был налитографирован в ограниченном количестве экземпляров и в несколько дней раскуплен. У меня сохранилась расписка, писанная рукой Ст<епана> П<етровича> Шевырева о получении от

¹⁷ Письма к библиографу С.И. Пономареву. М., 1915. С. 142.

¹⁸ Русский архив. 1907. № 11. С. 438.

В.А. Рачинского 143 р<ублей> на сооружение памятника Гоголю. По прошествии нескольких дней каким-то убогим рисовальщиком была пущена в продажу лубочная копия в уменьшенном виде с рисунка моего брата, с прибавкой разных безвкусных эмблем»¹⁹.

Писательница Евгения Тур (Салиас де Турнемир) сообщала профессору Максимовичу 25 февраля 1852 г., что «Университет открыл подписку на бюст Гоголя для университетской библиотеки и хочет учредить стипендию во имя покойного...»²⁰. Стипендия действительно была учреждена, но это произошло в 1864 г., когда наследники Гоголя предоставили в распоряжение университета для этой цели 2500 рублей. И сегодня в Московском университете есть стипендия имени Гоголя.

В этой связи напомним, что сам Гоголь еще в 1844 г. создал на свои средства фонд помощи нуждающимся студентам Московского университета, определив для этой цели доход от своих сочинений. Поручая Сергею Тимофеевичу Аксакову организацию помощи бедным талантливым студентам, Гоголь писал ему из Рима 25 ноября (н. ст.) 1845 г.: «Имя дающего должно быть навсегда скрыто...»²¹.

В распоряжении профессора Шевырева находились деньги Гоголя, предназначенные «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукою и искусством»²². Из этих средств Шевырев оказывал помощь, в частности, Петру Ивановичу Бартеневу, будущему редактору и издателю журнала «Русский архив», и молодому художнику Владимиру Осиповичу Шервуду, впоследствии академику живописи, известному архитектору, по проекту которого построено здание Исторического музея на Красной площади²³.

Гоголь был знаком и состоял в переписке с Дмитрием Константиновичем Малиновским, студентом математического факультета Московского университета, автором статьи «О том, как надо разуместь смешное в произведениях Гоголя», сохранившейся в рукописи и напечатанной в наше время²⁴. Он оставил о Гоголе свои воспоминания.

Итак, как видим, связи и отношения Гоголя с Московским университетом чрезвычайно разнообразны. И сегодня эта духовная связь писателя с университетом не прерывается. В 1995 г. настоятель храма святой мученицы Татианы, домовая церковь Московского университета, протоиерей Максим Козлов, выпускник филфака, освятил

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1305.

²⁰ Русский архив. 1907. № 11. С. 437.

²¹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 541.

²² Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. Отд. III. С. 61.

²³ См.: Воропаев В. «Меня очень занимал Гоголь...». Из «Записок» В.О. Шервуда // Собеседник: Литературно-критический сборник. М., 1987.

²⁴ См.: Малиновский Д.К. О том, как надо разуместь смешное в произведениях Гоголя / Публ. и примеч. И.А. Виноградова // Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004.

мемориальные комнаты Гоголя в Москве в доме на Никитском бульваре (впервые после 1917 г.), а также и сам филфак (первый среди факультетов университета). С той поры каждый год, в день смерти Гоголя, священник университетской церкви служит литию в доме, где Гоголь провел последние годы своей жизни.

Первый и главный русский университет не может не гордиться тем, что в числе многих славных имен, вписанных в его 250-летнюю историю, стоит имя великого русского писателя – почетного члена Московского университета Николая Васильевича Гоголя.

Список литературы

Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. СПб., 1894.

Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1976.

Бодянский О.М. Мертвые души, поэма Н.В. Гоголя, сверенная со списком, представленным в Цензурный комитет, теперь принадлежащим Библиотеке Московского университета // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. III. Отд. V. М., 1866.

Воропаев В. «Меня очень занимал Гоголь...»: Из «Записок» В.О. Шервуда // Собеседник: Литературно-критический сборник. М., 1987.

Гоголь в воспоминаниях современников. Б. м., 1952.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 10–12: Письма. Б. м., 1940–1952.

Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М., 2002.

Малиновский Д.К. О том, как надо разумеать смешное в произведениях Гоголя / Публ. и примеч. И.А. Виноградова // Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004.

Новинки для биографии Н.В. Гоголя // Киевская газета. 1901. № 293. 21 окт.

Пенчко Н.А. К вопросу о связях Н.В. Гоголя с Московским университетом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Общественные науки. 1952. Вып. 3. № 7.

Письма к библиографу С.И. Пономареву. М., 1915.

Сперанский М.Н. Н.В. Гоголь и Московский университет // Гоголевские дни в Москве. Общество любителей российской словесности. М., 1910.

Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897.

Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902.

Червинский Н., Панишинская Н. Загадка диплома Н.В. Гоголя // Нева. 1981. № 4.

Сведения об авторе: *Воропаев Владимир Алексеевич*, литературовед, докт. филол. наук, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза писателей России. E-mail: voropaevv@mail.ru

А.М. Ранчин

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» И ДРЕВНЕРУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Статья посвящена поэтике пространства в повести Н.В. Гоголя «Страшная месьть». Структура и семантика пространства в гоголевской повести сопоставляются с поэтикой пространства в произведениях древнерусской словесности. Горный пейзаж и метафора «движущиеся горы» рассматриваются как вариации образов из «Слова о полку Игореве». Смерть грешника в Карпатских горах и мена правого и левого в пространстве гоголевской повести сопоставляются с известиями «Повести временных лет» под 1019 и 1071 гг. и с историей гибели Святополка Окаянного из Борисоглебских житий.

Ключевые слова: Древнерусская литература, поэтика пространства, семиотика, мифопоэтика, символика, литературная традиция.

The paper is devoted to the poetics of space in the tale "A Dreadful Revenge" by Nikolay Gogol as contrasted with the medieval Russian literature. The mountainous landscape and the metaphor *moving mountains* are analyzed as variations of the images from "The Tale of Prince Igor's Campaign". The death of the sinful in Carpathian mountains and the "exchange" of the left for the right in Gogol's tale are regarded in the context of the accounts under 1019 and 1071 yy. from the "Primary Chronicle" and in the context of hagiobiographies of martyrs St. Boris and St. Gleb.

Key words: Medieval Russian literature, poetics of space, semiotics, mythopoetics, symbolism.

Поэтика художественного пространства гоголевской прозы, в том числе и повести «Страшная месьть», была обстоятельно исследована Ю.М. Лотманом¹. Но некоторые особенности организации и семантики пространства в «Страшной мести», восходящие, по-видимому, к памятникам древнерусской словесности, рассмотрены не были.

Предок колдуна Петро убил брата Ивана и его сына в Карпатах, и именно из Карпатских гор появляется всадник-мститель. Выбор Гоголем именно этого локуса как места совершения Петром братоубийства, возможно, мотивирован реальным преступлением, которое совершил в 1015 г. в Карпатах киевский князь Святополк, прозванный Окаянным. Здесь посланцы Святополка предали смерти

¹ См.: Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. М., 1988. С. 260, 265. Из новейших работ о поэтике пространства у Гоголя см.: Софронова Л.А. Природное пространство в мифопоэтических условиях: повесть Гоголя «Вий» // Ландшафты культуры: Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида. М., 2007.

его сводного брата древлянского князя Святослава². Вот как об этом сообщает «Повесть временных лет» под 6523 (1015) г.: «Святополк же съ оканьный и злый уби Святослава, пославъ ко горѣ Угорьстѣй, бѣжашю ему въ Угры. И нача помышляти, яко “Избыю всю братью свою, а прииму власть русьскую единь”. Помысливъ высокоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко “Бог даеть власть, ему же хоцеть, поставляеть бо цесаря и князя вышний, ему же хоцеть, даеть”»³.

Пересказ этого известия содержится в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (т. II, гл. I): «Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский Князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всюю Россиею, и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни»⁴.

Есть народное предание об убиении Святослава в Карпатах: в верховьях Опора еще в XIX в. было известно урочище Святославие и могила, именуемая Святославою⁵.

Это предание могло быть известно Гоголю. М.Я. Вайскопф, приводя свидетельство знакомства автора «Страшной мести» с карпатским и галицийским фольклором, полагает, что «узнать о нем еще в гимназические годы Гоголь мог от своего учителя Орлая, уроженца Карпат и знатока этого края»⁶.

Сходство сюжета гоголевской повести с историей преступлений Святополка Окаянного было отмечено М.Я. Вайскопфом, который, напомнив о библейском подтексте «Страшной мести» – сказании о братоубийце Каине, соотнес предка колдуна гоголевского братоубийцу Петра с «“новым Каином” древнерусской словесности – сатанинским Святополком из “Сказания о Борисе и Глебе”»⁷. Однако в «Сказании о Борисе и Глебе» не упоминается убийство Святослава, а описываются два других преступления «нового Каина» – убиение

² Строго говоря, Святослав не был родным братом Святополка, Святославов отец Владимир его усыновил, а настоящим родителем Святополка был Владимиров брат Ярополк. Однако в древнерусской книжности преступление Святополка оценивалось именно как братоубийство, а сам он неизменно уподоблялся Каину. Персонажи Гоголя тоже неродные братья, они названы братья, побратимы.

³ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 62 (Серия «Литературные памятники».) Текст по Лаврентьевскому списку.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. / Подгот. текста: В.Ю. Афиани, В.М. Живова, В.П. Козлова. М., 1991. Т. 2–3. С. 9.

⁵ См.: Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. XI–XII вік. 2-е вид. У Львіві, 1905. С. 7, примеч. 10 (<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur2htm>). М.С. Грушевський ссылається на кн.: Устїанович К. Три цікаві загадки. Чернівці, 1902. С. 72 и сл.

⁶ Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М., 2002. С. 76. О Гоголе и И.С. Орлае см. подробнее: Чумак Т.М. Исторические реалии в повести Н.В. Гоголя «Страшная месь» // Вопросы русской литературы. Вып. 2. Львов, 1983.

⁷ Вайскопф М.Я. Указ. соч. С. 81.

братьев Бориса и Глеба, которые, в отличие от древлянского правителя, были канонизированы Церковью. Соответственно и карпатский локус в «Сказании о Борисе и Глебе» отсутствует.

Гоголевский колдун бежит в ужасе, преследуемый не людьми, а самим пространством и природой: «Ему чудилось, что все со всех сторон бежало ловить его: деревья, обступивши темным лесом и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задушить его; звезды, казалось, бежали впереди перед ним, указывая всем на грешника; сама дорога, чудилось, мчалась по следам его»⁸. Никем не гонимый в страхе и трепете бежит с поля проигранной битвы Святополк, одержимый бесом и чующий не существующую въяве погоню. Бежит он, как и колдун, к западным границам Русской земли: «И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ <...>. Принесоша и к Берестью, бѣгающе с нимъ. Онъ же глаголаше: “Побѣгнѣте со мною, женутьпо насъ”. <...> И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бежаху с нимъ. Он же в немощи лежа, и въсхопивъся глаголаше: Осе женуть, о женуть, побѣгнѣте”. Не можаше терпѣти на едином мѣстѣ <...>»⁹. Это известие передают историки, чьи сочинения были известны автору «Страшной мести». О бегстве великого грешника подробно пишет Н.М. Карамзин: «Гонимый Небесным гневом, Святополк в помрачении ума видел беспрестанно грозных неприятелей за собою и трепетал от ужаса <...>»¹⁰. В изложении Н.А. Полевого этот эпизод представлен так: «<...> Святополк бежал, сделался болен, бредил: ему казалось, что за ним гонятся. “Бегите, бегите, о! женут, женут по нас!” – кричал он людям <...>»¹¹.

В описании Гоголем Карпат, по-видимому, содержится переключка со «Словом о полку Игореве»: «Далеко от Украинского края, проехавши Польшу, минуя и многолюдный город Лемберг, идут рядами высоковерхие горы. Гора за горою, будто каменными цепями, перскидывают они вправо и влево землю и обковывают ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идут каменные цепи в Валахию и в Седмиградскую область и громадою стали в виде подковы между галичским и венгерским народом. Нет таких гор в нашей стороне. Глаз не смеет оглянуть их, а на вершину иных не заходила и нога челоуечья. Чуден и вид их: не задорное ли море выбежало в бурю из широких берегов, вскинуло вихрем безобразные волны, и они, окаменев, остались недвижимы в воздухе? Не оборвались ли с нсба тяжелые тучи и загромоздили собою землю? ибо

⁸ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. / Подгот. текстов, сост., вступит. ст. и коммент. В.А. Воропаева. М., 2006. Т. 1–2. С. 324–325. Далее произведения Гоголя цитируются по этому изданию, том (обозначаемый римской цифрой) и страницы (обозначаемые арабскими цифрами) указываются в тексте статьи.

⁹ Повесть временных лет. С. 63–64.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2–3. С. 14.

¹¹ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. М., 1997. С. 171.

и на них такой же ссрый цвет, а белая верхушка блстит и искрится при солнце. Еще до Карпатских гор услышишь русскую мольвь, и за горами еще кой-где отзовется как будто родное слово; а там уже и вера не та, и речь не та. Живет немалолюдный народ венгерский <...>» (I–II: 319).

Горы в гоголевском описании отличаются особенной высотой и представлены словно подвижными, перекидывающими землю; они уподоблены облакам. Ю.М. Лотман предположил, что образ «перекидывающих землю» гор мотивирован движущейся точкой зрения наблюдателя: «Чем же объясняется это странное явление стиля, если не делать мало что говорящих ссылок на общую “одухотворенность” и “пластичность” гоголевского пейзажа? <...> Подобное построение текста станет понятным, если мы представим себе *передвигающегося наблюдателя*. При бескрайности (отмечена не граница, а безграничность) пространства передвижение наблюдателя будет проявляться как движение неподвижных предметов, заполняющих горизонт»¹².

Однако это в принципе верное объяснение трудно принять именно в случае со «Страшной мезтью» как слишком рационалистичное: гоголевская повесть – мифопоэтический текст, и изображение пространства в нем не подчиняется логике и элементарному «здоровому смыслу». Автор «Страшной мести» отнюдь не ориентируется на реальное географическое и физическое пространство: Карпаты представлены как граница между православным «русским» (украинским) миром и чужими иноверческими землями и как защита, стена от наступающего моря – враждебной земле стихии¹³. (При этом автор повести пренебрегает географическими реалиями: Карпаты находятся вдали от моря.) Одновременно они сами уподоблены окаменевшему морю, и это восприятие никак не может быть мотивировано движением наблюдателя в пространстве. Гоголь создал парадоксальный образ одновременно подвижной и неподвижной материи. Как стена и граница горы неподвижны, как явление, находящееся на стыке двух пространств (земли и моря, «своей» и «чужой» земель) они пребывают в движении, принадлежа миру, чье творение еще словно не завершено. Подвижность гор словно указывает на совершающиеся в недрах земли тектонические процессы. Позднее в повести (гл. XV) прямо говорится о землетрясении, вызванном муками погребенного в земле братоубийцы. Так

¹² См.: Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя. С. 264. Курсив Ю.М. Лотмана.

¹³ Этому враждебному миру, по замечанию Андрея Белого, принадлежит и главный герой-колдун: «Трюк “С<трашной> М<ести>”»: мы ничего не знаем о личности колдуна: она за горизонтом: “по ту сторону”, в земле венгров: за Карпатом, дыра, провал, дно которого “никто не видал” <...>» (Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 70).

совершается реализация стилового приема – метафоры ‘подвижные горы’ в действии – в движении земной толщи.

Отождествление гор с облаками и мотив движения находят соответствия в мифологической традиции: «На основании сходства впечатлений, производимых отдаленными горами и облегающими горизонт облаками, сходства столь близкого, что непривычный глаз путника нередко принимает видимые им горы за облака, – оба понятия были отождествлены и в языке и в верованиях. В санскрите слова, означающие холм, камень, гору, в то же время означают и облако: *parvata, giri, adri, asma* и др.; в гимнах Риг-Веды облака и тучи постоянно изображаются горами и камнями. <...> Так как с облаками неразлучна мысль о их необычайной подвижности, полете и громовых ударах, то предки наши, называя ходячие облака горами и скалами, усиливали это поэтическое выражение эпитетами: горы летучие, скалы толкучие. Отсюда возникло индийское сказание, что некогда у гор были крылья; переносясь с места на место, они заваливали города и причиняли страшный вред земным обитателям. Люди взмолились Индре, и он стрелами, т.е. молниями, отрезал у гор крылья. Отсюда же возник и общий индоевропейский миф о подвижных горах, которые сталкиваются друг с другом и своими столкновениями производят гром и смертельные удары. Это любопытное предание встречаем в стихе про Егория Храброго и в песне про Дюка Степановича <...>»¹⁴.

Сложно сказать, в какой степени Гоголь мог учитывать эту традицию. Но гоголевский образ может быть объяснен еще и воздействием «Слова о полку Игореве». В древнерусской «песни» прославляется сильный и могущественный галицкий князь Ярослав Владимирович: «Галичкы Осмомыслѣ Ярославе высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ Королеви путь, затвори въ (принятая конъектура: затворивъ. – А.Р.) Дунаю ворота, меча времени¹⁵ чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши (принятая конъектура: отворяеши. – А.Р.) Киеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями»¹⁶.

¹⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М., 1994. Т. 2 (репринт. изд.: М.: Издание К. Солдатенкова. Т. 2). С. 350–351.

¹⁵ В переводе первого издания: «тягости»; очевидно, «времены» было понято как описка вместо «бремены». – А.Р.

¹⁶ Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А.И. Мусина-Пушкина / Под ред. А.Ф. Малиновского; С приложением статьи проф. М.Н. Сперанского и факсимиле рукописи А.Ф. Малиновского. М., 1920. [Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800]. С. 30. Вопрос о том, каким конкретным

Угорские горы – Карпаты в этом обращении к галицкому князю охарактеризованы как граница между «своим» и «чужим» (венгерский король, «Салтани») мирами. Неясно, что за тяжести («бремены») перебрасывает князь через облака. Господствующее мнение: «Выражение “меча времени [бремены] чрез облаки” <...> можно истолковать как свидетельство применения войском Я<рослава> В<ладимировича> метательной артиллерии – “пороков” (катапульт и баллист)»¹⁷. Ранее это мнение высказал Л.Е. Махновец¹⁸. Есть, однако, и версия, что «бремены», – скорее, корабельные товары, переправляемые Ярославом Галицким через карпатские перевалы (В.Л. Виноградова)¹⁹. Но, так или иначе, горы из повести Гоголя, перебрасывающие под самыми облаками тяжкие массы камня, могут быть своеобразным развертыванием образа из «Слова о полку Игореве».

Значимость «Слова о полку Игореве» как одного из подтекстов гоголевской повести несомненна. Своеобразным камертоном, настраивающим читателя на ассоциации с древнерусской «песнью», является образ битвы-пира, соотнесенный со свадьбой; он находится в самом начале «Страшной мести»: на свадьбу есаулова сына «приехал на гнедом коне своем и запорожец Микитка прямо с разгульной попойки с Перешляя поля, где поил он семь дней и семь ночей королевских шляхтичей красным вином» (I–II: 283). В «Слове о полку Игореве» есть такой же образ битвы, уподобленной свадебному пиру: «Ту кроваваго вина не доста; ту пирь dokonчаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую»²⁰. К «Слову о полку Игореве» в гоголевской повести восходит образ бандуриста с быстрыми и легкими пальцами, бегающими по струнам: у бандуриста «пальцы <...> летали как муха по струнам, и казалось, струны сами играли» (I–II: 328)²¹.

Не менее интересно еще одно мифопоэтическое описание пространства в «Страшной мести»: «За Киевом показалось неслыханное

изданием «Слова...» пользовался Гоголь, не является принципиальным: в нескольких изданиях, существовавших к 1832 г., когда была напечатана «Страшная месь», цитируемый фрагмент передан одинаково.

¹⁷ Котляр Н.Ф. Ярослав Владимирович: В 5 т. Т. 5: Дмитрий Буланин. СПб., Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1995. С. 291.

¹⁸ См.: Махновец Л.Е. Про автора «Слова о полку Игореве». Київ, 1989. С. 43–45.

¹⁹ См.: Виноградова В.Л. О методе лексикологического изучения текста «Слова о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 100.

²⁰ Слово о полку Игореве. С. 18.

²¹ Новиков И. Пушкин и «Слово о полку Игореве». М., 1951. С. 107–110. Ранее на эту же переключку указал И. Мандельштам: Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902. С. 49. Эту параллель признает Ф.Я. Прийма (см.: Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 187). О рецепции Гоголем «Слова о полку Игореве» см. также: Водовозов Н.В. Н.В. Гоголь и «Слово о полку Игореве» // Учен. зап. Моск. город. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. 24, вып. 3; Творогов О.В. Гоголь Николай Васильевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 32–33.

чудо. Все паны и гетьманы собрались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская.

– А то что такое? – допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерсшившиеся в небе и больше похожие на облака и серые и белые верхи.

– То Карпатские горы! – говорили старые люди, – меж них есть такие, с которых век не сходит снег, а тучи пристают и ночуют там» (I–II: 323–324).

Это описание для Ю.М. Лотмана – «пример “закручивания” пространства – плоскостное пространство обыденного мира изоморфно вогнутому в мире волшебном <...>». Его вывод: «Итак, пространства волшебного и бытового миров, при кажущемся сходстве, различны». Однако итоговый вывод представляет собой рационализацию мифопоэтики, на мой взгляд неоправданную: «Провалы и горы составляют рельеф “Страшной мести”, причем там, где Гоголь, по условиям сюжета, не может поднять наблюдателя над землей, он искривляет самую поверхность земли, загибая ее края (не только горы, но и море!) вверх»²². Утверждение Ю.М. Лотмана безусловно принимает Б.А. Успенский²³.

На мой взгляд, в гоголевской повести действительно происходит своеобразное искривление и загибание пространства на его границах. Это Крым и море, которые можно видеть только при такой пространственной метаморфозе, и, возможно, Карпатские горы (впрочем, в случае с Угорскими горами, возможно, происходит не загибание пространства, а фантастическое сокращение дистанции, разделяющей предмет и наблюдателей).

Подобное загибание пространства встречается также в повести «Тарас Бульба» (первая редакция повести – 1834, опублик. 1835). Сыновьям Тараса Бульбы, покидающим отцовский дом и отправляющимися с отцом в Сечь, «уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и все собою закрывала» (VII: 244). Превращение «равнины» в «гору» не мотивировано визуальным опытом. Но перед этим описанием строилось иначе, как раз в соответствии с визуальным опытом: «Они оглянулись назад: хутор их как будто ушел в землю, только стояли на земле две трубы от их скромного домика; одни только вершины дерев <...> один только дальний луг еще стлался перед ними <...>. Вот уже один только шест над колодезем <...> одиноко торчит в небе <...>» (там же: 243–244). Но в «Тарасе Бульбе» заги-

²² Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя. С. 260, 265.

²³ См.: Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 89, примеч. 9.

бание пространства – не физическая и не мистическая реальность, как в «Страшной мести», а, скорее, условный прием.

Эта трансформация пространства, «вздыбливание» равнины, возможно, мотивировано текстом «Слова о полку Игореве», в котором есть восклицание: «О Руская земле! уже за Шеломянемь еси»²⁴. Первые издатели поняли «Шеломя» как имя собственное – название села²⁵. Однако еще в 1810 г. А.Х. Востоков пришел к мнению, что «шеломя» «не иное что значит, как возвышение, пригорок», при этом он предлагал толкование и перевод: «Игореве воинство, вступив в пределы Половецкие, потеряло уже из виду землю отечественную, или: она спряталась за холмом»²⁶.

Таким образом, в трактовке А.Х. Востокова были совмещены значения 'холм' и 'горизонт'. В принципе вершина холма может образовывать часть линии горизонта, и из этого, очевидно, и исходил ученый. В гоголевском же пейзаже произошло своеобразное взаимоналожение равнинного горизонта и горизонта, образованного вершиной холма: сначала изображается равнинный горизонт, – потому дом и деревья и кажутся ушедшими под землю, оказавшимися в провале. Потом же земля на краю позади словно вздыбливается, вспучивается, становясь холмом.

Сходны ситуации в «Тарасе Бульбе» и в «Слове...» Игореве войско и автор, восклицающий: «О Руская земле! уже за Шеломянемь еси», прощаются с покидаемым родным краем. Материнский дом и родину оставляют и сыновья Тараса, отправляющиеся в Сечь. Но утверждать уверенно, что Гоголь читал А.Х. Востокова и отталкивался от его перевода «Слова...», нельзя.

Вернемся к описанию пространства из «Страшной мести». Показательный пример мифопоэтической трансформации – мена левого и правого. Как заметил М.Я. Вайскопф, в повести «киевские наблюдатели обращены к югу (Крым и Черное море), и, значит, Галиция должна была оказаться от них по правую, а не по левую руку, как сказано. Изображение зеркально перевернуто»²⁷. Исследователь объясняет эту мену левого и правого воздействием на Гоголя теософской литературы: «Общим местом теософской литературы были описания тех случаев, когда отдаленные пространства внезапно

²⁴ Слово о полку Игореве. С. 10. Восклицание повторено в тексте «Слова...» еще раз: «О Руская земля! уже не Шеломянемь еси» (там же. С. 12). Уже первые издатели сочли «не» опиской вместо правильного «за», как в первом восклицании и перевели оба фрагмента одинаково (ср.: Там же. С. 10, 12). Эта точка зрения стала господствующей (см.: *Творогов О.В.* Шеломя // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. С. 228–229).

²⁵ Слово о полку Игореве. С. 10, примеч.

²⁶ *Востоков А.* Грамматическое замечание на одно место в песни о походе Игоря // Цветник. 1810. Ч. 6. № 6. С. 319–320. Трактовка А.Х. Востокова восторжествовала в науке над иными толкованиями; ср.: *Творогов О.В.* Шеломя. С. 228–229.

²⁷ *Вайскопф М.Я.* Указ. соч. С. 85.

“сворачивались”, чудесно поддаваясь визуальному охвату». Теософскую основу усматривает он и у пейзажного чуда в гоголевской повести, указывая как ближайший аналог и источник видение отца Игнация в Реджио 22 августа 1653 г. из «Ключа к таинствам природы» К. Эккартсгаузена²⁸. Исследователь замечает, что «Эккартсгаузен, на сей раз, правда, предлагающий вполне научнообразное объяснение, упоминает и о том, что жители Гватемалы “часто видали в облаках своего идола, без сомнения, отражавшегося на зеркальной поверхности поднявшихся паров”»²⁹. Он полагает, что «мотив зеркала не обойден и в гоголевской картине».

Но это объяснение неоправданно рационалистическое: у Гоголя описано именно чудо, зеркала, отражения как мотивировки нет, хотя и происходит мена левого и правого, как в зеркальном отражении в сравнении с самим предметом.

По крайней мере один из источников гоголевской картины – это известие из «Повести временных лет» под 6579 (1071) г.: «В си же времена приде волхвъ, прелщень бѣвсомъ; пришедь бо Киеву глаголаше, сице повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспяты и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися»³⁰.

Это известие воспроизводит Н.М. Карамзин: «В 1071 году явился в Киеве волхв, который сказывал народу, что Днепр скоро потечет вверх и все земли переместятся; что Греция будет там, где Россия, а Россия там, где Греция»³¹. Этому сообщению уделяли внимание и другие авторы исторических сочинений, например Екатерина II в первой части «Записок касательно Российской истории» (1783, 1787): «В то же время пришел к Киеву лжепредсказатель, возвещая людям, будто Днепр имеет пять лет течь вспяты, да будто где Греция, тут будет Русская земля, а где Русская, тут будет Греческая земля <...>»³².

Предсказание волхва оценено летописцем как пустое суесловие. В гоголевской же повести перемена землями своих исконных мест оказывается или явью, или исполненным смысла видением, приобретающая эсхатологическую семантику, предвещающая конечное наказание греха и грешника.

Гоголевская повесть, очевидно, ориентирована (в том числе и в поэтике пространства) прежде всего на фольклорную и древнерусскую традиции в их единстве, а не на теософскую литературу. Образ слепого бандуриста, поющего о давнем злодеянии, символизирует эту преемственность.

²⁸ Там же. С. 83–84.

²⁹ Там же. С. 84–85. Цит. по кн.: *Эккартсгаузен К.* Ключ к таинствам природы. СПб., 1804. Ч. 1. С. 94.

³⁰ Повесть временных лет. С. 75.

³¹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 2–3. С. 58.

³² *Екатерина II.* О величии России / Сост., биогр. очерк, примеч. И.Я. Лосиевского. М., 2006. С. 262.

Список литературы

- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 2. М., 1994 (репринт. изд.: М.: Издание К. Солдатенкова. Т. 2).
- Бельй Андрей.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.
- Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. 2-е изд., испр. и расшир. М., 2002.
- Виноградова В.Л.* О методе лексикологического изучения текста «Слова о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1978. № 6.
- Водовозов Н.В.* Н.В. Гоголь и «Слово о полку Игореве» // Учен. зап. Моск. город. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. 1954. Т. 34, вып. 3.
- Востоков А.* Грамматическое замечание на одно место в песни о походе Игоря // Цветник. 1810. Ч. 6. № 6.
- Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. / Подгот. текстов, сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Воропаева. М., 2006.
- Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 2. XI–XII вік. 2-е вид. У Львіві, 1905 (<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur2htm>).
- Екатерина II.* О величии России / Сост., биогр. очерк, примеч. И.Я. Лосиевского. М., 2006.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. / Подгот. текста В.Ю. Афиани, В.М. Живова, В.П. Козлов. Т. 2–3. М., 1991.
- Котляр Н.Ф.* Ярослав Владимирович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5.
- Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. М., 1988.
- Мандельштам И.* О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902. С. 49.
- Махновець Л.Е.* Про автора «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1989. С. 43–45.
- Новиков И.* Пушкин и «Слово о полку Игореве». М., 1951.
- Повесть Временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. (Серия «Литературные памятники».) Текст по Лаврентьевскому списку.
- Полевой Н.* История русского народа. Т. 1. М., 1997.
- Прийма Ф.Я.* Слово о полку Игореве в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980.
- Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А.И. Мусина-Пушкина / Под ред. А.Ф. Малиновского; с приложением статьи проф. М.Н. Сперанского и факсимиле рукописи А.Ф. Малиновского. М., 1920 [Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800].
- Софронова Л.А.* Природное пространство в мифопоэтических условиях: повесть Гоголя «Вий» // Ландшафты культуры: Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида. М., 2007.

Творогов О.В. Гоголь Николай Васильевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». 1995. Т. 1.

Творогов О.В. Шеломя // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5.

Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995.

Устіанович К. Три цікаві загадки. Чернівці, 1902. С. 72 и сл.

Чумак Т.М. Исторические реалии в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» // Вопросы русской литературы. Вып. 2. Львов, 1983.

Эккертсгаузен К. Ключ к тайнствам природы. Ч. 1. СПб., 1804.

Сведения об авторе: *Ранчин Андрей Михайлович*, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: ruslit@philol.msu.ru

А.В. Кошелев

**«Я НЕПРЕМЕННО ХОЧУ ВИДЕТЬ
ЭТОГО УПРЯМОГО ХОХЛА...»**

**(К проблеме достоверности
«Записок А.О. Смирновой»)**

В статье на материале обстоятельств знакомства А.О. Смирновой с Гоголем исследуется специфика работы дочери мемуаристки, О.Н. Смирновой, над «Записками» матери.

Ключевые слова: А.О. Смирнова, О.Н. Смирнова, литературные мемуары.

The topic of this article concerns the specific character of the memoirist's daughter's work on her mother's "Notes". It's based on the circumstances of A.O. Smirnov's first acquaintance with Gogol.

Key words: A.O. Smirnova, O.N. Smirnova, literary memoirs.

В противоположных точках зрения, высказанных по поводу достоверности «Записок А.О. Смирновой» (от полного отрицания до признания подлинности), есть общая основа: исследователи пытаются выяснить круг источников, которые могли быть использованы Ольгой Николаевной Смирновой в ее работе.

Л.В. Крестова, безусловно отрицавшая достоверность «Записок...», писала: «<...> первый ряд источников "Записок" Смирновой – устный материал: немногочисленные и очень неточные ссылки (по всей вероятности, на память) на дневники матери, рассказы родных и современников о Пушкине и его эпохе. Второй ряд источников – собственные дневники Ольги Николаевны <...> Наконец, в "Записках" отчетливо проступает личное мнение Ольги Николаевны <...> Ольга Николаевна не могла бы создать, конечно, своего произведения о Пушкине (только так можно назвать "Записки" Смирновой), если бы в руках ее не оказалось разнообразного печатного материала. В первую очередь ею были использованы все публикации покойной матери. <...> Кроме того, под рукой у Ольги Николаевны было Собрание сочинений Пушкина в издании Ефремова»¹.

С.В. Житомирская предположила, что в основе «Записок...» лежат неизвестные материалы мемуаристки, обработанные дочерью, тем самым она ставит под сомнение правомерность категоричного мнения предшествовавшей исследовательницы².

¹ Крестова Л.В. К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А.О. Смирновой // Записки А.О. Смирновой, урожденной Россет, с 1825 по 1845 г. М., 1999. С. 360–361.

² См.: Житомирская С.В. А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 612–631.

Обе исследовательницы, несмотря на противоположные выводы, сходятся в том, что «Записки...» содержат материалы разного времени и происхождения: с одной стороны, данные, восходящие к самой Александре Осиповне (к ее неизвестным записям или устным рассказам), с другой – менее ценные материалы позднего происхождения.

Задачей исследователя, таким образом, оказывается выяснить первый, наиболее ценный пласт «Записок...». Большое значение имеет сопоставление текстов – «Записок...» и мемуаров Смирновой.

Конечно, при подобном анализе мы встречаемся с буквальным совпадением некоторых эпизодов, однако стоит признать, что таких случаев немного. С.В. Житомирская отмечала по этому поводу: «Даже самое беглое сравнение текстов показывает, что в “Записках А.О. Смирновой” и примечаниях к ним Ольги Николаевны встречается ряд эпизодов, не раз повторенных в подлинных мемуарах ее матери – и не только такие запоминающиеся и не раз, вероятно, рассказанные Александрой Осиповной в присутствии дочери, как получение Николаем I в Царском Селе извещения о состоявшейся казни декабристов³, а и простые анекдоты – о рассеянности Ланжерона⁴, о часовом, поставленном стеречь померанцевое дерево⁵, о приключении с Жан-Полем Рихтером⁶ <...> Впрочем, число таких совпадений невелико: из 300 с лишним страниц первой части издания “Северного вестника” совпадения сюжетов с подлинными мемуарами Смирновой встречаются лишь на 12»⁷.

В данном случае речь идет именно о *буквальном* совпадении: повторяющихся ярких фраз, общего тона, оценки событий и пр. Между тем связь «Записок...» в иных случаях оказывается более сложной: Ольга Николаевна Смирнова, основываясь на отрывочных воспоминаниях матери, выстраивает собственный текст, публикуя его иногда и исправляя, устраняя фактические недочеты⁸.

³ См.: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. С. 140–141, 158–159; ср.: *Смирнова А.О.* Записки. М., 2003. С. 109.

⁴ См., например, анекдот о Ланжероне, запершем Александра I в своем кабинете: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. С. 87; ср.: *Смирнова А.О.* Записки. С. 100–101.

⁵ См.: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. С. 146; ср.: *Смирнова А.О.* Записки. С. 108–109.

⁶ См. анекдот, произошедший с Жан-Полем Рихтером у великого герцога Кобург-Готского: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. С. 454; ср.: *Смирнова А.О.* Записки. С. 66–67.

⁷ *Житомирская С.В.* Указ. соч. С. 630. Столь незначительное количество переключек объясняется отчасти тем, что С.В. Житомирская в своем издании публикует лишь рукописное наследие А.О. Смирновой. Так, за его рамками оказываются записи ее воспоминаний, выполненные другими людьми (исследовательница включила лишь ранее не опубликованные записи А.Н. Пыпина).

⁸ Подобный прием О.Н. Смирновой был замечен еще С.Н. Дурылиным при анализе отзыва Николая I о его встрече с Гёте (см.: *Дурылин С.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6. С. 173–178).

В этом отношении показательны воспоминания о встрече и знакомстве мемуаристки с Гоголем.

А.О. Смирнова в своих воспоминаниях неоднократно признавалась, что не помнит, в каком году, где и как она познакомилась с Гоголем⁹. Только однажды, в одном из вариантов «<Баденского романа>», она вспоминает, очень неточно, свой разговор с Гоголем, где они воспроизводят обстоятельства своей первой встречи: «<...> я вас видела в Царском, вы мне попадались, когда я гуляла вокруг озера, вы оборачивались и шли назад, вы были закутаны в альмавиву». – «Совсем не в альмавиву, а просто в шинель». – «Ну, шинель, но я видела, что у вас белый нос, и спросила, кто вы, – он мне сказал, что Гоголь – хохол, он писатель, а потом, кажется, Плетнев привел вас ко мне». – «Совсем нет, вы меня встретили у Аркадия Осиповича и сами пригласили меня бывать у вас – а все-таки я и прежде был с вами знаком. Помните, как мы говорили о Малороссии, о галушках, варениках, коржиках и шуляках»¹⁰.

Здесь, «по-видимому, совместились два события, два временных пласта. Гоголь и Россет встречались, и не раз, в Царском Селе, но их беглое знакомство, возможно, произошло несколько раньше, в конце 1830 или начале 1831 года в доме Балабиных, где Гоголь давал уроки», потому что Плетнева, упомянутого Александрой Осиповной, не было в Царском Селе. Вместе с тем, если придерживаться версии Гоголя, «приглашение не могло последовать в Царском Селе: с начала 1831 года Аркадий Осипович находился в польском походе; на 28 августа как раз приходится его письмо из Варшавы с сообщением о взятии города русскими войсками»¹¹.

В «Записках А.О. Смирновой», напротив, история их знакомства подробно изложена. Оно произошло также в «два этапа»: сначала Александра Осиповна увидела Гоголя-учителя у Балабиных (Гоголь учил одно время Марию, дочь генерала). Она сразу же узнала в нем малоросса и заинтересовалась им: «Он, кажется, очень умен, но говорит мало, так как очень застенчив. <...> Я просила Плетнева привести мне когда-нибудь этого Гоголя-Яновского: я хочу его видеть <...> Он отказался прийти: он слишком робок. <...> Я непременно хочу видеть этого упрямого хохла, поговорить с ним об Украине, обо всем, что мне так дорого. Я просила Плетнева сказать ему, что я также хохлячка»¹².

Собственно знакомство состоялась позднее: «Наконец-то Сверчок и Бычок, мои два арзамасские зверя (имеются в виду Пушкин и Жуковский. – А.К.), привели ко мне Гоголя-Яновского. Я была в восторге от того, что могла говорить о Малороссии, и он также ожи-

⁹ См., например: *Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания.* С. 27, 34, 42.

¹⁰ Там же. С. 488.

¹¹ *Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845.* М., 2004. С. 222–223.

¹² *Смирнова А.О. Записки.* С. 52–53.

вился. Я всех их поразила, продекламировав малорусскую песню. Я уверена, что северное небо давит Гоголя, как свинцовая шапка; порой оно бывает такое тяжелое. Мы говорили обо всем, даже о галушках. Я рассказывала о том, какой страх внушала мне Гопка¹³ своими рассказами о Ви. Пушкин говорил, что это вампир греков и южных славян. У нас, на севере, Вий не встречается в сказках»¹⁴.

За пять лет до выхода «Записок...» О.Н. Смирнова опубликовала отрывок из своего дневника, где был записан разговор ее матери, Гоголя и И.С. Аксакова в Калуге, состоявшийся в 1850 г.:

«*Николай Васильевич*. Я давал уроки одной барышне¹⁵, прескучный урок: я не педагог... Моя бедная ученица зевала. Александра Осиповна пришла к нам с сестрой моей ученицы, заметила меня и тотчас узнала хохла. <...> Александра Осиповна тут же заметила, что небосклон Северной Пальмиры тяготит и гнетет хохла. <...> Она знала уже, что П.А. Плетнев меня принимал дружелюбно и что В.А. Жуковский и А.С. Пушкин благоволили к хохлу. На другой день она приказала Плетневу доставить к ней хохла; это было им тотчас исполнено. Плетнев при Василии Андреевиче и Александре Сергеевиче передал мне приказание Александры Осиповны явиться к ней. Я закобенился, не захотел повиноваться; но тут Жуковский и Пушкин оба закричали на меня и сказали, что я глуп, и невсжа, и грубьян, что все должны слушаться Александры Осиповны и что никто не смеет упираться, когда она приказывает. Побранив меня порядком, А.С. Пушкин, которому нельзя было отказать, и В.А. Жуковский схватили меня и повели во дворец к Александре Осиповне. Когда она увидела меня с моим конвоем, она сказала: “Наконец-таки пришли! Ведь и я хохлачка, и я помню Малороссию. Мне было всего семь лет, когда я уехала на север, на скучный север, а я все помню и хутора, и малороссийские леса, и малороссийское небо, и солнце. Поговорим о родном крае”. Александра Осиповна прочитала мне малороссийские стихи. Тут я узнал, что мы уже давным-давно знакомы и почти друзья и что мы всегда будем друзьями.

<...> *Иван Сергеевич*. Неужели вы в самом деле забыли про это, Александра Осиповна? <...> неужели вы это забыли, Александра Осиповна; даже не записали! Покайтесь!

<...> *Александра Осиповна*. Записать-то я записала; я все записывала: разговоры с Пушкиным и Жуковским и другими, и теперь помню этот первый визит Николая Васильевича; но ведь это было так давно! Николай Васильевич, это было в Петербурге; мы уезжали в Царское; вы были потом у меня в Царском с Пушкиным. Этот день

¹³ Няня, которая ходила за детьми Россет в Грамакле, под надзором гувернантки-швейцарки Амалии Ивановны, при которой все они родились (*примеч. О.Н. Смирновой*).

¹⁴ *Смирнова А.О.* Записки. С. 52–54.

¹⁵ М.П. Балабиной, впоследствии Вагнер (*примеч. В.И. Шенрока*).

я помню. Была гроза – я боюсь грозы – и вы мне рассказали смешной анекдот малороссийский, старались меня развлечь и Пушкин читал стихи шутовские... Это я очень хорошо помню...»¹⁶.

Отрывок из дневника вошел в статью В.И. Шенрока «А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь», которая предваряла публикацию их переписки. В ней Шенрок осторожно датирует время, к которому относится описанная встреча. Он ссылается на Ольгу Николаевну Смирнову, которая в свою очередь опирается на еще не появившиеся в печати «Записки...»: «Трудно сказать с точностью, к какому именно году относится начало знакомства Александры Осиповны с Гоголем. Ольга Николаевна Смирнова, по многим соображениям, склонна относить его к 1830 или даже к концу 1829 г. В дневнике Александры Осиповны рассказ об этом знакомстве записан вместе с заметками и рассказами о путешествии Пушкина в Арзрум, о войне 1829 г., о смерти Грибоедова; далее следует о знакомстве с Гоголем, о чтении у нее в рукописи “Вечера накануне Ивана Купалы” <...>. И тут же пытается опровергнуть высказанное мнение: «Так как Гоголь познакомился с Смирновой через Пушкина, то и было бы весьма важно определить начало знакомства обоих писателей <...> знакомство Гоголя с Пушкиным, а следовательно, и с Смирновой, относится к летним месяцам 1831 года <...> можно наверное приурочить его к маю этого года <...>»¹⁷.

Именно чтение Гоголем своей повести стало главным фактом в определении времени их знакомства. Основываясь на этих сведениях, А. Черницкая в статье «К биографии Гоголя» пишет о времени их знакомства: «Г-н Шенрок по многим соображениям полагает,

¹⁶ Русская старина. 1888. № 4. С. 46–48. Приведенный отрывок не является единственным воспоминанием об этом знакомстве. См., например, записи П. Висковатова-Висковатого (разговоры с А.О. Смирновой относятся к 1867 г.): «Познакомилась я с Гоголем еще в детстве ... Меня рано увезли из Малороссии, и воспоминания о ней и детстве как-то сплетались с образом ребенка Гоголя, игравшего со мной. Вот почему, встретившись позднее в Петербурге в доме, где Гоголь давал уроки, я заинтересовалась “хохлом”, который был неловок и застенчив и совсем неинтересен при первом знакомстве. Но меня влекла к нему память о детстве и дорогой Малороссии, представлявшейся мне в каком-то таинственном полусвете <...> И в этом таинственном полумраке рисовался мне неясный образ мальчика, рассказывавшего мне что-то, мастеровившего какую-то игрушку, а на синем небе с алою полосой солнечного заката причудливо обозначались узоры вишневых деревьев, тянувшихся вдоль плетня. Как и когда мы увидели друг друга в первый раз, я никогда не могла вспомнить. Не раз я задавала вопрос о том Гоголю, но он всегда отвечал мне:

– Никогда не было этого первого раза. Мы всегда были с вами знакомы (*Висковатов-Висковатый Пав.* Из рассказов А.О. Смирновой о Н.В. Гоголе // Русская старина. 1902. № 9. С. 486–487). Конечно, утверждение А.О. Смирновой о том, что с Гоголем она была знакома еще в детстве, не следует понимать в прямом смысле: Александра Осиповна хочет подчеркнуть близость ее с писателем по духу и по происхождению. В целом же это воспоминание повторяет слова мемуаристки о том, что она не помнит времени их знакомства.

¹⁷ Русская старина. 1888. № 4. С. 44–45.

что Гоголь познакомился с Александрой Осиповной в 1831 году. Такое предположение его не кажется основательным ввиду того, что дочь Александры Осиповны, Ольга Николаевна Смирнова, относит знакомство ее матери с Гоголем к 1829 году. Она ссылается в данном случае на дневник Александры Осиповны, к сожалению не вышедший еще в свет <...> Повесть Ивана Купала появилась, как известно, в первый раз в печати в феврале 1830 года. Читана она была Смирновой в рукописи, ранее февраля 1830 года»¹⁸.

О.Н. Смирнова критически отнеслась к этим выкладкам Черницкой, откликнувшись на нее статьей «Ответ г-же Черницкой по поводу ее статьи “О дружбе Гоголя с А.О. Смирновой”». Она была послана для публикации в «Русскую старину» через Шенрока в 1890 г., однако, признанная М.И. Семеvским неинтересной, так и не была опубликована. Писарская копия ее хранится в фонде журнала в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В ней она не вполне убедительно спорит с оппоненткой: «Г-жа Черницкая при определении начала знакомства Гоголя с моей матерью позволила себе сослаться на мои слова, произвольно исказив их: я никогда не думала предполагать возможность знакомства моей матери с Гоголем до появления в печати “Ганца Кюхельгартена”, так как знаю наверное из дневника моей матери, что Гоголь познакомился с нею гораздо позднее. Мое предположение о годе первого знакомства моей матери с Гоголем г-жа Черницкая узнала очевидно из названной выше статьи г. Шенрока, где, впрочем, было сказано ясно, что я допускаю возможность их первой встречи *только в 1830 году или в конце 1829 года*. <...> Весь рассказ о первой встрече Гоголя с Александрой Осиповной был передан г. Шенроком на основании отрывка из дневника, сообщенного ему мной, и г-жа Черницкая весьма опрометчиво поступила, не доверяя этому сообщению и позволяя себе свои догадки прикрывать авторитетом моего имени. Да и вообще г-жа Черницкая слишком пренебрегает источниками и хронологией, не придавая ей особой важности.

<...> Неверно хронологически сообщение г-жи Черницкой, что повесть Иван Купала (sic!) появилась в печати в феврале 1830 года, и читана была Смирновой в рукописи, следовательно, *ранее февраля 1830 года*. Судя по этому, г-же Черницкой неизвестно даже то, что эта повесть была переделана Гоголем и, следовательно, могла быть прочитана им в рукописи уже позднее»¹⁹.

В самих же «Записках...» Гоголь свою повесть не читал: сама полемика между О.Н. Смирновой и А. Черницкой неожиданно оказалась абсолютно пустой. Убедившись в этой хронологической

¹⁸ Черницкая А. К биографии Гоголя. О дружбе его с А.О. Смирновой // Северный вестн. 1890. № 1. С. 203.

¹⁹ РО ПД. Ф. 265 (архив «Русской старины»). Оп. 2. Ед. хр. 701.

«нестыковке», О.Н. Смирнова, по всей видимости, заменила в тексте «Записок...» «Вечера накануне Ивана Купала» на «Вия»²⁰. Это, конечно, «отодвинуло» время их знакомства более чем на год, тем не менее и это описание вряд ли возможно²¹.

Вне всякого сомнения, достоверность сообщения, изложенного в «Записках...» и ранее – в дневнике О.Н. Смирновой, сомнительна, однако, несмотря на то, что она явно путает факты, она, безусловно, опирается на воспоминания матери (а они были впервые опубликованы лишь в 1989 г.).

Конечно, мы далеки от мысли на этом материале делать какие-нибудь общие выводы о достоверности «Записок...». Но этот пример, как нам представляется, ясно демонстрирует манеру работы О.Н. Смирновой над заметками матери.

Список литературы

- Авенариус В.* Первое знакомство Гоголя с Пушкиным и А.О. Россет // Русская старина. 1897. № 2.
- Висковатов-Висковатый Пав.* Из рассказов А.О. Смирновой о Н.В. Гоголе // Русская старина. 1902. № 9.
- Витберг Ф.* Еще к вопросу о начале знакомства Гоголя с Пушкиным // Русская старина. 1897. № 8.
- Дурылин С.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932.
- Житомирская С.В.* А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
- Крестова Л.В.* К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А.О. Смирновой // Записки А.О. Смирновой, урожденной Россет, с 1825 по 1845 г. М., 1999.
- Манн Ю.В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004.
- Фомичев С.А.* Повесть Гоголя «Вий» (заметки комментатора) // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуро. М., 1995–1996.
- Черницкая А.* К биографии Гоголя. О дружбе его с А.О. Смирновой // Северный вестн. 1890. № 1.

Сведения об авторе: *Кошелев Анатолий Вячеславович*, канд. филол. наук, докторант Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. E-mail: anatoly.koshelev@novsu.ru

²⁰ Рассуждения Пушкина о Вии, вне всякого сомнения, не имеют под собой реальной основы. Гоголь указывает источник Вия в авторском примечании к своей повести (см.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 2. С. 321), которые признаны авторской мистификацией (см. подробнее: *Фомичев С.А.* Повесть Гоголя «Вий» (заметки комментатора) // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В.Э. Вацуро. М., 1995–1996. С. 441–446).

²¹ См.: *Авенариус В.* Первое знакомство Гоголя с Пушкиным и А.О. Россет // Русская старина. 1897. № 2. С. 327–332 (с отнесением первой встречи Гоголя с А.О. Россет на 6 мая 1831 г., а второй раз – 7 мая); *Витберг Ф.* Еще к вопросу о начале знакомства Гоголя с Пушкиным // Русская старина. 1897. № 8. С. 441–446 (автор опровергает предположение Авенариуса).

СТАТЬИ

Э.Б. Крылова

РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ ИМПЕРАТИВОВ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной статьи является анализ императивных конструкций, образованных сочетанием глагольной формы императива и модальных частиц датского языка. Ограничение группы частиц, способных создавать подобные конструкции, обусловлено их функционально-семантическими особенностями. На примере императивных конструкций с модальной частицей *bare* в статье демонстрируется их способность выражать различные типы побудительных речевых актов в зависимости от целого ряда факторов, таких, например, как семантика предиката, наличие или отсутствие негации, положение частицы в структуре предложения (препозиция или постпозиция по отношению к предикату), ее ударная/безударная позиция.

Ключевые слова: побудительные речевые акты, императивные конструкции с модальными частицами, функциональная семантика, бенефактивность действия.

The paper analyzes the Danish imperative when it occurs with a group of so-called modal particles that have specific functional-semantic qualities enabling them to enter into this type of construction. It is demonstrated on the basis of the particle *bare*, literally 'naked', that the presence or absence of factors such as stress and negation, together with word order and the specific meaning of the verb play a role in the verbalization of different directive speech acts.

Key words: directive speech acts, imperative constructions with modal particles, functional semantics, the pragmatic notion of benefactivity.

Употребление в датском языке повелительных предложений с предикатом, выраженным формой императива, имеет свои особенности. Датские практические грамматики рекомендуют для выражения различных типов побуждения косвенные директивные речевые акты, объясняя это тем, что собственно императивы в датской речи воспринимаются как приказы. Однако помимо косвенных речевых актов, действительно широко используемых для выражения побуждения к действию, в датском языке активно употребляются собственно императивные речевые акты, для которых характерна глагольная форма императива. Типы таких побудительных речевых актов могут быть различными: совет, рекомендация, просьба, разрешение, требование, приказ и т.д. Такая разнородность данного круга прагматических

значений объясняется главным образом употреблением в сочетании с императивом тех или иных модальных частиц, конкретизирующих его категориальное значение побуждения.

Для большинства датских исследователей характерно представление об императиве как о наклонении, совершенно отличном от индикатива, способного не только отражать всевозможные целеустановки говорящего (утверждение, вопрос, побуждение), но и иметь различные временные формы [Wiwel, 1901: 144–145; Diderichsen, 1946: 125; Hansen, 1967: 32]. Однако, как замечает Джон Лайонз, императивные предложения объединяет с восклицательными, вопросительными и утвердительными то, что «помимо своего пропозиционального содержания они также кодируют и грамматикализуют <...> тот или иной вид непропозициональных компонентов значения предложения. Как в декларативных предложениях грамматикализовано их характерное функционирование в роли утверждений и в вопросительных предложениях – их характерное функционирование как вопросов, так в императивных предложениях грамматикализуется их характерное функционирование в роли приказов, просьб и т.п.» [Лайонз, 2003: 208].

В целом директивный речевой акт определяется как выражение волеизъявления говорящего, которое направлено на каузацию деятельности адресата [Searle, 1983]. С точки зрения иллокутивной цели директивы представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий совершил некое действие. Большинство исследователей связывают процесс формирования императивами различных целеустановок с позициями говорящего, слушающего и третьего лица/или ситуации в целом (см., например, [Безяева, 2002: 63; Durst-Andersen, 2008]). При этом, как отмечает М.Г. Безяева, «может маркироваться как совпадение, так и несовпадение позиции говорящего, слушающего или третьего лица и выражаться отношение к каузируемой ситуации» [Безяева, 2002: 63].

Среди исследователей нет единства в наборе признаков выделения и количестве отдельных типов побудительных речевых актов. Так, Е.И. Беляевой выделяются три основных типа директивов:

1) прескриптивный, т.е. предписывающий действие адресата (приказ, распоряжение, разрешение, запрещение, инструкция, предписание, заказ);

2) реквестивный, т.е. побуждающий к действию, совершаемому в интересах говорящего (просьба, мольба, приглашение);

3) суггестивный, каузирующий действие в интересах адресата (совет, предложение, предупреждение).

Каждый из названных типов имеет свой набор признаков. Для прескриптивов характерна облигаторность действия и приоритетность говорящего. У реквестивов это приоритетность адресата,

необлигаторность и бенефактивность действия для говорящего. К характерным признакам суггестивов относятся приоритетность говорящего, необлигаторность и бенефактивность действия для адресата. Данные признакововые комбинации формируют прагматический контекст, позволяющий, например, в русском языке интерпретировать одну и ту же императивную пропозицию то как приказ, то как совет, то как просьбу: Сидите здесь! [Беляева, 1992: 21]. Сам императив как прямой речевой акт не может вне контекста, по мнению большинства исследователей, иметь, например, такие разновидности иллокутивной силы побуждения, как совет, разрешение, инструкция, предложение и др. [Wierzbicka, 1980; Searl, 1983; Palmer, 1986].

Датский исследователь П. Дурст-Андерсен выделяет в любом языке 8 типов директивов, одним из критериев выделения которых является критерий сотрудничества говорящего с адресатом или отсутствия такового. В первом случае говорящий побуждает слушающего к действию, являющемуся для последнего желаемым результатом, во втором не учитывает его волеизъявления [Durst-Andersen, 1995: 660]. В одной из последних статей датского лингвиста выделяется также критерий ожидаемых адресатом награды или наказания за исполнение/неисполнение каузируемого действия [Durst-Andersen, 2008].

В датском языке в сочетании с императивом могут употребляться модальные частицы *bare, blot, da, dog, lige, nu, så*, каждая из которых привносит свою специфику, создавая совместно с глагольной формой императива своеобразную императивную конструкцию и видоизменяя иллокутивный акт в речевой акт то требования, то разрешения, то просьбы, то инструкции.

В зависимости от функциональной семантики каждой модальной частицы и ее инвариантного значения все датские частицы можно разделить на три группы: модальные частицы проблематической модальности (*nok, vel, vist*), модальные частицы афирмативной модальности (*da, jo, dog, nu*) и модальные частицы фактической модальности (*bare, blot, kun, lige, så*).

Модальные частицы проблематической модальности (*nok, vel, vist*) не могут быть использованы в контексте императива в силу того, что сфера их функционального влияния ограничена субъективным миром говорящего [Крылова, 2004], тогда как директивный речевой акт предполагает целенаправленное воздействие на слушающего и изменение его субъективного мира. Наличие же в повелительных предложениях лексем *nok* и *vel* в сочетании с императивом однозначно свидетельствует об употреблении в них в обстоятельственной функции наречий *nok* 'достаточно' и *vel* 'хорошо', омонимичных данным частицам, см. также [Christensen, 2007: 146]: *Få nok søvn, spis regelmæssigt og sørg for frisk luft!* 'Спи достаточно, ешь регулярно

и чаще бывай на свежем воздухе!’ Lev vel og far vel! ‘Будь здоров и доброго пути!’

Модальные частицы афирмативной модальности (da, dog, jo, nu) имеют функциональную нацеленность на адресата, так как их основная прагматическая функция – подтвердить слушающему достоверности содержания пропозиции (о модальных частицах как средствах афирмативной модальности см. [Крылова, 2004, 2008; Krylova, 2006, 2007]). Такое иллокутивное воздействие на адресата обуславливает возможность употребления афирмативов в императивных предложениях. Так, императивная конструкция образуется при сочетании императива с частицей da, сигнализирующей слушающему, что для достижения им желаемого результата говорящий считает необходимым предпринять действие, обозначенное формой императива. При этом афирмативный конклюдив da отводит возможные сомнения или иное мнение слушающего.

Для модальных частиц dog, jo и nu, помимо афирмативной функции, характерна также анафорико-катафорическая коммуникативная функция, так как их значения можно определить как оценочное несоответствие реальной пропозиции содержанию анафорического высказывания. Прагматическая семантика как модальной частицы dog ‘*вопреки моим ожиданиям/утверждениям*’, так и модальной частицы nu ‘*вопреки ожидаемому другими*’ [Крылова, 2008: 23–25] допускает их использование в императивной конструкции.

Однако в сочетании с императивом могут употребляться не все частицы, имеющие афирмативную функцию. Так, например, функциональная семантика афирмативного экспликатива jo определяется нами как подтверждение говорящим достоверности пропозиции путем привлечения знания самого слушающего, основанного на одинаковом с говорящим представлении о поведении в данной ситуации. При этом слушающий может его в данный момент не учитывать. Такое функционально-семантическое описание делает невозможным употребление jo в контексте императива: *Kom jo! ср. с русск.: *Иди ведь! [Безяева, 2002: 290]. Следовательно, модальные частицы vel и jo, характеризующиеся как проблематический (vel) и афирмативный (jo) экспликативы 2-го лица [Крылова, 2004], не могут быть использованы говорящим в директивном речевом акте, так как их главной коммуникативной функцией является вовлечение слушающего в оценку ситуации, что противоречит основной иллокутивной функции императива.

Такие функциональные условия, как наличие аргументирующей функции (så), эффект минимизации или то, что называют симплицитностью (bare, blot, lige), не препятствуют употреблению частиц фактической модальности bare, blot, lige, så в императивном предложении.

Модальная частица фактической модальности *kun*, имеющая выделительно-ограничительную коммуникативную функцию, также может употребляться в контексте императива, однако она не влияет на его семантику, поскольку не образует с ним императивной конструкции, а только ограничивает объект каузируемого действия, не изменяя основной иллокутивной функции императива:

Spis kun suppen og frugter. 'Ешь только суп и фрукты'. *Nør kun det, du vil høre.* 'Слушай только то, что хочешь'.

По результатам проведенных исследований можно представить следующие типы модификаций частицами императивных речевых актов:

Imp. + *bare* = разрешение / предложение аргумента / инструкция;

Imp. + *blot* = инструкция;

Imp. + *da* = совет, призыв;

Imp. + *dog* = побуждение / просьба;

Imp. + *lige* = инструкция / призыв;

Imp. + *nu* = приказ, пожелание;

Imp. + *så* = приказ.

В связи с невозможностью подробного рассмотрения в рамках данной статьи всех вариантов императивных конструкций с модальными частицами мы проиллюстрируем все вышесказанное на примере анализа императивных конструкций с модальной частицей *bare* 'просто, только'.

Bare может формировать с императивом различную функциональную семантику в зависимости от целого ряда факторов, таких, например, как положение в структуре предложения (препозиция или постпозиция по отношению к предикату), ударная / безударная позиция, наличие или отсутствие негации, семантика предиката.

Imperativ + bare

1. Imp. + *bare* = речевой акт **разрешения**. Условия реализации: структура диалога, безударная позиция частицы после акционального предиката в форме императива.

В структуре диалога наиболее распространенными являются случаи употребления безударного *bare* в постпозиции к императиву. Для таких контекстов характерны акциональные предикаты, которым свойственна активность и целенаправленность действия: *Jeg ville høre om I havde lidt mad og måske en seng til en fattig gadepige – sagde prinsessen ynkeligt.* – *Jo, selvfølgelig, kom bare ind.* «Я хотела бы узнать, найдется ли у Вас немного еды и ночлег для бедной нищенки», – жалобно сказала принцесса. «Да, разумеется, входи». В данной ситуации частица, имеющая инвариантное значение «минимизация действия и симплицитность», сигнализирует, что достижение желаемого адресатом действия возможно, и он способен его совершить при минимальных усилиях: достаточно только войти в дом. При ис-

пользовании императивной конструкции с *bare* говорящий, учитывая нерешительность слушающего или его некомпетентность, убирает с его пути мыслимые преграды для осуществления каузируемого глаголом действия и делает этот путь открытым (ср. значение исходного прилагательного *bare* 'голый', от которого была образована частица [Durst-Andersen, 2008]).

Для речевого акта разрешения, формируемого данным сочетанием, характерны актуализация более высокого уровня компетентности говорящего по сравнению со слушающим, косвенно выражающим свое желание, а также некатегоричность побуждения. Параметр обязательность каузируемого действия, предлагаемый Е.И. Беляевой для анализа речевого акта разрешения [Беляева, 1992: 21], представляется нам неточным, так как совершение такого действия его субъектом является хоть и естественным перлокутивным результатом иллокутивного акта разрешения, но, однако, необязательным: *Hun ville rejse sig og kunne ikke, den tunge krop hang som en uflyttelig dødvægt i stolen... – Bliv bare siddende lidt, sagde værkføreren...* 'Она хотела подняться, но не смогла – отяжелевшее тело повисло на стуле, как неподъемный груз... «Посидите немного», – сказал начальник цеха'. Вместо параметра обязательность целесообразно использовать параметр категорическое / некатегорическое побуждение, по которому Е.А. Шмелева проводит разграничение таких побудительных актов, как запрещение и разрешение [Шмелева, 1990: 66–71].

Анализируемый речевой акт разрешения инициирован самой ситуацией или косвенными высказываниями собеседника, приведшими говорящего к необходимости подобной реакции. Число императивных конструкций с *bare*, вводящих разрешение, ограничено семантикой предикатов: *Sæt dig bare ned*. 'Сядишь'. *Lad tasken bare ligge her*. 'Оставь сумку здесь'. *Spørg bare, hvis der er noget*. 'Спрашивай, если что'.

Для речевого акта разрешения часто характерно наличие в контексте императива эксплицитно выраженного субъекта каузируемого действия, т.е. адресата, что, безусловно, не может не сказаться на контекстно-семантических отношениях. Интересно, например, что исследователи русского, английского и ряда других языков (подробнее об этом см. [Николаева, 2008]) обращают внимание на семантическое различие между случаями употребления и неупотребления личного местоимения первого лица. Так, для русского языка отмечается, что *Я* маркирует «семантику неприсоединения к точке зрения Другого» ([Брейяр, Фужерон, 2001], цит. по [Николаева, 2008: 56]). По наблюдениям датского исследователя Т. Кристенсен, присутствие местоимения второго лица *du/I* в сочетании с формой императива в датском языке сигнализирует, что каузируемое действие оценивается говорящим как желаемое адресатом [Christensen, 2007:

88–89]. Это, по мнению автора, может быть свойственно ситуациям, когда со стороны адресата отсутствует эксплицитное проявление такого желания, но говорящий догадывается о нем и в некоторой степени превосхищает события, избавляя партнера от необходимости эксплицировать его, например: Hun kiggede på sit armbåndsur og udbød: “Gud er klokken så meget! Så må jeg desværre smutte. Men tag *du* bare lidt kaffe og et par kager til. De skriver det på min regning. Hej Gurli, vi ses!” Jeg sagde også “Hej”, og bestilte en ny kande kaffe og tre kager til. ‘Она посмотрела на часы и воскликнула: «Господи, как много времени! Мне, к сожалению, пора бежать. Но ты закажи еще немного кофе и пару пирожных. Они запишут это на мой счет. Пока, Гурли, увидимся!» Я ответил: «Пока», – и заказал еще кофейник кофе и три пирожных’.

Желание адресата осуществить каузируемое императивом действие не является, однако, обязательным условием присутствия личных местоимений второго лица *du/I* в предложении. Так, в следующем примере субъект императивного действия предпочел бы остаться, но его ждут дома: – Jeg ville gerne være blevet, men jeg tror ikke, jeg kan være væk hjemmefra længere. <...> Nej, det troede Maria heller ikke. – Tag *du* bare hjem, sagde hun. – Jeg skal nok blive her. ‘– Я бы очень хотела остаться, но мне пора. <...> Да, – согласилась Мария. Ты иди домой, – сказала она. – Я побуду здесь’. Наиболее важным, как представляется, является то, что здесь речевой акт разрешения реализуется в ситуации, препятствующей выполнению адресатом желаемого или необходимого действия. Разрешая совершить его, говорящий считает это действие бенефактивным для адресата и, самое главное, «принимает на себя обязательства» [Серль, 1986: 160–165] по устранению возникших препятствий, в чем и заверяет партнера.

Таким образом, эксплицитное выражение такого заверения является обязательным условием употребления местоимения второго лица в условиях речевого акта разрешения. Во всех приведенных ниже примерах высказывание *Jeg/vi skal nok ...* реализует такой речевой акт обещания [Крылова, 2004]: – Jamen jeg har altså en aftale, ska’ ind på politistationen og ønske gutterne en god jul! <...> Vi skal nok nå det, siger mor beroligende. Smut *du* bare Brian og hils inde på stationen. ‘– Да, но я договорился, мне нужно в участок поздравить ребят с Рождеством. <...> Мы справимся, – успокоила мама. – Ну, ты беги, Бриан, и передавай привет там на станции’. Og min angst forsvandt. Det var, ligesom hun sagde: “Kom *du* bare, min pige, gå blot videre. Jeg skal nok hjælpe dig”. ‘И мой страх исчез, будто она сказала: «Ты заходи, моя девочка, проходи дальше. Я помогу тебе»’. “Fornuftig pige”, sagde moren. “Skriv *du* bare, så skal jeg nok lave morgenmad. ‘Умница, – сказала мама. – Пиши, а я тогда приготовлю завтрак’.

Само сочетание императивной конструкции *Impr. + bare* с личным местоимением, выражающим субъект императивного действия, не несет, на наш взгляд, признаков бенефактивности данного действия для одного из коммуникантов, если это значение не специфицируется в ближайшем контексте.

2. *Impr. + bare* = **совет, рекомендация**. Условия реализации: структура диалога или монолога, безударная постпозиция по отношению к предикату, возможность наличия субъекта каузируемого действия.

Конструкции с *bare* могут также использоваться в случае побуждения слушающего сделать то, чего он сам «возможно, не желает или, во всяком случае, не высказывает такого желания», тогда как говорящий считает это полезным для него [Christensen, 2007: 88–89]. Такой речевой акт может быть отнесен к суггестивному типу директивов и охарактеризован как совет, рекомендация, так как ему свойственны приоритетность говорящего, необлигаторность и бенефактивность, с точки зрения говорящего, действия для адресата. Субъект императивного действия может присутствовать в предложении для выражения говорящим, как подчеркивалось выше, заверения в достижении желаемого результата в случае применения данной рекомендации. Однако такая экспликация субъекта является необязательной, особенно, если говорящий обращается не к какому-то конкретному лицу и ограничивает свою роль рамками совета, ср., например, два следующих предложения: *Stol du bare på mig, jeg har jo prøvet det her før...* ‘Ты просто положишься на меня, я же это уже раньше делал’. *Når man møder kretensere på vejene, så smil bare og sig “Kalimera”, som betyder godmorgen.* ‘При встрече с критянами на улице просто улыбнитесь и скажите им «Калимера», что значит «доброе утро»’.

3. *Impr. + bare* = **предложение аргумента**. Условия реализации: структура монолога, безударный вариант частицы в постпозиции к перцептивному или ментальному предикату, невозможность употребления в контексте негации.

Для монологической речи, а именно для языка периодических изданий, также характерно употребление безударного варианта *bare* в постпозиции к императиву, выраженному главным образом перцептивными и ментальными предикатами, например: *Grimme tænder duer ikke i moderne politik. Se bare på Tony Blair – det er lige meget, hvad man siger, bare man har hvide bisser, mens man gør det.*(P) ‘Людам с некрасивыми зубами не место в современной политике. Посмотрите хотя бы на Тони Блэра – все равно, что человек говорит, лишь бы у него при этом были белые зубы’. “Eva er simpelthen noget af det mest u-kulturelle, der findes. Tænk bare – ikke en eneste af mine film har hun set”, siger Ole Stephensen. ‘«Ева просто бескультурная до

невозможности. Подумай только – ни одного из моих фильмов она не видела», – говорит Оле Стефенсен'. Случаи употребления частицы в таком контексте представляют собой особую разновидность императивных конструкций, так как иллюкутивной функцией такого речевого акта является не столько побудить слушающего предпринять выражаемое императивом действие, сколько предложить ему некий аргумент, иллюстрирующий, с точки зрения говорящего, правомерность субъективной оценки, данной им в анафорическом высказывании. Это высказывание (тезис) обычно содержит субъективную оценку говорящего, которую, по его мнению, легко подтвердить целым рядом фактов (истинными аргументами), простейшим из которых является предлагаемый. Используя частицу, говорящий предупреждает возможные вопросы или возражения со стороны слушающего и упрощает для него поиск аргументов в пользу сказанного. Любая из приведенных выше императивных конструкций может быть успешно заменена вводным словом for eksempel 'например' или гортативной конструкцией lad os bare se / tænke / høre... 'давайте просто посмотрим / подумаем / послушаем...'. Все это позволяет говорить о формировании данной императивной конструкцией с bare речевого акта предложения аргумента. Частица привносит в анализируемую конструкцию значение, которое может быть так же, как и в предыдущих вариантах, определено как «достаточно просто убедиться в достоверности анафорического высказывания (посмотрев, подумав, вспомнив нечто)»: Morten Korch oplever vel for tiden en renæssance, men det er i medierne og i København. Han har aldrig for alvor været ude af billedet i den læsende offentlighed – spørg bare bibliotekarerne på landets små biblioteker. '...Он никогда всерьез не выходил из поля зрения читающей общественности – спросите хотя бы (=проще всего спросить) работников маленьких библиотек страны'.

Таким образом, безударная частица bare в позиции к императиву конкретизирует условия выполнения слушающим каузируемого действия и вводит в императивную конструкцию целый ряд параметров. Bare сигнализирует, что слушающему для достижения положительного результата достаточно предпринять простое действие. Эксплицируемая bare гипотеза говорящего о простоте в данной ситуации, но достаточности для слушающего совершения каузируемого действия позволяет говорить о данной частице как о **конклюзивном ситуативе 1-го лица**, за которым стоит сам говорящий, отвечающий за экспликацию данных условий. О значении гипотетического умозаключения свидетельствует и приоритетность говорящего во всех проанализированных контекстах, и необязательность выполнения данного действия адресатом, и то, что побуждение к каузируемому действию не является реакцией говорящего на прямую просьбу собеседника о разрешении, совете, рекомендации, предложении

аргумента. Следует, однако, заметить, что слушающий в целом ряде случаев косвенно провоцирует возникновение такой ситуации.

Imp. + bare + ikke

4. Imp. + bare + ikke = **предостережение**. Условия реализации: употребление конструкции в контексте негации, невозможность экспликации субъекта действия.

Отрицание *ikke* в контексте данной конструкции стоит в постпозиции к *bare*, так как модальная частица относится к внепропозициональным членам предложения, а их прототипическую позицию характеризует невозможность подвергаться негации: *Men tro bare ikke at jeg er naiv...* – ‘Только не думай, что я наивен...’ *Når du kommer til Indonesien, sig bare ikke, at du er dansker.* ‘Только не говори, что ты датчанин, когда приедешь в Индонезию’.

Приведенные примеры прохибитива (отрицательный вариант императива) имеют основное значение «не делай Р». Иллокутивной функцией такого превентивного (предупреждающего) речевого акта является предостережение исполнителю, чтобы им не было совершено неконтролируемого действия, способного нанести ущерб ему самому, говорящему или какому-то 3-му лицу [Храковский, 1992: 38]. Таким образом, необходимыми условиями речевого акта предостережения являются такие параметры, как отрицательная пресуппозитивная оценка говорящим действия, выраженного императивом, а также его неконтролируемость со стороны субъекта. Предостережения от неконтролируемых, а значит, простых действий, как подчеркивают исследователи разных языков, «как правило, выражаются отрицательными императивами» [Вольф, 2006: 17]: *Sig bare ikke ‘jeg elsker dig’.* *Lad mig føle det!* ‘Не говори: «Я люблю тебя». Дай мне это почувствовать!’ *Tal bare ikke til ham!* ‘Не обращай к нему!’

Как и в ранее проанализированных контекстах, иллокутивной функцией императивной конструкции *Imp.+bare+ikke* является воздействие на адресата. Целью такого воздействия в данном случае является предупреждение неких действий со стороны слушающего, затрудняющих, с точки зрения говорящего, достижение положительного результата: *Og det ved forfatteren godt selv, tag bare ikke fejl af hendes forekommende og generte charme...* ‘И писательница сама хорошо знает это, только не ободряйтесь ее шармом предупредительности и застенчивости...’ Выражаемое конструкцией *Imp.+bare+ikke* значение предостережения делает невозможным экспликацию в ее контексте субъекта императивного действия, так как говорящий не может поручиться за достижение бенефактивного результата в случае невыполнения партнером данного предостережения.

На русский язык императивная конструкция с отрицанием в постпозиции к *bare* может переводиться с помощью ‘только не’.

Об иллюкутивной функции предостережения, выражаемой русским 'только не', говорит Д.Н. Шмелев [Шмелев, 2006].

Imperativ + ikke + bare

5. Imp.+ikke+bare = речевой акт **требования**. Условия реализации: структура монолога/диалога, безударный bare в постнегативной позиции между компонентами глагольной конструкции, первый из которых выражен глаголом местоположения.

Случаи употребления частицы bare в постпозиции к императиву с негацией обращают на себя особое внимание из-за атипичной для модальных частиц постнегативной позиции. При детальном рассмотрении обнаруживается, что такое употребление возможно только в конструкциях, первым компонентом которых являются глаголы позиции: ligge 'лежать', sidde 'сидеть', stå 'стоять'. По общему мнению исследователей, данные конструкции используются в датском языке, как и во многих других языках мира, «для обозначения ситуации в процессе ее развития, а также длительности» [Майсак, 2005: 252–292], т.е. для выражения имперфективных значений. Помимо выражения дуративного и хабиутального действия [Kuteva, 1999: 195–196; 2001: 45–47] с уточнением положения субъекта в пространстве, данным конструкциям свойственно, как отмечается в [Вайс, 2000: 370], значение «ничем не нарушаемого процесса». Как представляется, основной особенностью данной конструкции в датском языке является обозначение действия, которое не может проходить параллельно с другим активным действием субъекта, например думать и мыть посуду (точнее, думать, моя посуду), доказательством чему является, например, значение выражения ligger og kører – букв.: 'лежит и едет', которое можно передать как 'просто (=бесцельно) катается по городу'. Именно такая симплицитность действия и делает возможным употребление с данной глагольной конструкцией модальной частицы bare: sidder bare og læser 'просто сидит читает', ligger bare og sover 'просто лежит спит', står bare og venter 'просто стоит ждет'.

Выше были рассмотрены примеры употребления императивной конструкции с отрицанием, стоящим в постпозиции к bare. Если же негация предшествует bare, то значение конструкции меняется. При этом, однако, bare сохраняет свои свойства модальной частицы (см. случаи препозиции отрицания по отношению к модальной частице nok в [Крылова, 2004]). Негация здесь относится к двусоставной императивной конструкции, а не к bare. Так, например, в ситуации, когда все ученики убирают класс, а один учащийся сидит и что-то пишет, ему говорят: Sid ikke bare der og skriv! Tag og hjælp til! 'Ну хватит там сидеть писать! Давай помогай!' Перенос отрицания в постпозицию к модальной частице bare не только разрушил бы саму глагольную конструкцию, но и привел бы к изменению

значения всего императивного высказывания, которое в связи с произведенными перестановками могло бы восприниматься как состоящее из двух частей: предостережение + приказ: *Sid bare ikke der og skriv!* ‘Только не сиди там и пиши!’ – или разрешения одного действия и запрещения другого: *Sid bare der og skriv ikke!* ‘Просто сиди там и не пиши!’ Анализируемая императивная конструкция побуждает адресата к прекращению выполнения действия, совершаемого им в момент речи и препятствующего, с точки зрения говорящего, достижению бенефактивного результата: *Stå ikke bare der og glo!* ‘Ну хватит там стоять глазеть!’ О некоторой потере глаголом местоположения собственного лексического значения и приобретении им в данной глагольной конструкции функции вспомогательного глагола свидетельствует то, что само местоположение субъекта в пространстве не является основной причиной недовольства говорящего. Такое требование о прекращении действия может касаться только действия второго глагольного компонента: *Sid ikke bare der og skriv! Spis!* ‘Ну хватит там сидеть писать! Ешь!’ Для данной императивной конструкции с отрицанием в препозиции к частице характерна эмотивная оценка упрека.

Bare + Imperativ

1. *Bare + Imp.* = речевой акт **инструкции**. Условия реализации: структура монолога/диалога, ударная позиция перед императивом, выраженным акциональным предикатом, невозможность экспликации субъекта каузируемого действия и употребления отрицания.

И в монологической и в диалогической речи используются императивные конструкции с *bare* в инициальной ударной позиции. Препозиция ударной частицы по отношению к императивной форме акционального глагола, в отличие от употребления ее безударного варианта в постпозиции к императиву, сигнализирует слушающему, что ему для достижения желаемого результата необходимо предпринять простое минимальное действие, выражаемое императивом: *Bare skriv, lad være med at analysere. Lad være med at sige: Det kan jeg ikke gøre”, eller ”det kan jeg ikke få” osv. Bare vær aktiv.* ‘Просто пиши, перестань анализировать. Перестань говорить: «Я не могу этого делать», или «Мне этого не добиться» и т.д. Просто будь активным’. *Bare tal med os på sekretariatet så hurtigt som muligt.* ‘Только свяжитесь с нами в секретариате как можно быстрее’.

Именно с целью воздействия на слушающего и изменения его субъективного мира говорящий использует частицу в инициальной ударной позиции, сигнализируя, что для получения слушающим положительного результата необходимо совершить простое каузируемое действие (писать, а не анализировать; связаться с профессионалами, а не брать на себя их функции и т.д.). Все это позволяет данной

императивной конструкции активно использоваться в языке рекламы и всевозможных инструкциях: *Bare spis varieret og sundt*. 'Просто ешь разнообразную и здоровую пищу'. *Bare giv os besked så laver vi det og står for hele designet af din forretnings hjemmeside*. 'Только сообщите нам, и мы сделаем это и полностью оформим дизайн сайта Вашей фирмы'. *Gratis abonnement, bare husk at taste de fire cifre, vi er billigst*. 'Бесплатный абонемент, только не забудьте набрать эти четыре цифры, мы дешевле всех'. *Hvis du vil spørge eller chatte så bare skriv hvad du vil skrive ...* 'Если ты хочешь спросить или пообщаться, то просто напиши то, что хочешь...' В качестве подтверждения предложенных нами обоснований интересно сравнить два похожих примера, где конструкция *bare husk* имеет иллюкутивную функцию инструкции, которой необходимо следовать для достижения бенефактивного результата, тогда как конструкция *husk bare* формирует речевой акт совета, рекомендации: *Bare husk at fjerne .txt-endelsen efter endt download, ellers kan du ikke se den...* 'Только не забудьте (букв.: помните) удалить окончание файла txt после закачки, иначе вы не сможете его увидеть...' *Husk bare: beskær dem ikke forkert, for så kommer der ingen blomster*. 'Не забудьте (букв.: помните) только: обрезайте их правильно (букв.: не обрезайте их неправильно), а то на них не будет цветов'.

Описанная функциональная семантика данной императивной конструкции делает невозможным ее использование в речевом акте предостережения, а именно в контексте негации. Иными словами, иллюкутивная сила предостережения заключается в призыве слушающего к самоконтролю, что значительно сложнее бесконтрольного действия, а это противоречит, как представляется, семантике конструкции *bare + Imp.*, заключающейся в призыве к минимальному и симплицитному действию, с которым, по мнению говорящего, адресат легко справится сам, следуя предложенной инструкции. В связи с этим данная императивная конструкция не может употребляться для выражения предостережения, доказательством чему служит отсутствие в корпусах примеров случаев с негацией в контексте конструкций *bare + Imp.*

Итак, конструкция с ударным *bare* в препозиции к императиву сигнализирует слушающему, что у него нет препятствий для совершения каузируемого действия, которое говорящий считает необходимым для достижения желаемого результата. Подтверждением правомерности предложенного нами анализа прагматической семантики данной императивной конструкции является следующий пример, где иллюкутивная сила вводимых пропозиций эксплицируется перформативным глаголом *instruere* 'инструктировать': *Han instruerer Ingrid: "Du behøver ikke at sige noget, bare smil til ham!"* 'Он инструктирует Ингрид: Ты можешь ничего не говорить, только улыбайся ему'.

2. Bare + Imp. = речевой акт убеждения. Условия реализации: структура монолога/диалога, ударная позиция, ментальный/перцептивный предикат, невозможность экспликации субъекта каузируемого действия и употребления отрицания.

В отличие от императивной конструкции с безударной постпозитивной частицей, где слушающему предлагается аргументация субъективной оценки, данной говорящим в анафорическом высказывании, вводимая ударным препозитивным *bare* аргументация имеет целью убедить слушающего в несоответствии реальной небенефактивной ситуации анафорического высказывания (в примерах выделено курсивом) бенефактивной норме: *Internettet er en teknologi baseret på et amerikansk markedssystem, og hvor vi må konstatere, at deres moral og normer er noget anderledes end vores* – “bare tænk på den strandede våbendiskussion i USA – den har vi af gode grunde ikke i Europa. ‘Интернет – это технология, базирующаяся на американской рыночной системе, а их мораль и нормы, как мы можем констатировать, отличны от наших – только подумайте о потерпевшей крах дискуссии об оружии в США – мы не ведем ее в Европе по веским причинам’. *Han fatter det ikke, bare hør hvad han sagde til USA-Today: “Hver gang vi kommer til en by, står der to sider om mig i hver avis. ‘Он этого не понимает, только послушайте, что он сказал в интервью USA-Today: «Стоит нам приехать в какой-нибудь город, как каждая из местных газет отводит мне по две страницы’. De fleste regeringen tænker kun fem år frem i tiden, når de ta’r beslutninger. Bare se på regnskovene, der blev fældet uden at tænke over konsekvenserne. ‘Большинство правительств думают только на пять лет вперед при принятии решений. Только посмотрите на леса, которые вырубают, не задумываясь о последствиях’.*

Несоответствие, с точки зрения говорящего, небенефактивной ситуации или поведения третьего лица бенефактивной норме (о позитивной оценке нормы см., например, [Вольф, 2006: 134]) актуализирует определенный тип отношений говорящего и слушающего. Это сказывается на структуре императивной конструкции, где инициальное положение частицы сигнализирует о стремлении говорящего убедить слушающего в необходимости негативной оценки поведения субъекта анафорического высказывания или описываемой ситуации в целом. Сама структура конструкции *bare + Imperativ* усиливает эмоциональную оценку осуждения такого нарушения нормы, которое может быть беспрепятственно подтверждено вводимым императивной конструкцией негативным аргументом. Частица *bare*, занимая позицию союза в императивном предложении, берет на себя его функцию, связывая между собой тезис и аргумент, его подтверждающий. *Det kan lyde som en overdrivelse, men ser vi på USA, mener jeg, at videnskaben er døende. Bare se på, hvordan præsident Bush omgås videnskabelige*

data. 'Это может звучать как преувеличение, но если посмотреть на США, то там, по-моему, наука при смерти. Только посмотрите, как президент Буш обращается с научными данными'.

Данная выше характеристика иллюкутивной силы высказывания, состоящего из конструкции с ударным *bare* в препозиции к императиву, выраженному перцептивными или ментальными предикатами, делает невозможным ее употребление в контексте негации, что находит подтверждение в языковом материале.

Таким образом, проведенный на материале датского языка анализ императивных конструкций с модальной частицей *bare* показывает, что частица, находящаяся в своей прототипической безударной позиции после императива и имеющая в качестве основной коммуникативной функции аргументативную, не располагает функциональной потенцией целенаправленно воздействовать на слушающего и принуждать его к действию, о чем свидетельствуют иллюкутивные функции таких речевых актов, как разрешение, совет, рекомендация, предложение аргумента и даже предостережение.

Необходимость воздействовать на адресата в сложившейся ситуации отражается в структурно-просодических изменениях, таких, как препозиция частицы по отношению к императиву и ее повышенная ударность. Интересно, что на такую же особенность русских частиц обращает внимание Т.М. Николаева: «...повышенная ударность стала фактом не позиционным, а функционально-семантическим, в основном работающим на «скрытую семантику», а не на простую делимитацию. Частицы из синтаксических пограничных сигналов стали конденсаторами глубинной смысловой многоканальности. И она выражается усиленным ударением, акцентным выделением» [Николаева, 2004: 121]. Приобретая благодаря такому изменению функцию целенаправленного активного воздействия на адресата, императивные конструкции с ударным *bare* в препозиции в зависимости от той или иной семантики императива формируют речевые акты инструкции или убеждения в необходимости осуждения действия в анафорическом высказывании как не соответствующего общепринятой норме.

Все вышесказанное подтверждает вывод, сделанный относительно средств выражения волеизъявления в русском языке, о том, что «каждая из структур вариативного ряда той или иной целеустановки занимает особое место в системе волеизъявления и обладает своей спецификой значения, соотношением дифференциальных средств разных уровней языка, особенностями сфер общения» [Безяева, 2002: 77].

Проведенный анализ позволяет также приблизиться к объективной оценке той важной роли, которую играют модальные частицы датского языка в выражении широкого спектра не только прагматических, но и грамматических значений.

Список литературы

- Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.
- Беляева Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.
- Брейяр Ж., Фужерон И.* Когда Я нужно? // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. № 4.
- Вайс Д.* Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга? // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна / Ред. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М., 2000.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 2006.
- Крылова Э.Б.* Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц *nok*, *vel* и *vist* в датском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- Крылова Э.Б.* Модальная частица *ni* в датском языке: функционально-семантическая эволюция от наречия к частице // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 3.
- Крылова Э.Б.* Несколько слов в защиту датского будущего // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика: (К дню рождения О.А. Смирницкой). М., 2008.
- Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: Введение / Пер. с англ. В.В. Морозова, И.Б. Шатуновского; под общ. ред. И.Б. Шатуновского. М., 2003.
- Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика: история «блуждающих частиц». М., 2008 (Studia philologica). 2005.
- Серль Дж.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Шмелева Е.А.* Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. М., 1990.
- Christensen T.K.* Hyperparadigmer – en undersøgelse af paradigmatiske samspil i danske modussystemer. Institut for kultur og identitet. Roskilde universitetscenter. 2007.
- Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. København. Nordisk Forlag. 1946.
- Durst-Andersen P.* Om indirekte i direkte sprog handlinger og det direkte i indirekte sprog handlinger // Indlæg fra Forskningsseminaret: Sprog, kultur og kommunikation. Sproginstitutternes Arbejdsblad Handelshøjskolen i København (ARK) – 62. Oktober 1991.
- Durst-Andersen P.* Imperative frames and modality // Linguistics and Philosophy 18. Kluwer Academic Publishers. 1995.
- Durst-Andersen P.* Danske partikler og deres betydning for pragmatik. 2008.
- Hansen Aa.* Moderne dansk III. København, 1967.
- Krylova E.* “De danske affirmative *da* og *jo*” // Sproglig polyfoni. Arbejdsblad 6. Skrifter fra Dansk og Public Relations. Roskilde Universitetscenter. 2006.
- Krylova E.* “Epistemisk polyfoni på dansk” // Therkelsen, Rita/ Møller Andersen, Nina / Nølle, Henning (red.) Sproglig polyfoni. Tekster om Bachtin og ScaPoLine. Aarhus Universitetsforlag. 2007.

- Kuteva T.* On 'sit' / 'stand' / 'lie' auxiliation // *Lingvistics*. 1999. 37 (2).
- Kuteva T.* Auxiliation: An nquiry ito the nature of grammaticalization. Oxford, 2001.
- Palmer F.R.* Mood and modality. Cambridge, 1986.
- Searle J.R.* Intentionality. An essay in the philosophy of mind. Cambridge, 1983.
- Wierzbicka A.* *Lingua mentalis*. The semantics of natural language. N.Y., 1980.
- Wiwel H.G.* Synspunkter for dansk sproglære. København. Det nordiske Forlag. 1901.

Сведения об авторе: *Крылова Эльвира Борисовна*, канд. филол. наук, доц. кафедры германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: krelvira@mail.ru

Н.Б. Пименова

УНИВЕРСАЛЬНА ЛИ СВЯЗЬ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ИМЕН И ЛОКАТИВОВ?

В статье рассматривается проблема специфичности набора конкретных значений у отглагольных отвлеченных словообразовательных типов и, в частности, проблема взаимосвязи инструментального и локативного значений. На примере древнесверхнемецкого языка показывается, что различные словообразовательные типы могут обладать специфичными наборами конкретных значений, в которых совместимость отдельных значений регулируется семантическими закономерностями. Полученные данные имеют значение для исследования истории языков и типологии словообразования.

Ключевые слова: инструментальные имена, локативные имена, словообразовательный тип, отвлеченные производные имена, конкретные значения отвлеченных типов, семантический переход, совместимость значений, типология словообразования, древнесверхнемецкий язык, индоевропейские языки.

The article dwells on the specifics of a set of particular meanings of verbal abstract word-formation patterns. In particular, the author looks into the correlation between instrumental and locative nouns. The author analyzes OHG word-formation patterns and reveals specific sets of their concrete meanings. The compatibility of certain meanings is predetermined by the rules of semantics. The findings of the research help to build up the theory of the history of the language and the typology of word-formation

Key words: instrumental nouns, locative nouns, word formation patterns, abstract derived nouns, particular meaning of abstract word formation patterns, semantic development, compatibility of meanings, typology of word formation, Old High German, Indo-European Languages.

В классическом труде М.М. Покровского по семасиологии древних языков среди других проблем весьма подробно рассматривается регулярность перехода индоевропейских имен с инструментальными суффиксами в локативы. По замечанию М.М. Покровского, локальное значение данных имен «легко выводится из инструментального, так как место действия может служить средством его выполнения»¹. В одном более обширном пассаже эта связь комментируется следующим образом: «Переход из инструментальных имен в локативные принадлежит к числу наиболее легких семасиологических переходов. В самом деле, если мы всмотримся в локальные имена, то найдем в их числе немало таких, которые могут быть поняты как инструмен-

¹ Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. 2-е изд. М., 2006. С. 74. (1-е изд.: Избр. работы по языкознанию, 1959).

тальные: например, лат. *umbraculum*, ввиду глагола *umbrare* 'давать тень', 'покрывать тенью', значит собственно 'то, что дает тень'; из этого основного значения с одинаковой легкостью выводятся как инструментальное ('солнечный зонт'), так и локальное ('тенистое место'); лат. *scala* 'лестница' можно рассматривать и как локальное ('место, по которому всходят'), и как инструментальное имя ('средство взойти наверх'); греч. 'водопой' есть, в сущности, 'то, что дает воду; то, что поит' (*instrum.*) и мн. др.»².

Хотя индоевропейские языки дают лишь немногочисленные примеры подобных переходов в древнейший период³, вторичное и более позднее увеличение количества имен с инструментальными суффиксами, имеющими локальное значение, исследователь относит к процессам, вызванным действием закономерной лексической аналогии. Кроме того, по его мнению, переход в *nomina loci* отвлеченных имен по характеру перехода и способу действия аналогии совершенно сходен с развитием, наблюдаемым в инструментальных именах⁴. Иначе говоря, переход инструментальных имен в локативы ставится им в один ряд с переходом в локативы собственно отвлеченных имен.

Как очевидно, М.М. Покровский фактически выдвигает тезис об универсальности перехода отвлеченных и инструментальных существительных в локативные. Именно так можно понимать утверждение о высокой вероятности и семантической закономерности этого перехода вне зависимости от конкретного языка и конкретной группы имен данных семантических классов.

Эту семантическую тенденцию М.М. Покровский рассматривает с чисто лексикологических позиций, т.е. анализирует направление сдвига в семантике отдельных слов, объединенных в группы по тому или иному лексическому значению («инструмент», «место действия», «действие»). Но можно ли считать, что данный сдвиг в равной мере характерен для слов со значением «инструмент», «место действия», «действие», объединенных в группы по общности словообразовательного суффикса (т.е. по принадлежности к определенному словообразовательному типу)?

Такое изменение угла зрения на проблему и ее постановка в словообразовательной плоскости заставляет переформулировать тезис М.М. Покровского несколько иначе. В этом случае следует сказать, что имена с суффиксами отвлеченного действия закономерно (или регулярно) переходят в локативы, и такое же развитие имеют образования с суффиксами, исторически совмещающими инструментальное

² Там же. С. 94.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 96.

и отвлеченное значения. В частности, для отвлеченных имен такой тезис будет означать универсальное равенство в переходе к локативам для всех словообразовательных типов со значением отвлеченного действия. Другими словами, имена с разными суффиксами должны проявлять одинаковую тенденцию к интересующему нас переходу.

Рассмотрим вопрос об универсальности этой тенденции именно для этого отдельного случая – словообразовательных типов со значением отвлеченного действия.

У словообразовательных типов с основным значением отвлеченного действия конкретные значения «локативов» и «инструментов» подчинены основному значению как вторичные⁵. При анализе этих типов наши наблюдения должны быть направлены на то, чтобы проследить, во-первых, насколько регулярно их отвлеченное значение действия переходит в локативное и, во-вторых, насколько регулярно локативные значения сопутствуют внутри разных типов инструментальным.

Отметим, что современные теории словообразования не дают ясного ответа на вопрос о том, могут ли отвлеченные словообразовательные типы отличаться друг от друга по продуктивности конкретных значений различных подвидов. Более того, проблема закономерной связи разных видов конкретных значений в них даже не ставится. Статус конкретных значений отвлеченных типов описывается в различных концепциях по-разному, но в основном исследователи придерживаются одного из трех главных тезисов.

В соответствии с наиболее распространенным взглядом развитие конкретных значений представляет собой универсальное свойство имен, образованных по отвлеченным словообразовательным типам⁶. Этот тезис фиксирует закономерность самого существования конкретных значений у отвлеченных типов. Вопрос об индивидуальных регулярностях в сфере конкретных значений при данном подходе не рассматривается, напротив, предполагается, что все характерные классы конкретных значений, как правило, свойственны разным типам и задаются лишь семантическими возможностями базовых глаголов. Что касается закрепления одного или нескольких конкретных значений за тем или иным словом, то оно трактуется как обусловленное лексическим значением базового слова и внеязыковыми причинами, но в основном как фразеологичное⁷. Данный подход,

⁵ См.: Янко-Тринецкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001. С. 301–302. Н.А. Янко-Тринецкая говорит о «сопутствующих» значениях отвлеченных типов.

⁶ См. наиболее ясное выражение этого тезиса: Янко-Тринецкая Н.А. Указ. соч. С. 303–304.

⁷ Там же. С. 305.

как очевидно, вполне согласуется с вероятностью дрейфа некоторых лексем к локативам.

Существует, далее, представление о том, что виды конкретных значений представленные у тех или иных отвлеченных типов, составляют индивидуальный набор, который может меняться с течением времени⁸. Индивидуальность набора при этом сводится к наличию или отсутствию того или иного вида конкретных значений в комплексе, свойственном словообразовательному типу. Эта концепция оставляет открытым вопрос о том, являются ли специфические наборы конкретных значений результатом случайного развития или результатом действия некоторых закономерностей.

Наконец, хорошо известен тезис о том, что для отвлеченных отглагольных имен в диахронической перспективе характерна постепенная утрата абстрактных свойств и развитие в результативные и конкретные имена⁹. Дифференциация различных видов конкретных значений для исследователей, разрабатывающих данный тезис, оказывается нерелевантной.

Таким образом, существующие концепции конкретных значений отвлеченных имен не дают никаких оснований для того, чтобы оспаривать наблюдения М.М. Покровского. Тем не менее языковой материал древневерхненемецкого языка, который мы намерены представить в данной статье, опровергает закономерность, сформулированную М.М. Покровским в качестве универсалии.

Полученные нами данные о продуктивности различных видов конкретных значений у разных древневерхненемецких словообразовательных типов с отвлеченным значением показывают, что локативное значение характерно только для некоторых типов, причем локативное и инструментальное значения нередко исключают друг друга.

Присутствие инструментальных и локативных значений у типов регулируется следующей закономерностью: локативы почти всегда

⁸ См.: *Azarx Ю.С.* Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 43; *Hünig M.* Metonymische Polysemie in der Wortbildung // E. Weigand, F. Hundsnerscher (Hrsg.). *Lexical Structures and Language Use*. Vol. 2. Session papers: Proceedings of the International Conference on Lexicology and Lexical Semantics (Münster, September 13–15, 1994). Tübingen, 1996. S. 215–224.

⁹ *Panagl O.* Zum kategorialen Bedeutungswandel von Verbalabstrakta // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 35 1985. P. 213–222; *Panagl O.* Verbalabstrakta. Onomasiologische Vielfalt und semantischer Wandel // M. Habermann, P.-O. Müller, H.H. Munske (Hrsg.). *Historische Wortbildung des Deutschen / Tübingen: Niemeyer*, 2002. S. 59–74. Аргументы против данной концепции см.: *Пименова Н.Б.* Границы применимости тезиса о развитии акциональных имен в результативные и конкретные имена // Актуальные проблемы современного словообразования: Тр. Междунар. науч. конф. (Кемерово, 1–3 июля 2005 г.). Томск, 2006. С. 123–127; *Pimenova N.B.* Der Wandel von konkreten Bedeutungen bei Verbalabstrakta // *Akten des XI. Internationalen Germanistenkongresses Paris 2005 "Germanistik im Konflikt der Kulturen"* / Von J.M. Valentin (Hrsg.). Bern u.a., 2008. Bd. 4 S. 115–119.

не представлены у тех типов, для которых продуктивны¹⁰ инструментальные имена от глаголов воздействия на предметный объект. Наибольшей несовместимостью с локативами обладают инструментальные имена от глаголов изменяющего воздействия на объект, т.е. глаголы действия, которые обозначают изменения в физической структуре и физических свойствах объекта.

Оговоримся, что при рассмотрении проблемы в словообразовательном аспекте классы «локативов» и «инструментальных имен» с необходимостью получают определение по словообразовательной мотивации. Другими словами, при определении семантики имени значение «места» должно выделяться не в его лексическом, а в его словообразовательном значении («место, где происходит процесс или фиксируется состояние, обозначенное мотивирующим глаголом»). Соответственно к инструментальным именам причисляются неодушевленные имена с предметным значением, синхронное словообразовательное значение которых может быть описано парафразой «нечто, что производит действие, обозначенное мотивирующим глаголом». Инструментальные имена, таким образом, представляют собой подкласс субъектных имен, т.е. имен, тематизирующих субъект при мотивирующем глаголе, и относятся к субъектному полюсу конкретных значений отвлеченных типов.

От имен с чистой локативной и инструментальной семантикой следует отличать образования с синкретичным совмещением¹¹ локативного или инструментального значения со значениями других классов, ср., например, нем. Tränke, др.-в.-н. trenkî 'водопой' от trānken, др.-в.-н. trenken 'поить' со значениями места и инструмента действия. Для диагностики совместимости значений внутри типа наиболее существенно образования с чистой локативной и инструментальной семантикой.

Приведем данные и комментарии по отдельным словообразовательным типам.

Тип с суффиксом -î(n)-

У типа имен женского рода на -î(n)- инструментальные значения не представлены в именах от глаголов изменяющего воздействия на объект, но достаточно надежно засвидетельствованы в именах субъектного класса от других глаголов (ср. dekkî¹² 'покрывало' от dekken

¹⁰ Под продуктивностью здесь понимается количественная продуктивность, выражающаяся в наличии значительного числа производных. См. утвердившееся определение данного понятия: *Kubryakova E.S. Die Wortbildung Kap.5 // Allgemeine Sprachwissenschaft. Bd II. Die innere Struktur der Sprache. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von V.A. Serebrennikow Übersetzt ins Deutsche. München; Salzburg, 1975. S. 318.*

¹¹ Термин Ю.Д. Апресяна, см.: *Апресян Ю.Д. Избр. труды. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд. М., 1995. С. 198–199.*

¹² В статье используется универсализованная графемная передача древневерхненемецких слов, принятая в словаре Г. Кёблера, см.: *Köbler G. Wörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes. Paderborn u.a., 1993.*

‘покрывать’, *trenkî* ‘поилка’ от *trenken* ‘поить’, *wazzarleitî* ‘акведук’ от *wazza* ‘вода’ и *leitên* ‘вести’ и др.). Чистые локативы без синкретичного совмещения локативного и инструментального значения, наблюдаемого в *trenkî* ‘поилка’, у имен на *-î(n)* не зафиксированы.

Имена с суффиксом *-an*¹³

Имена мужского рода на *-an* наиболее продуктивны в древневерхненемецком языке в значении одушевленных *nomina agentis* и в значении *nomina instrumenti*. Неограниченная продуктивность имен на *-an* в агентивно-инструментальном значении позволяет выделить это значение как значение отдельного словообразовательного типа, отличного от типа отвлеченного, поскольку у типов, имеющих отвлеченное значение в качестве основного, конкретные значения бывают представлены лишь спорадически (в ограниченной группе лексем). Дополнительным аргументом в пользу выделения двух типов с формантом *-an* служит несовпадение состава баз агентивно-инструментальных и отвлеченных имен: отвлеченные имена на *-an*, в отличие от *nomina agentis* и *nomina instrumenti*, непродуктивны от глаголов действия.

Тем не менее несовместимость инструментального и локативного значения обнаруживается и у этих, синхронно разделенных, но исторически взаимосвязанных имен с единым формантом *-an*. Конкретные значения несубъектных классов у имен на *-an* исключительно редки и представлены именами объектно-результативного типа, ср. *bizzo* ‘кусочек’ от *bîzzan* ‘кусать’. Локативы на *-an* не засвидетельствованы.

Тип с суффиксом *-ti*¹⁴

Субъектные значения у образований на *-ti* (женский род) от безобъектных глаголов представлены как в одушевленных, так и в неодушевленных именах, ср. *uowachst* ‘подрастающее поколение’, *framkumft* ‘потомство’, *samantfart* ‘едущие, идущие вместе’ и, с другой стороны, *âwahst* ‘сорняк’, *gruot* ‘зеленеющий куст’ к *gruoen* ‘зеленеть’, *swulst* ‘нарыв’ к *swellan* ‘набухать’ и некоторые другие.

В двух случаях засвидетельствовано обозначение инструментов действия, ср. *hulst* ‘покрывало’ к *helan* ‘покрывать’, *kluft* ‘щипцы для снятия нагара’ к *klioban* ‘расщеплять, колоть’. Инструментальная интерпретация приведенных имен, впрочем, не очевидна: так, *hulst* ‘покрывало’ может быть тематизацией результативного объекта, а

¹³ См. подробнее: *Pimenova N.B. Zum Konzept der diachron-vergleichenden semantischen Analyse von Wortbildungsmodellen: Schwache an-Maskulina mit abstrakter Semantik in altgermanischen Sprachen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und der deutschen Literatur, 125 2003. S. 1–41.*

¹⁴ См. подробнее: *Пименова Н.Б. Древневерхненемецкие имена на -ti- (ж. р.) и -ti-/-ta- (м. р.) и их готские параллели: параметры сравнения словообразовательных типов в родственных языках // Lingua Gotica: новые исследования. Институт языкознания РАН / Отв. ред. Н.С. Бабенко. Калуга, 2007. С. 180–191.*

kluft может быть обозначением предмета по мотивирующему признаку «расщепления» («щипцы» как «раздвоенный» предмет¹⁵). Более достоверные примеры инструментальных имен, в том числе имен от глаголов изменяющего воздействия, отсутствуют.

Напротив, локативные имена от безобъектных глаголов засвидетельствованы рядом надежных примеров, ср. *giswumft* ‘пруд’ (лат. *colymbus*) наряду со значением ‘плавание’ к глаголу *swimman* ‘плыть’, *skifstat* ‘место для судов, верфь’ к *skif* ‘судно’ и *stân* ‘стоять, оставаться’, *kruft* ‘пещера’ от *kriofan* ‘ползти’.

Тип с суффиксом *-idô-*

Надежные примеры тематизации субъекта глагольного признака представлены только образованиями на *-idô-* (женский род) от глаголов неконтролируемых процессов. Ср. *gifluzzida* ‘жидкость, поток’ к *fiozan* ‘течь, струиться’ или *giflïozan* ‘протекать, стекаться’, *giwâida* ‘ветерок’ от *wâen* ‘веять’, *wahsida* ‘рост, плод’ от *wahsan* ‘расти’, *wiumida* ‘источник’ от *wiumen* ‘струиться’.

В целом ряде имен мы имеем дело с конкретными значениями, отношение которых к мотивирующим глаголам (объектным глаголам действия) имеет более неоднозначный характер и колеблется от субъектно-инструментальной до объектной тематизации, ср. *bifengida* ‘одеяние’ от *bifâhan* ‘покрывать, окружать’, *biheftida* ‘узды’ от *biheften* ‘спутывать, связывать, отягощать’, *gimarkida* ‘граница’ от *gimarkôn* ‘ограничивать’ и др. Так, *bifengida* ‘одеяние’ – это и ‘то, что покрывает’ (перенос мотивирующего признака в направлении субъекта), и ‘то, что является результатом покрывания’ (перенос признака в направлении объекта), *gimarkida* ‘граница’ – это и результат проведения границы, межевания, и ‘то, что ограничивает’. Двойственность направления тематизации связана здесь с особенностями семантики мотивирующих глаголов, а именно с тем, что мотивирующие глаголы не находятся в результативном (в точном смысле этого слова) отношении к обозначаемым объектам. Действительно, эффектом от произведения, например, действия *biheften* ‘спутывать’ является наложение «узды» (*biheftida*), однако после совершения и окончания действия глагольный признак не теряет актуальности, так как его инструментальным носителем становится «связывающая» узды. Такое же отношение характерно и для других имен данной группы.

Имена с инструментальным значением от глаголов изменяющего воздействия на объект не засвидетельствованы.

Вместе с тем особенностью группы имен на *-idô* является серийная представленность производных с локативным значением, ср. *gubûida* ‘место жительства, поселение’ от *bûan* ‘жить’, *gisizzida* ‘область’ от *gisizzen* ‘сидеть, садиться’, *swimmida* ‘место плавания’

¹⁵ Эту мотивацию принимает Ф. Клуге, см.: *Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; N.Y., 1975. S. 379.*

(лат. *natoria*) от *swimman* ‘плавать’, возможно, *lagarida* ‘ложе, колыбель’ (от **lagarôn* ‘располагаться’?).

Тип с суффиксом *-ungô-*

Имена с субъектным переносом от глаголов воздействия на объект у типа на *-ungô-* (женский род) исключительно продуктивны.

Наиболее бесспорные примеры имен изменяющего воздействия на предметный объект представляют собой *mahhunga* ‘причина’ к *mahhôn* ‘делать’, *stehhunga* ‘игла, жало’ от *stehhan* или *stehhôn* ‘колоть’ для лат. *aculeus* ‘жало, игла, кончик’. По всей вероятности, сюда можно отнести также *slîzunga* ‘раскрытая пасть’ (к лат. *gictus* ‘раскрытая пасть’ наряду с соответствием *saevitia* ‘свирепость зверей’) от глагола изменяющего воздействия *slîzan* ‘драть, разрывать, ломать, взрезать’.

Субъектная мотивация характеризует и ряд других имен, принадлежащих к классу инструментальных, ср. *fuotrunga* ‘питание’ к *foutaren* ‘кормить, пасти’ (т.е. ‘питающее’), *lâhhinunga*, *lâhhunga* ‘лекарство’ от *lâhhanôn* ‘лечить’ (‘лекарство’ как ‘лечащее’), *soffunga* ‘специи’ от *soffôn* ‘приправлять, бальзамировать’, *gisliozunga* ‘каркас’ от *sliozan* ‘закрывать, укреплять’, *zinsilunga* ‘горючее’ к *zinsilôn* ‘поджигать’ и др.

Надежные примеры локативов среди имен на *-ungô-* отсутствуют. Автор широко известной статьи об образовании и вариативном употреблении отвлеченных имен в древневерхненемецком языке А. Линквист относит к безусловно локативным значениям значение *wonunga* к *wonêp* ‘жить, оставаться’ в переводе Татиана (165,2)¹⁶ (также у Н.Р. Вольфа¹⁷), в то же время оценивая этот перевод латинского *mansio* ‘пребывание, жилище’ как механически «бездумный»¹⁸. Однако указанный контекст не может с достаточной достоверностью доказать локативное значение *wonunga*. Отчетливо конкретное значение лат. *mansio* в близком контексте 162,1 «в доме Отца моего обителей много» переводится с помощью совсем другого слова – др.-в.-н. *selida*. Что касается *wonunga* в 165,2, то в этом контексте оно употребляется в неоднозначном сочетании с глаголом *tuon* ‘творить, делать’: *inti zi imo comemes inti wonunga tuomes mit imo* «мы придем к нему и обитель у него сотворим» или «и жительство у него сотворим» = «будем жить». Подобное сочетание глагола *tuon* с *-ungô-* именем в абстрактном значении встречается в контексте 4,14: *têta lôsunga*

¹⁶ *Lindquist A.* Studien über Wortbildung und Wortwahl im Althochdeutschen mit besonderer Rücksicht auf die nomina actionis // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und der deutschen Literatur 1936 (Halle), 60. S. 67.

¹⁷ *Wolf N.R.* Verbalabstrakta in althochdeutschen Texten // Althochdeutsch / R. Bergmann, H. Tiefenbach, L. Voetz (Hrsg.). Bd. 1. Grammatik. Glossen und Texte. Heidelberg, 1987. S. 315.

¹⁸ *Lindquist A.* Op. cit. S. 49.

sinemo folke «сотворил спасение народу своему». Использование *wopunga* в локативном значении не может быть подтверждено и данными глосс, так как другие фиксации др.-в.-н. *wopunga* являются переводами латинских имен с отвлеченным значением: *conversatio* ‘частое обращение, обхождение’ и *habitus* ‘положение’.

Тип с суффиксом *-ja*

Среди имен на *-ja* (средний род) с субъектным переносом в основном представлены образования от глаголов неконтролируемых процессов и глаголов состояния, ср. *gisprungi* ‘источник’ от *springan* ‘течь, струиться’, *giliuhti* ‘луна’, *liuhten* ‘светиться’.

Единичные примеры инструментальной мотивации дают имена *fâski* ‘компресс, повязка’ к *fâskôn* ‘облегчать, греть’ (‘компресс’ как ‘облегчающее, греющее’) и *antwîgi* ‘плотина’ от **antwîgan* ‘сопротивляться’, ср. *ant* ‘против’ и *wîgan* ‘бороться’.

При этом образования на *-ja* остаются непродуктивными при производстве субъектных имен от глаголов, обозначающих изменяющее воздействие на объект. Показательно, что для широко представленных в корпусе имен инструментов с разными суффиксами конкуренция с *ja*-именами нигде не зафиксирована. Единственное *ja*-имя с возможной агентивно-инструментальной мотивацией – *oli-beiti* ‘пресс для масла’ от *oli* ‘масло’ и *beiten* ‘принуждать, требовать, стремиться’. На вероятную семантику физического воздействия др.-в.-н. глагола *beiten* дополнительно указывают значения *ûzbeiten* ‘прорываться’ в текстах Ноткера¹⁹ и значение средневерхненемецкого глагола *beiten* ‘применять силу’²⁰. Вместе с тем технологические особенности обозначаемого предмета – ‘пресса для масла’ – позволяют осмыслить значение имени как локативное, т.е. в этом слове синкретично совмещены субъектное и локативное значения.

Чистые локативы на *-ja*, напротив, надежно засвидетельствованы рядом имен, ср. *stedi* ‘берег, пляж, место’ к *steden* ‘причаливать, укрывать’, *gibûi*, *gisâzi* ‘место жительства, поселение’ от *bûan* ‘жить, обитать’, *sizzen* ‘сидеть, жить’.

Как мы видим, тенденция к несовместимости локативных и инструментальных значений прослеживается в различных древневерхненемецких продуктивных типах. В качестве словообразовательных формантов в них выступают как основообразующие суффиксы (типы на *-an*, *-ja*), так и собственно словообразовательные суффиксы в сочетании с основообразующими (типы на *-î(n)*-, *-ungô*-, *-idô*-, *-ti*-). Показательно, что разведение локативных и инструментальных значений может вести к устранению исконно представленного агентивного значения из структуры типа. Так, общегерманский суффикс

¹⁹ *Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch. 5., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen, 1995. S. 93.

²⁰ Matthias Lexers *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Leipzig, 1980. S. 12.

-ja-, исконно служивший для образования имен мужского и среднего рода, мог производить обозначения действующего лица (особенно продуктивные для имен мужского рода)²¹, однако в древневерхне-немецком языке агентивные и инструментальные значения типа на -ja- потеряли продуктивность.

Несовместимость локативных и инструментальных значений в отвлеченных типах сохраняет свою устойчивость и в средневерхне-немецкий период. Она может быть прослежена в типах, не подвергшихся значительной системной перестройке и удерживающих фонетическую выделимость и самостоятельность словообразовательных формантов (т.е. в типах, продолжающих древневерхне-немецкие типы на -an-, -ti-, -idô-, -ja-).

То, что неравномерность в продуктивности локативных и инструментальных значений не случайна, подтверждает внутренняя логика совмещения отдельных видов конкретных значений в структуре типов. Хотя на лексическом уровне инструментальные имена в некоторых случаях могут сближаться с локативами (ср. совр. нем. Tränke, др.-в.-н. trenki 'водопой' как действие, как средство и место действия одновременно), на словообразовательном уровне они представляют собой значения, достаточно далеко отстоящие друг от друга. В отношениях, специфичных для древневерхне-немецкой системы отвлеченного словообразования, инструментальные имена связаны с «субъектным» полюсом глагольного признака, обозначением исхождения действия от его источника, напротив, локативные имена больше связаны с обозначением того, что является внешним по отношению к субъекту и исходящему от него действию. Иначе говоря, система конкретных значений оказывается чувствительной к различению обозначений, мотивированных по исходящему от соответствующего предмета действию, и обозначений, мотивированных по глагольному признаку, отчужденному от его субъекта и перенесенному на внешний по отношению к субъекту объект.

Тяготение локативов к объектному полюсу конкретных значений находит свое выражение также в том, что только у типов с локативами представлены значения эффицированного (созданного) объекта действия, ср., например, giskepfida 'создание, творение' от giskepfen 'создавать', gruft 'пещера, склеп' от graban 'рыть' и др.²²

Некоторые отклонения от отмеченной дистрибуции наблюдаются только в типе с суффиксом -ô- и типе с суффиксами -a-/-i-. Эти

²¹ Germanische Sprachwissenschaft von Hans Krahe. III Wortbildungslehre. 7. Auflage bearbeitet von W. Meid. Berlin; N.Y., 1969. S. 70.

²² См.: Пименова Н.Б. Категоризация конкретных значений отвлеченных имен (древневерхне-немецкие имена) // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значений: Вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой 17 октября 2005 г. М., 2006. С. 236.

отклонения могут быть обусловлены, во-первых, тем, что форманты обоих типов исконно участвовали в образовании *nomina agentis*. Кроме того, тип на *-a/-i-* находился в древневерхненемецком языке в процессе перестройки, интегрирующей имена мужского и среднего рода²³.

Имена женского рода на *-ô-* в древневерхненемецкий период уже потеряли продуктивность в значении действующего лица, но неодушевленные, предметные имена агентивно-инструментального класса представлены целым рядом образований, ср., например, *beiza* 'щелочь' к *beizen* (свн. 'разъедать, мучить', в др.-в.-н. зафиксировано только значение 'подстегивать'), *borā* 'сверло' к *borôn* 'сверлить', *skāra*, *skera* 'ножницы' и *skara* 'лемех плуга' от *skeran* 'резать' и др. Зафиксирован и целый ряд локативных имен, ср., например, *trata* 'общая земля, путь, пастбище' к *tretan* 'ступать, давить', *skera* 'цирюльня' от *skeran* 'резать' и др.

Мотивированные одушевленные имена действующего лица с суффиксами *-a/-i-* в корпусе единичны, ср. в качестве редкого примера *untarskrank* 'обманщик' (в корпусе соотносится только со слабым глаголом *skrenken* 'перехитрить'). Среди неличных обозначений на *-a/-i-*, напротив, засвидетельствовано многочисленное количество имен с субъектной мотивацией, образованных от глаголов разных семантических классов, ср. *duruhgang* 'линия' к *duruhgangen* 'проходить через', *gihuot* 'укрепление, защитная постройка' от *huoten* 'охранять, оберегать', *flioz* 'смола' (по словообразовательному значению 'вытекающее') от *fliozan* 'течь, капать' и др. Имена от глаголов изменяющего воздействия на объект представлены реже, чем этого можно было бы ожидать для достаточно продуктивного типа. Ср. три достоверных примера: *skar* 'лемех плуга, лезвие' от *skeran* 'резать', *biz* 'зубы, челюсти' от *bīzan* 'кусать', *stampf* 'толкушка' к *stampfôn* 'толочь'. Хотя наличие агентивных производных говорит об отсутствии явных ограничений на образование имен данного класса по типу на *-a/-i-*, общее соотношение инструментальных имен, относящихся к разным словообразовательным типам, свидетельствует об относительном убывании продуктивности типа на *-a/-i-* в сфере инструментальных обозначений. Вместе с тем образования на *-a/-i-* могут иметь и локативное значение. Это значение представлено только примерами от непереходных глаголов действия: *slih* 'след' от *slihhan* 'ползти', *feldgang* 'отхожее место' к *feld* 'поле' и *gangan*

²³ Основания для объединения в одном форманте двух основообразующих суффиксов *-a-* и *-i-* дает смешение парадигм и колебание основной и родовой принадлежности имен на *-a-* и *-i-* мужского и на *-a-* среднего рода. См.: *Bjorvand H. Nominale Stammbildung des Germanischen. Maskuline Verbalnomina: a-Stämme oder i-Stämme? // Drei Studien zum Germanischen in alter und neuer Zeit / J.O. Askedal, H. Bjorvand (Hrsg.) (North-Western European language evolution. Suppl. vol. 13). Odense, 1995. S. 1–68.*

‘ходить’, *ingang* ‘вход, ворота’ к *ingangan* ‘входить’, *luog* (зафиксировано с колебанием среднего и мужского рода) ‘укрытие, лагерь’ к *luogên* ‘выглядывать’²⁴ и др.

Итак, данные древневерхненемецкого языка демонстрируют отчетливое разведение инструментальных и локативных значений в наборе конкретных значений у отвлеченных типов. Это обстоятельство заставляет сделать вывод, что в языках могут существовать системы отвлеченных словообразовательных типов, в которых совмещение инструментальных и локативных значений в рамках одного типа оказывается затрудненным. Соответственно для отвлеченных и инструментальных имен, образованных по определенным типам в таких системах, переход в локативы представляется маловероятным. Тем самым выявляются границы применимости тезиса М.М. Покровского о легкости перехода отвлеченных и инструментальных имен в локативы.

В то же время результаты проведенного анализа подтверждают на другом уровне наблюдение М.М. Покровского о том, что переход в имена от локативным значением в первую очередь происходил в именах от непереходных глаголов пребывания, «нахождения в спокойном состоянии» и глаголов движения, ассоциирующихся с глаголами пребывания²⁵. Материал древневерхненемецкого языка обнаруживает, что появление локативов от непереходных глаголов, особенно глаголов движения, спорадически было возможно и для имен, образованных по словообразовательным типам, для которых локативные значения не характерны или мало характерны. Например, у имен на *-a/-i-* локативы представлены именно производными от глаголов движения. Эта особенность не противоречит, впрочем, семантической логике древневерхненемецкого словообразования. Поскольку глаголы движения безобъектны, т.е. не имеют прямого объекта действия, локативная семантика не является внешней по отношению к действию субъекта, а, напротив, непосредственно ассоциируется с этим действием. Другими словами, для глаголов движения (перемещения в пространстве) действие максимально ассоциируется с местом действия. В связи с этим наиболее сильными «диагностирующими» именами для оценки продуктивности локативных значений древневерхненемецких словообразовательных типов следует считать имена от глаголов воздействия на объект.

²⁴ В «Сравнительной грамматике германских языков» др.-в.-н. *luog* ошибочно отнесено к ряду образований, демонстрирующих определенную степень аблаута, но утративших семантическую связь с производящей основой. Вслед за К. Бадером др.-в.-н. *luog* ставится здесь в ряд с гот. *lagjan* ‘класть’, да. *lógjan* ‘устраивать’ и др. (Сравнительная грамматика германских языков. Т. III. Морфология. М., 1963. С. 42), при этом существование глагола *luogên* ‘выглядывать’, непосредственно мотивирующего *luog* на синхронном уровне, остается незамеченным.

²⁵ См.: Покровский М.М. Указ. соч. С. 94–95.

Список литературы

- Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд. М., 1995.
- Пименова Н.Б.* Границы применимости тезиса о развитии акциональных имен в результате вытеснения конкретными именами // Актуальные проблемы современного словообразования: Тр. Междунар. науч. конф. (Кемерово, 1–3 июля 2005 г.). Томск, 2006а.
- Пименова Н.Б.* Категоризация конкретных значений отвлеченных имен (древневерхненемецкие имена) // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значений: Вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой 17 октября 2005 г. М., 2006б.
- Пименова Н.Б.* Древневерхненемецкие имена на -ti- (ж. р.) и -ti-/-ta- (м. р.) и их готские параллели: параметры сравнения словообразовательных типов в родственных языках // *Lingua Gotica*: новые исследования. Институт языкознания РАН / Отв. ред. Н.С. Бабенко. Калуга, 2007.
- Покровский М.М.* Семасиологические исследования в области древних языков. 2-е изд. М., 2006. (1-е изд.: Избранные работы по языкознанию, 1959).
- Сравнительная грамматика германских языков. Т. III. Морфология. М., 1963.
- Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М., 2001.
- Allgemeine Sprachwissenschaft. Bd II. Die innere Struktur der Sprache. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von B.A. Serebrennikow. Übersetzt ins Deutsche. München; Salzburg, 1975.
- Bjorvand H.* Nominale Stammbildung des Germanischen. Maskuline Verbalnomina: a-Stämme oder i-Stämme? // Drei Studien vom Germanischen in alter und neuer Zeit / J.O. Askedal, H. Bjorvand (Hrsg.). (North-Western European language evolution. Suppl. vol. 13). Odense, 1995.
- Hüning M.* Metonymische Polysemie in der Wortbildung // E. Weigand, F. Hundsnurscher (Hrsg.). Lexical Structures and Language Use. Vol. 2. Session papers: Proceedings of the International Conference on Lexicology and Lexical Semantics (Münster, September 13–15, 1994). Tübingen, 1996.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; N.Y., 1975.
- Köbler G.* Wörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes. Paderborn u.a., 1993.
- Lexer M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1980.
- Lindquist A.* Studien über Wortbildung und Wortwahl im Althochdeutschen mit besonderer Rücksicht auf die nomina actionis // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und der deutschen Literatur. Halle, (1936) 60. S. 1–132.
- Meid W.* Germanische Sprachwissenschaft von Hans Krahe. III Wortbildungslehre 7. Auflage bearbeitet von W. Meid. Berlin; N.Y., 1969.
- Panagl O.* Zum kategorialen Bedeutungswandel von Verbalabstrakta // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 35(1985).

- Panagl O.* Verbalabstrakta. Onomasiologische Vielfalt und semantischer Wandel / M. Habermann, P.-O. Müller, H.H. Munske (Hrsg.). Historische Wortbildung des Deutschen. Tübingen, 2002.
- Pimenova N.B.* Der Wandel von konkreten Bedeutungen bei Verbalabstrakta // Akten des XI. Internationalen Germanistenkongresses Paris 2005 "Germanistik im Konflikt der Kulturen" / Hrsg. von J.M. Valentin. Bd. 4. Bern u.a., 2008.
- Pimenova N.B.* Zum Konzept der diachron-vergleichenden semantischen Analyse von Wortbildungsmodellen: Schwache an-Maskulina mit abstrakter Semantik in altgermanischen Sprachen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und der deutschen Literatur, 125 (2003).
- Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch. 5., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen, 1995.
- Wolf N.R.* Verbalabstrakta in althochdeutschen Texten // Althochdeutsch R. Bergmann, H. Tiefenbach, L. Voetz (Hrsg.). Bd 1. Grammatik. Glossen und Texte. Heidelberg, 1987.

Сведения об авторе: *Пименова Наталья Борисовна*, канд. филол. наук, проф. кафедры западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. E-mail: n_pimenova@yahoo.com

Д.И. Коломацкий

ТЕОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ И ДИСТРИБУЦИЯ РУССКИХ ПАССИВНЫХ ФОРМ

Работа представляет собой краткое изложение результатов корпусного исследования русских пассивных конструкций, целью которого было выявить параметр (параметры), по которому (которым) распределены способы образования страдательного залога в русском языке. Статистическое исследование показало, что имеет место распределение по семантической переходности в терминах П. Хоппера и С. Томпсона.

Ключевые слова: пассив, страдательный залог, русский язык, корпусное исследование, причастия, возвратные глаголы, переходность, транзитивность.

The article describes the results of a corpus study in Russian passive voice. The main goal of the research was to find out what the distribution of different types of Russian passive constructions depends on. As shown in this paper, the distribution complies with P. Hopper and S. Thompson's transitivity theory.

Key words: passive, Russian language, corpus study, transitivity.

Данная работа представляет собой краткое изложение основных результатов проведенного автором корпусного исследования дистрибуции русских пассивных форм¹.

Как известно, язык практически никогда не использует двух и более морфологических маркеров некой категории при их полной семантико-прагматической эквивалентности. В частности, для русского языка, в котором присутствуют три маркера пассива (-ся, -м-, -н-/ -т-), встает вопрос, от чего зависит выбор конкретного типа пассивной конструкции в каждом конкретном случае. Наиболее интересны при этом глаголы, которые теоретически могут образовывать пассив несколькими способами. Впрочем, и само наличие/отсутствие у глагола пассивных форм того или иного типа может объясняться его семантикой или морфологией; например, глаголы совершенного вида (СВ) намного реже, чем глаголы несовершенного (НСВ), образуют пассив с помощью постфикса -ся.

Работ, рассматривающих собственно проблему дистрибуции русских пассивных форм, – единицы, ср., в частности, [Стрельцова, 1978; Данков, 1981; Aijmer, 2002]. Большинство же исследований

¹ Автор выражает благодарность И.М. Кобозевой за ценные критические замечания к работе.

русского пассива просто содержат перечисление формальных залоговых показателей; при этом и в таких работах, часто имплицитно, излагается точка зрения, что русские пассивные конструкции распределены по виду. В статье с помощью статистических данных будет показано, что, хотя распределение по виду существует (пусть и не в виде дополнительной дистрибуции), вид – не единственный параметр, по которому наблюдается дистрибуция, а совокупность этих параметров складывается в распределение по семантической переходности в терминах П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper, 1980].

Теория семантической переходности

В получившей широкую известность работе П. Хоппера и С. Томпсон «Переходность в грамматике и дискурсе» [Hopper and Thompson, 1980] переходность трактуется как семантическая, а не формально-синтаксическая категория, и о такой переходности/непереходности нельзя говорить в терминах привативной оппозиции. При этом переходность считается свойством не только глагола, но и всего предложения. Факторы, влияющие на степень транзитивности любого отдельно взятого предложения, представлены в таблице.

Параметры, повышающие или понижающие транзитивность фразы

Параметр	Значение, повышающее переходность	Значение, понижающее переходность
1. Количество участников	два (Агенса и объект) или более участников	один участник
2. Кинезис	действие	не-действие
3. Вид (Aspect)	совершенный/перфективный (сокр.: СВ)	несовершенный/имперфективный (сокр. НСВ)
4. Пунктивность	пунктивный	непунктивный
5. Контролируемость	контроль присутствует (volitional)	контроль отсутствует (non-volitional)
6. Утверждение	утверждение	отрицание
7. Наклонение	реалис	ирреалис
8. Агентивность	высокая	низкая
9. Задействованность объекта	Объект полностью охвачен	Объект не затронут непосредственно
10. Индивидуализация объекта	Объект индивидуализирован	Объект не индивидуализирован

Однако каким образом эти параметры могут быть применимы к пассивным конструкциям, если все пассивные глаголы изначально непереходны? Дело в том, что перечисленные параметры относятся к семантическому аспекту переходности, тогда как способность при-

соединять прямой объект относится к ее синтаксическому аспекту [Князев, 1999].

В качестве иллюстрации рассмотрим следующую пару примеров из корпуса:

(1) Правда, уж очень распоясались. Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцы **остановлены** (*Гроссман Василий. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*).

(2) Ход партийного обсуждения во многом определяется отчетным докладом. (*Строгий экзамен по осуществлению перестройки держат сегодня парторганизации в ходе отчетов и выборов // Правда. 88-11-18(812). Упсальский корпус*).

Представленным в этих примерах пассивным конструкциям можно поставить в соответствие следующие активные конструкции:

(3) Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцев [наши солдаты] остановили.

(4) Отчетный доклад во многом определяет ход партийного обсуждения.

Пример (3) содержит глагол СВ (фактор, повышающий переходность по п. 3 таблицы), индивидуализированный и полностью охваченный действием Объект (высокая переходность по п. 9 и 10), а также обладает высокой агентивностью в целом (п. 8); действие, описываемое в примере, контролируемо (п. 5). Напротив, пример (4) содержит глагол НСВ (фактор, понижающий переходность по п. 3); неиндивидуализированный Объект (низкая переходность по п. 10), обладает более низкой агентивностью в целом (п. 8), а о контролируемости (п. 5) говорить затруднительно. Таким образом, конструкция (3) семантически более переходна, чем конструкция (4). К синтаксически непереходным пассивным конструкциям (примеры (1) и (2) соответственно) это противопоставление точно так же применимо, поскольку пропозиционная семантика конструкции при образовании пассива остается неизменной.

Как мы увидим, семантическая переходность конструкции и является основным параметром распределения русских пассивных форм². При этом еще раз подчеркнем, что в процессе статистической обработки языкового материала не было заранее известно, что именно степень транзитивности в целом определяет выбор типа пассивной конструкции. Набор параметров, по которым классифицировались содержащиеся в базе предложения, объяснялся исключительно стремлением изучить как можно больше возможных характеристик на разных языковых уровнях.

² В дальнейшем термин «переходность» («транзитивность») будет употребляться именно в значении «семантическая переходность».

Описание базы данных и методов исследования

Приводимые ниже данные основываются на статистическом исследовании созданной автором базы данных русских пассивных форм. База данных сформирована из корпусных примеров и содержит художественные и публицистические тексты XX в. Общий объем базы – 5961 предложение. Массив корпусных примеров разбит на класс пассивных и непассивных³; набор критериев для определения пассивности конструкций мы заимствуем из работы [Kazenin, 2001: 899], в которой используется дополненное типологическое определение М. Хаспельмата [Haspelmath, 1990: 27].

В ходе поиска параметров, по которым могли бы быть распределены русские пассивные формы, были изучены такие признаки, как семантический класс глагола, вид и акциональные свойства глагольной словоформы⁴, свойства актантов пассивной конструкции⁵. При этом было практически очевидным, что ни по одному из этих параметров не будет получено дополнительной дистрибуции, поэтому основным методом исследования стало изучение характерных отклонений от средних частот при выявлении возможной зависимости двух признаков.

Для этой цели в статистике широко применяется так называемый **критерий χ^2 (хи-квадрат)**. Имея наблюдаемые значения, полученные из корпуса, для каждого наблюдаемого значения по формуле необходимо высчитать ожидаемое значение при условии, что признаки друг от друга не зависят (т.е. что распределение случайно). Степень отличия наблюдаемого значения от расчетного с помощью критерия χ^2 преобразуется в вероятность случайности распределения. Чем выше эта вероятность, тем меньше значимость конкретного признака для распределения.

В процессе всего исследования были собраны характерные отклонения наблюдаемых частот от расчетных, которые в большинстве своем соответствуют теории транзитивности и позволяют утверждать, что русские пассивные конструкции распределены именно по семантической переходности. Распределение же типов пассивных конструкций по виду глагола – лишь одно из таких отклонений,

³ Разделение всех примеров базы на пассивные и непассивные не подразумевает постулирования привативной залоговой оппозиции (точка зрения о привативности отстает, например, в [Бондарко, 1991]): в рамках пассивной области значений можно затем выделять более частные значения.

⁴ В русской грамматической традиции страдательные причастия именуется глагольными словоформами [Русская грамматика, 1980, т. I: 665] наравне с возвратными глаголами.

⁵ Для страдательных причастий в атрибутивной позиции актанты устанавливаются путем трансформирования причастного оборота в относительное придаточное (*Созданная сотрудниками предприятия модель – Модель, которая была создана сотрудниками предприятия*).

которые можно наблюдать и в других областях. Рассмотрим их подробнее.

Характерные отклонения от расчетных частот и теория транзитивности

Семантический класс глагола. Для пассивных конструкций с глагольными формами на *-ся* наблюдаются превышения расчетных частот для ментальных и служебных глаголов, а также глаголов изменения состояния и общих глаголов действия (пример (5)); в конструкциях с причастиями на *-н-/-т-* чаще встречаются семантически более транзитивные глаголы физического воздействия (пример (7)). Причастия на *-м-* существенных отклонений не демонстрируют, единственное превышение расчетных частот наблюдается для глаголов речи (пример (6)). В целом отклонения соответствуют пп. 8 и 9 таблицы для высокой транзитивности у причастий на *-н-/-т-* (высокая агентивность и задействованность Объекта) и низкой – у пассивных возвратных глаголов:

(5) Не обошли эти острые проблемы и нашу страну, хотя в последние годы у нас многое **делается** для охраны природы (*Экология без косметики // Правда. 87-09-07 (2.044). Упсальский корпус*).

(6) Пережив **воспеваемого** вождя совсем ненадолго, в очередной и последний раз продемонстрировав завистливым коллегам гениальную предусмотрительность, своевременно умер классик (*Улицкая Л. Пиковая дама (1995–2000). НКРЯ*).

(7) Сосны падали со **срезанными** кронами, **расщепленные, срубленные** под корень, **выкорчеванные** (*Воробьев Е. Вчера была война // Капля крови. М., 1974. С. 376–388 (3.845). Упсальский корпус*).

Акциональный ярлык глагольной словоформы. Акциональный ярлык⁶ также оказывается значимым для распределения русских пассивных форм: пассивные возвратные глаголы чаще обозначают процесс (пример (5)), страдательные причастия на *-м-* – процесс (пример (6)) и состояние (пример (8)), причастия на *-н-/-т-* – вхождение в состояние (примеры (1) и (7)). Эти отклонения соответствуют пп. 3 и 4, а также п. 8 таблицы: процесс по определению непунктивен (п. 3); кроме того, ярлык «процесс», за исключением его появления у так называемых непредельных глаголов (гулять) в форме СВ, обозначает незавершенное действие (п. 4). В силу этого высказывание, описывающее процесс, характеризуется более низкой транзитивностью по сравнению с высказыванием, описывающим вхождение в состояние.

⁶ Акциональный ярлык – характеристика словоформы с точки зрения акциональности; акциональных ярлыков пять: состояние, процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультипликативный процесс. Об акциональных ярлыках см. [Татевосов, 2005].

Последнее также обладает более высокой агентивностью (п. 8), поскольку все действие сосредоточено на меньшем промежутке времени. Таким образом, конструкции с причастиями на *-н/-т-* оказываются более транзитивными, чем конструкции двух других типов⁷.

(8) Ахиллесовой пятой радиотелескопов долгое время оставалась угловая разрешающая способность – то самое умение различать детали **наблюдаемой** картинки (*Радиотелескоп большие планеты // Известия. 88-04-10 (1.083). Упсальский корпус*).

Конкретность/абстрактность актантов пассивного предложения. Актанты пассивных конструкций с возвратными глаголами преимущественно абстрактны или представляют собой номинализации (пример (2)), актанты конструкций с причастиями на *-н/-т-* в большинстве случаев имеют конкретные денотаты. Причастия на *-м-* находятся посередине, одинаково часто допуская и абстрактные и конкретные актанты. Эти отклонения соответствуют пп. 5, 8, 9 и 10 таблицы для высокой транзитивности у конструкций с причастиями на *-н/-т-* и низкой для пассивных возвратных глаголов: конкретность актантов с большой вероятностью означает наличие контроля за действием, повышает агентивность, задействованность и индивидуализацию Объекта и наоборот.

(9) Канон писал не бездушный церковный начетчик, а неизвестный большой поэт, **полоненный** монастырем (*Солженицын А. В кругу первом. 1968. Т. 1. НКРЯ*).

Степень агентивности Деятеля: семантические роли. Распределение по данному параметру (к какой именно семантической роли принадлежит Деятель⁸ в конкретном предложении) также соответствует шкале семантической переходности (пп. 5 и 8 таблицы). Наиболее сильная с точки зрения агентивности и соответственно с точки зрения степени транзитивности роль Агенса-Исполнителя (о разделении роли Агенса на две роли – Исполнителя и Инициатора – см. [Гаврилова, 2003]) представлена преимущественно в конструкциях с причастиями на *-н/-т-* (пример (9), а также примеры (1) и (7)), менее агентивная роль Инициатора чаще встречается с

⁷ Впрочем, велика и доля так называемых стальных причастий на *-н/-т-* (*Дверь всегда открыта*). Конструкции с такими причастиями на *-н/-т-* характеризуются более низкой транзитивностью в силу того, что они обозначают состояние в противовес вхождению в состояние. Именно стальные причастия вызывают больше всего сомнений относительно их частеречной принадлежности, а подобные конструкции в исследованиях пассива часто выводятся за рамки пассивных конструкций [Буланин, 1978, 2001].

⁸ Деятель – гиперроль, подразумевающая в той или иной степени контроль над ситуацией или создание предпосылок для ее возникновения. По сути данная гиперроль практически совпадает с постулируемой А.Е. Кибриком в работе [Кибрик, 2003] для аккузативных языков гиперролью Принципала.

причастиями на *-м-* (пример (10)), самая же слабая с этой позиции роль Стимула/Причины характерна для конструкций с пассивными возвратными глаголами (пример (2)).

(10) Верховный Суд СССР еще недостаточно использует свои полномочия для искоренения проявлений необъективности, **допускаемых** зачастую из-за слабой связи судов с трудовыми коллективами и населением (*Постановление Верховного Совета СССР по отчету о деятельности Верховного суда СССР // Известия. 88-05-26 (804). Упсальский корпус*).

Итак, отклонения для возвратных глаголов происходят в сторону понижения транзитивности, а для причастий на *-н-/-т-* – в сторону повышения; причастия на *-м-* оказываются посередине, занимая среднее положение или примыкая к одному из типов конструкции.

Почему именно конструкции с возвратными глаголами оказались менее транзитивными, чем остальные? Как известно, изначально для образования пассива использовались только причастные конструкции двух типов, а возвратные глаголы с пассивным значением появились позднее [Стрельцова, 1978; Данков, 1981]. Когда в устоявшейся системе появляется новый показатель, он каким-то образом изменяет дистрибуцию, заполняя незанятые ниши. Именно более низкая семантическая транзитивность стала «визитной карточкой» возвратных глаголов, что вполне согласуется с происхождением возвратного постфикса от возвратного местоимения (вносящим некий элемент неконтролируемости в пассивную фразу). Кроме того, как отмечается в [Dahl, 1998], грамматикализация лексического элемента обычно бывает вызвана его «риторической незначимостью», т.е. происходит, когда элемент больше не несет на себе риторический акцент в высказывании. Эта риторическая иррелевантность также является фактором, понижающим транзитивность. Причастия на *-м-*, как мы видим, находятся в данной классификации между возвратными глаголами и причастиями на *-н-/-т-*, но изначально ситуация должна была быть обратной. Возвратные глаголы были по свойствам похожи на причастия на *-м-*; затем, как мы знаем, причастия на *-м-* стали употребляться в предикативной позиции намного реже, чем раньше, что стало либо причиной, либо, наоборот, следствием такого распространения финитных глаголов со схожими свойствами в области семантической переходности.

Выводы

В данном исследовании ставилась задача – определить параметр или параметры, по которым распределены русские пассивные конструкции. В результате проведенного статистического анализа корпусных данных с использованием критерия χ^2 , применяюще-

гося для установления степени взаимозависимости признаков (или случайности распределения), было установлено, что отклонения от расчетных частот по различным параметрам (включающим семантику глагольной лексики, видовые и акциональные свойства глагольной словоформы, свойства актантов пассивного предложения) образуют распределение по шкале транзитивности в рамках теории П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper and Thompson, 1980]. Конструкции с пассивными возвратными глаголами семантически менее переходны, а конструкции с причастиями на *-н-/-т-*, наоборот, характеризуются более высокой транзитивностью. Конструкции с презентными причастиями находятся посередине между двумя этими типами. То, что пассивные конструкции распределены именно так, объясняется теорией грамматикализации, согласно которой грамматикализация рефлексивного местоимения, являющаяся следствием его риторической иррелевантности, способствует понижению семантической переходности фразы. Поэтому пассивные возвратные глаголы, чей показатель является результатом грамматикализации из рефлексивного местоимения, заняли в русской системе пассивных форм именно нишу низкой семантической переходности, вытеснив с этой позиции причастия на *-м-*.

Список литературы

- Бондарко А.В.* Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1991.
- Буланин Л.Л.* К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. А.А. Холодович. Л., 1978.
- Буланин Л.Л.* О некоторых сложных проблемах категории залога // Исследования по языкознанию: Сб. статей к 70-летию А.В. Бондарко. СПб., 2001.
- Гаврилова В.И.* Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- Данков В.Н.* Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола: Учеб. пособие. М., 1981.
- Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Князев Ю.П.* Переходность/непереходность глагола: форма и значение // Предложение и слово: Докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти В.С. Юрченко. Саратов, 1999.
- Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Отв. ред. А.А. Холодович. Л., 1974.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I–II. М., 1980.
- Стрельцова М.И.* О связи видо-временных и залоговых значений в причастиях на *-м-*, *-н-*, *-т-* в древнерусском языке // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. А.А. Холодович. Л., 1978.

- Татевосов С.Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- Aijmer K.* Constraints on passivisation: a comparison of voice in the Russian and Swedish verb // *Komparativa studier i språk och litteratur*. Gusli working papers 10. Institutionen för slaviska språk. Göteborg, 2002.
- Dahl Ö.* Grammaticalization and the life-cycles of constructions. Keynote lecture at the 17th Scandinavian Conference of Linguistics, August 20–22, 1998 Funen, Denmark. (To be published in a volume in the series RASK Supplement Volumes).
- Haspelmath M.* The grammaticization of passive morphology // *Studies in Language*. 1990. Vol. 14. N 1.
- Hopper P.J., Thompson S.A.* Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. N 2.
- Kazenin K.I.* The passive voice // *Language Typology and Language Universals*. Vol. 2. Berlin; N.Y., 2001.

Сведения об авторе: Коломацкий Дмитрий Игоревич, выпускник аспирантуры кафедры ОТиПЛ филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lemon_tree@list.ru

М.П. Галышева

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются художественные произведения Ф.М. Достоевского с точки зрения субъективации в них объективного времени, заданного календарем и отсчитанного по часам, под влиянием мироощущения и психологии персонажей. Специфика протекания внутренней жизни героев Достоевского и их мировоззрение объясняются особенностями переживания ими времени.

Ключевые слова: время, художественное время, объективное время, субъективное время, Достоевский.

In her article Galycheva studies Dostoevsky's artistic prose concentrating mainly on the transformation of objective time – calendar and physical time, indicated by “minutes” and “hours” – into subjective time under the influence of the characters' psychology and their perception of time and duration. The author of this article deals with the psychology and philosophical outlook on life of Dostoevsky's characters as to a great extent accounted for by their specific experience of time.

Key words: time, narrative time, objective time, subjective time, Dostoevsky.

Концепция художественного времени в произведениях Достоевского, вопрос о его онтологическом статусе представляются одними из наиболее разработанных, но, как это ни парадоксально, до сих пор остаются предметом научной полемики. Время изучалось и как онтологическая категория, объект философского размышления, и как эстетический параметр художественной картины мира; в исследованиях то подчеркивалась важность времени, уплотненности сроков для построения повествования у Достоевского, то отрицалось существование времени, категории становления в поэтике писателя. Хотелось бы предпринять еще одну попытку рассмотрения художественного времени в прозе Достоевского, взяв интересующую нас проблему в одном аспекте – в плане восприятия времени героями Достоевского.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что герои Достоевского для себя никак не различают и путают временные промежутки. Характерны случаи уподобления минут часам. Так, в «Бедных людях» читаем: «Иногда бывают со мной минуты, когда я рада быть одной <...> и такие минуты начинают находить на меня все чаще и чаще. <...> Я по нескольку часов бываю бесчувственна ко всему меня окружающему <...>. Но мне становится всегда тяжело после подобных мгновений» (1: 83¹). Тут же отметим, что

¹ Все цитаты из Ф.М. Достоевского см. по изд.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1971–1990, с указанием в скобках тома и страницы.

«мгновение» в «Кроткой» «продолжалось, может быть, всего только каких-нибудь десять минут» (24: 34), в то время как «мгновение» прояснения сознания Мышкина перед припадком «продолжалось, может быть, полсекунды» (8: 195). Кроме того, даже минута может представляться очень длинным временным отрезком («Наступала неприятная минута, тоскливая минута, которая иногда долго длилась» (2: 227) («Неточка Незванова»)) или употребляться со словом-модификатором (целый, полный), благодаря чему объективное время дополняется субъективно-психологическими обертонами. (В «Бесах» читаем: «Весь этот смертный страх продолжался с полною минутой, и со стариком после того приключился какой-то припадок» (10: 43), но в то же время ростовщик в «Кроткой» «всего только пять минут опоздал» (24: 33)).

Однако наряду с произволом в употреблении временных обозначений на протяжении всего творчества прослеживается и противоположная тенденция: как будто бы в противовес тому хаосу, который царит в переживании течения времени героем и определяет построение повествования, Достоевский скрупулезно ведет счет минутам и секундам времени внешнего, объективного. Так, в «Идиоте» читаем: «Полиция подоспела ровно пять секунд спустя после того, как скрылись последние действующие лица. Впрочем, скандал продолжался никак не долее двух минут» (8: 291). Возможно, именно эта внешняя акцентированная точность повествователя относительно хронологии событий заставила В.Я. Кирпотина говорить об объективном времени у Достоевского: «В самих же романах Достоевского царит вобранное, актуализированное, но совершенно объективное время, которому ведется точный счет. <...> Достоевский никогда не забывает посмотреть на календарь и на часы»². Но выводы о сущности художественного времени у этого исследователя делаются с опорой главным образом на романский календарь без учета не только психологического, но и событийного времени.

Хотя герои Достоевского очень плохо ориентируются во времени реальной жизни, они ведут точный отсчет своим психологическим и духовным процессам: для них это единственно значимая реальность. Кириллов ощутил остановившееся время и вечность – и счет на дни и часы его уже не волнует. Когда Верховенский, опоздав к нему, успокаивает: «Не вам жаловаться: вам же три часа подарил», – Кириллов гордо отвечает: «Я не хочу от вас лишних часов в подарок, и ты не можешь дарить мне... дурак!» (10: 465). Персонажи меряют жизнь своими переживаниями и чувствами, принимая их за действительные события. Мечтатель в «Белых ночах» «принужден справлять годовщину своих ощущений, годовщину того, что было прежде так

² Кирпотин В.Я. Особенности художественного видения мира у Достоевского // Достоевский-художник. М., 1972. С. 372.

мило, чего в сущности никогда не бывало», но, когда он погружен в свои мечты, «целые бессонные ночи проходят, как один миг, в неистощимом веселии и счастья» (2: 119). Внутренняя жизнь человека в мире Достоевского проходит как бы в двух временных измерениях: в мигах острых столкновений с реальностью, иногда касающихся вечности, и безвременно мечтаний и созерцания. В последнем случае символичным оказывается образ созерцателя на картине Крамского, с которым в «Братьях Карамазовых» сравнивается Смердяков.

Персонажи Достоевского начинают замечать и отсчитывать время только в моменты ослепительной ясности сознания. Например, Кириллов точно может сказать, сколько секунд длится его ощущение вечной гармонии, а Дмитрий Карамазов вспоминает, как глядел на Катерину Ивановну «секунды три или пять со страшною ненавистью» (14: 105). Все герои Достоевского могут с точностью назвать то время, когда на них снизошло озарение, посетила великая мысль, идея-чувство: в эти минуты они как будто чувствуют соприкосновение своей внутренней жизни с реальностью; в этот же момент их настоящее соприкасается с вечностью и становится важна достоверность происходящего. Например, Кириллов почувствовал, что счастлив «на прошлой неделе во вторник, нет, в среду, потому что уже была среда, ночью <...> часы остановил, было тридцать семь минут третьего» (10: 189). Смешной человек истину узнал «в прошлом ноябре, именно третьего ноября» (25: 105), а у ростовщика в «Кроткой» пелена «вдруг» упала «перед вечером, часов в пять, после обеда...» (24: 26).

Важно, что внутреннее перерождение и переход к обретению истины, качественно иного состояния, происходят в сознании героев Достоевского в один момент, который точно можно указать. Создается впечатление, что это одномоментный шаг, «вдруг». Смешной человек говорит: «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час – все бы сразу устроилось!» (25: 119).

Перерождение героев воспринимается ими самими как начало преобразования всеобщего, как новая точка исторического отсчета. Кириллов останавливает часы у себя в комнате и сам доходит до минут, когда «времени больше не будет» (10: 188). Но он уверен, что своим поступком путь всему человечеству покажет – всем «дверь отворит» (10: 472). Как человечество узнает, что оно спасено и смерти нет, для Кириллова не важно; он уверен, что узнает: он отождествляет себя со всем человечеством, и время остальных людей его уже не интересует. В итоге Кириллов, убежденный в том, что он Мессия, ничего не оставляет в предсмертной записке. Здесь пример удивительного отождествления личного времени и времени исторического: перерождение одного человека становится новой точкой отсчета мирового времени.

Иван Карамазов, описав «геологический переворот», тоже предсказывает, что, когда узнают, что старый Бог умер, все устроится по-новому. Но пока тому, кто понял это сейчас, позволительно устроиться на новых началах, и тогда ему все дозволено. Здесь тоже личное ощущение времени начинает влиять на протекание времени исторического. О последнем Кирпотин писал: «...можно представить такие повороты или даже переломы современности, которые будут обозначать уже смену всей человеческой истории, перевод стрелки времени в совершенно иное измерение, после чего жизнь начнет подчиняться иным <...> законам. <...> Будущее подчинено волюнтаристическому произволу, будущее – это или инерция прошлого или утопия. <...> В сознании Раскольникова, как и других важнейших героев Достоевского, возникает максималистская мессианистическая иллюзия, связанная не с закономерностями временного движения <...> а с особенными качествами нового Единственного, нового Наполеона, нового Мессии»³. «Насыщенная, сосредоточенная воля Единственного, ежели она осуществляет Новый Иерусалим, утопию, может, по Достоевскому, привести к такому состоянию мира, когда “времени больше не будет”»⁴.

Минуты прояснения сознания, интуитивного, мгновенного постижения истины и обретения гармонии героями, подчас диктующие особую временную организацию всего мира художественного произведения Достоевского, действительно, можно объяснять тем психологическим опытом, который давала возможная эпилепсия самого писателя. Однако следует отметить, что эпилептический припадок и аура перед припадком оказываются важнейшей, но далеко не единственной формой и выражением такого неравномерного, «судорожного» восприятия времени.

В «Хозяйке» (1847), повести написанной еще до каторги, после которой у Достоевского начались припадки эпилепсии, у героя описывается такое же экстатическое переживание времени и усиление сознания, как у эпилептика Мышкина перед припадком в «Идиоте» (1868). У Ордынова среди состояний бреда и усыпления «порой мелькали мгновения невыносимого, уничтожающего счастья, когда жизненность судорожно усиливается во всем составе человеческом, яснее прошедшее, звучит торжеством, весельем настоящий светлый миг и снится наяву неведомое грядущее; <...> когда хочешь вскрикнуть от восторга; когда чувствуешь, что немощна плоть пред таким гнетом впечатлений, что разрывается вся нить бытия, и когда вместе с тем поздравляешь всю жизнь свою с обновлением и воскресением» (1: 277–278).

Мотив обновления всей жизни, воскресения, уничтожающего счастья, которое плоть человеческая не может вынести дольше

³ Там же. С. 369.

⁴ Там же. С. 370.

мгновения, слияния времен, упразднения времени в настоящем моменте – все это повторяется в описании ауры перед припадком Мышкина. Но в «Хозяйке» состояние героя никак не мотивируется эпилепсией.

То же самое видим в «Неточке Незвановой» (1849): «Бывают такие минуты, когда все умственные и душевные силы, болезненно напрягаясь, как бы вдруг вспыхнут ярким пламенем сознания, и в это мгновение что-то пророческое снится потрясенной душе, как бы томящейся предчувствием будущего, предвкушающей его, и так хочется жить <...> сердце как будто вызывает будущее <...> Моя минута именно была такова» (2: 239).

Для нас здесь очень важно, что такое ощущение времени было присуще творческому сознанию Достоевского изначально и практически не менялось на протяжении всего его творчества (предэпилептическое состояние гармонии описывает и Кириллов). Поэтому мы не вправе приписывать решающую роль в трансформации временных восприятий ни эпилепсии (или нервному заболеванию, похожему на нее), ни времени стояния на Семновском плацу перед прочтением царского помилования, оставившему неизгладимый след в сознании Достоевского. Но создается впечатление, что писатель находит все возможные поводы, чтобы оправдать такое необычайное восприятие времени ситуациями болезни, припадка, нервного потрясения, бреда, постоянно возникающими на страницах его произведений. Скорее этот неослабевающий интерес Достоевского к психопатологическим состояниям – реалистическая мотивация для художественного воплощения очень специфического видения и ощущения мира.

Отсчет времени, его акцентуация в определенные моменты в жизни героев показывает, что в другое время они часов не замечают, и ослепительные минуты и секунды, когда герои Достоевского начинают вдруг ощущать время, проваливаются в пустоту бессчетного времени. Герой «Белых ночей» вне ослепительных минут и мгновений не различает по длительности временные отрезки и сроки: «Я мечтатель; у меня так мало действительной жизни, что я такие минуты, как эту, как теперь, считаю так редко, что не могу не повторять этих минут в мечтаньях. Я промечтаю об вас целую ночь, целую неделю, весь год» (2: 108–109). Между минутами-озарениями нет соединительных моментов, это вспышки в темноте. Подобное восприятие характерно для сновидения, большого бреда, состояния сильного нервного расстройства, эпилептического припадка – для состояний, приводящих к «выпадению» из времени. Смешной человек описывает свой сон: «Я не помню, сколько времени мы неслись, и не могу представить: совершалось все так, как во сне, когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка, и остаешься лишь на точках, о которых грезит сердце» (25:

110). Немного ранее герой рассказывает о переживании времени после смерти: «Я лежал и, странно, – ничего не ждал, без спору принимая, что мертвому ждать нечего. <...> Не знаю, сколько прошло времени, – час, или несколько дней, или много дней» (25: 110).

Но для нас еще более важно, что такой способ ощущения себя во времени даже в обыденной жизни, т.е. вне бреда, припадка, смерти или сна, в высшей степени свойствен очень многим персонажам Достоевского, склонным к мечтанию и уходу в духовное подполье. В шестой части «Преступления и наказания» читаем: «Для Раскольникова наступило странное время: точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение. Припоминая это время потом, уже долго спустя, он догадывался, что сознание его иногда как бы тускнело и что так продолжалось, с некоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы. Он был убежден положительно, что во многом тогда ошибался, например в сроках и времени некоторых происшествий. <...> Одно событие он смешивал, например, с другим; другое считал последствием происшествия, существовавшего только в его воображении. <...> Но он помнил тоже, что бывали минуты, часы даже, может быть, дни, полные апатии, овладевшей им, как бы в противоположность прежнему страху, – апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих» (6: 335).

И тогда тем более поразительной на фоне всего вышесказанного является способность героев Достоевского считать время в тех состояниях, которые традиционно понимаются как бессознательные или близкие к таковым. С одной стороны, этот факт свидетельствует об усиленно работающем сознании героев, но, с другой – возможно, здесь речь идет не столько о собственно-временных значениях, сколько об определенных психоэмоциональных состояниях, смысл которых герои по аналогии с нормальной жизнью пытаются выразить на языке временных понятий. Например, перед эпилептическим припадком Мышкин очень рассеян, не всегда ощущает реальность происходящего с ним, но сроки может назвать точно: «...ему вспомнилось, что в ту минуту, когда он заметил, что все ищет чего-то кругом себя, он стоял на тротуаре у окна одной лавки и <...> разглядывал товар, выставленный в окне. Ему захотелось теперь непременно проверить: действительно ли он стоял сейчас, может быть, всего пять минут назад, пред окном этой лавки, не померещилось ли ему, не смешал ли он чего?» (8: 187). Еще поразительнее рассказ Ипполита о сне, в котором он видел Рогожина: «...Рогожин облокотился на столик и стал молча глядеть на меня. Так прошло минуты две, три, и я помню, что его молчание очень меня обидело и раздосадовало. <...> Он продолжал все сидеть и все смотрел на меня с тою же усмешкой. Я злобно повернулся на постели, тоже облокотился на подушку, и

нарочно решил тоже молчать, хотя бы мы все время так просидели. <...> Я думаю, так прошло минут с двадцать» (8: 340).

Героям Достоевского в принципе чуждо представление о нормальном течении времени и о нормах жизни вообще. Они легко перескакивают через все нормы, утверждая свою логику понимания ситуации. Во многом это нарушение светских правил, приличий, установившихся представлений определяется особенностями переживания времени. Время для героев Достоевского – это *измерение повседневной жизни, обыденности*, то, что необходимо преодолеть. Свидригайлов при первой встрече с Раскольниковым говорит: «Нет, вы вот что сообразите <...> назад тому полчаса мы друг друга еще и не видывали, считаемся врагами, между нами нерешенное дело есть; мы дело-то бросили и звона в какую литературу заехали!» (6: 221). Нечто подобное имеет в виду и Шатов, когда настаивает, что они со Ставрогиным «вне пространства и времени»: «Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире» (10: 195). Ганя Иволгин, человек неоригинальный, искренне недоумевает, как Мышкину удалось войти в доверие у Аглаи после двух часов знакомства.

Вообще, у героев Достоевского очень сложное, почти враждебное отношение ко времени. В течении времени заключается экзистенциальная трагедия мечтателя и подпольного человека. В «Белых ночах» приводится рассуждение мечтателя, характерное для целого типа героев Достоевского: «Знаете ли, что я люблю <...> построить свое настоящее под лад уже безвозвратно прошедшему <...> И спрашиваешь себя: где же мечты твои? и покачиваешь головою, говоришь: как быстро летят годы! И опять спрашиваешь себя: что же ты сделал с своими годами? куда ты схоронил свое лучшее время? Ты жил или нет? <...> Еще пройдут годы, и за ними придет угрюмое одиночество, придет с клюкой трясучая старость, а за ними тоска и уныние» (2: 119).

Интересная и характерная картина использования художественного времени представлена в «Записках из подполья». В первой части повести герой погружен в подполье и безвременье; нет упоминаний реального, конкретного времени; в основном употребляются выражения «поминутно», «каждую минуту», а также употребляется слово «минута», но не в собственно временном значении, а описывающее состояние, – таким образом, все слова тяготеют к вневременному, статическому состоянию⁵. Действительный отсчет времени начинается с появлением эпизодов из реальной жизни; слово «минута» чаще употребляется в конкретно-временном значении.

Способность начинать считать и вообще замечать время только в особо важные моменты жизни, в моменты ускоренной работы сознания,

⁵ Подобное состояние описывает Ипполит, когда говорит: «А знаете, что мне не восемнадцать лет: я столько пролежал на этой подушке, и столько просмотрел в это окно, и столько продумал... обо всех... что... У мертвого лет не бывает, вы знаете. Я еще на прошлой неделе это подумал, когда ночью проснулся».

а в остальное время выпадать из него становится в мире Достоевского характерным признаком духовной организации героя. Для писателя важна именно эта внутренняя способность человека ощущать и считать время. Часы и календари оказываются необходимыми для построения интриги, для выявления последовательности или одновременности событий, подчеркивания кратких сроков, усиления драматизма повествования. Самим героям часы и календари не нужны.

Неслучайной деталью кажется то, что часы – самая первая вещь, от которой избавляются герои Достоевского в случае срочной нужды в деньгах. Так, Раскольников, придя с залогом к процентщице, «вынул из кармана старые плоские серебряные часы» (6: 9); Алеша Карамазов, не имея денег, чтобы оплатить дорогу в Скотопригоньевск, хотел было заложить часы, но дамы не позволили заложить подарок благодетеля и сами роскошно снабдили его средствами. Отдает в залог часы и Митя, когда едет за Грушенькой в Мокрое. Сюда же можно отнести остановку часов Кирилловым, а также то, что фон Лембке, после помешательства, ссоры с Юлией Михайловной, выпадая из вихря жизни бесов и из ритма повседневности, вспоминает «какие-то несвязные вещи, ни к чему не подходящие: то он думал, например, о старых стенных часах, которые у него были лет пятнадцать назад в Петербурге и от которых отвалилась минутная стрелка» (10: 340). На черте из кошмара Ивана Карамазова нет часов. После смерти Марфы Петровны Свидригайлов забывает заводить часы в столовой, и покойница приходит к нему, чтобы напомнить о времени. Отказ от часов символически обозначает не только нарушение законов и поведенческих норм, принятых в обществе (Мышкин забывает дома часы и является на дачу к Епанчиным в половине первого ночи), но и выпадение из человеческого линейного времени, уход в себя, в подполье, потерю соприкосновения с реальностью. Важно, что Алеша, сохранивший связь с живой жизнью, «реалист», по определению Достоевского, оставляет у себя часы. Князь Мышкин, идущий к людям, также, несмотря на всю свою бедность, приезжает в Петербург с серебряными женевскими часами на цепочке.

Здесь, конечно, возможна и не символическая, а реалистическая интерпретация: часы отдаются в залог потому, что представляют наибольшую ценность⁶ (например, Дунечкины золотые часы с эма-

⁶ Б. Тихомиров объясняет появление ситуации залога часов в «Преступлении и наказании» так: «Незادолго до возникновения замысла “Преступления и наказания”, летом 1865 г., перед отъездом в Европу, Достоевский, остро нуждаясь в деньгах, заложил за 20 рублей (из процента 5 коп. с рубля) “мелкое серебро” ростовщику А. К. Готфриду. <...> Вернувшись осенью (15 октября) из-за границы, где он начал работать над “Преступлением и наказанием”, и по-прежнему испытывая материальные затруднения, писатель вновь обращается к ростовщику Готфриду, закладывая ему на этот раз свои “часы с цепью” – за 38 руб.» (Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 59).

лю, очень не гармонирующие со всем ее нарядом, выглядят просто как дорогая изящная вещь – и впоследствии, когда Дуня с матерью решают остаться в Петербурге, Разумихин обязуется отнести их в заклад), а человек без часов – человек, стесненный в средствах, как, например, приживальщик черт или поляки, приехавшие за Грушенькой. Но Шатов отдаст в заклад не часы, а пистолет – и актуализируется символический смысл детали, подчеркивается его беззащитность.

Очень симптоматичны слова Ставрогина в «Бесах»: «Все врут календари, – заметил было он с любезной усмешкой, но устыдившись поспешил прибавить: – По календарю жить скучно, Лиза» (10: 398). Время жизни по календарю не есть время «живой жизни», внутренне переживаемой бергсоновской длительности: только во внутреннем ощущении времени возможны озарения и жизнь. В этом смысле пунктуальность, способность жить по часам предстает в мире Достоевского как отсутствие жизни, неистинное время. Так, Федор Павлович Карамазов подчеркивает свою пунктуальность, Петр Верховенский вечно спешит, и по минутам расписан его день, постоянно смотрит на часы и ведет счет каждой минуте Лужин: время – деньги; Шигалев смотрел так, «как будто ждал разрушения мира, и не то чтобы когда-нибудь, по пророчествам, которые могли бы и не состояться, а совершенно определенно, так-этак послезавтра утром, ровно в двадцать пять минут одиннадцатого» (10: 109–110). Этим героям не дано пережить минут усиления и ослепительной ясности сознания, минут встречи с вечностью. Им также никогда не хватает времени: Федор Павлович сетует на то, что «времени Бог мало дал, всего во dniu определил только двадцать четыре часа, так что некогда и выспаться, не только покаяться» (14: 121); Верховенский восклицает: «Эх кабы время! Одна беда – времени нет!» (10: 325).

Итак, действительно, у Достоевского отрицается линейное, равномерное психологическое время. Вместе с ним отрицается и время историческое, которое замняется эсхатологическим ощущением времени, поскольку персонажи считают себя в силах влиять на ход истории, причем всемирный переворот осуществляется не посредством апокалиптических бедствий или всемирного пожара, а через духовное преображение человека. Биографическое время заменяется временем вспышек сознания, внутри которых существует время, но не в виде «экстазов» – прошлого, настоящего и будущего, в которых сказывается зависимость времени от темпоральности, человеческого существования и от способов переживания личностью своего бытия, а в виде «роковых», интенсивно и содержательно наполненных мгновений, внутри которых есть длительность, субъективное время, время-переживание «живой жизни», всячески противопоставляемое «объективному», неценному времени, отсчитанному «по часам». Освещение жизни по минутам ясности сознания становится у До-

стоевского своеобразным конструктивным принципом произведений. Это определяет, в частности, отмеченную многими исследователями сжатость хронологических сроков повествования у Достоевского, но отнюдь не отсутствие времени вообще во внутренней жизни его героев.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Белкин А.С.* «Вдруг» и «слишком» в художественной системе Достоевского // Читая Достоевского и Чехова: Статьи и разборы. М., 1973.
- Гражис П.И.* Время в романах Достоевского и его современников: Конспект лекций по спецкурсу «Достоевский и литературный процесс его времени». Вильнюс, 1982.
- Катто Ж.* Пространство и время в романах Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. Л., 1978.
- Кирпотин В.Я.* Особенности художественного видения мира у Достоевского // Достоевский-художник. М., 1972.
- Назирова Р.Г.* Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов, 1982.
- Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005.

Сведения об авторе: *Галышева Мария Павловна*, преподаватель Института филологии и истории РГГУ. E-mail: forli96@mail.ru

А.Г. Григорьев

СООТНОШЕНИЕ МОНАСТЫРЯ И МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: УХОД АЛЕШИ

В статье раскрывается значение для Достоевского традиции русского монашества, которая обрела высшую точку своего развития в оптинском старчестве. Вместе с тем причины ухода Алеши Карамазова из монастыря в «мир» несводимы к восприятию писателем оптинской традиции в лице старца Амвросия. В образе Зосимы отсутствуют типичные для православного подвижника аскетические черты, а в его завещании Алеше отражается комплекс религиозных идей позднего творчества Достоевского, одна из которых состояла в примате социального служения в «миру» над жизнью монаха. Писатель намечает принципы «монастыря в миру», однако не разворачивает их в подлинную концепцию.

Ключевые слова: Достоевский, «Братья Карамазовы», православие, исихазм, старчество.

The work reveals a significant role that the tradition of Russian monkhood, most clearly expressed in the *starchestvo* of Optina, played for Dostoevsky. Nevertheless, the reasons for Alexey Karamazov's departure from the monastery can't be reduced to the way this tradition was seen by Father Amvrosy. Father Zosima's character lacks ascetic features typical of an Orthodox hermit. His bequest to Alexey reflects some of late Dostoevsky's religious ideas including the primacy of social activity as compared to a monk's life. The writer gives a sketchy idea of 'a monastery in the society of laymen', but never develops it into a complete conception.

Key words: Dostoevsky, "The Brothers Karamazov", Orthodoxy, isichasm, starchestvo.

Постсоветская достоевистика, как бы утоляя «голод» на находившиеся в течение долгого времени под запретом темы, сфокусировалась на религиозной проблематике творчества Достоевского. Это понятное и во многом справедливое увлечение современных литературоведов изучением религиозного мира писателя, однако, обычно характеризуется крайностью – попытками полностью вписать творчество автора в русло православной традиции. При отсутствии мнения изнутри самой традиции¹ некое усредненное «общелитературоведческое» мнение о Достоевском склонно едва ли

¹ Скорее исключениями можно считать работы В.М. Лурье (в частности: *Лурье В.М. Догматика «религии любви» (догматические представления позднего Достоевского) // Христианство и русская литература: Сб. 2. СПб., 1996*), прот. Д. Григорьева (*Григорьев Д., прот. Достоевский и Церковь. М., 2002*) и некоторых других авторов.

не ставить его в один ряд с лучшими выразителями позиций Церкви, которыми на деле могут являться лишь Святые Отцы. Несомненно, такое «сглаживание противоречий» только вредит пониманию проблематики «наследства Достоевского» (выражение С.И. Фуделя). Цель данной работы – обратиться к одному из наиболее спорных эпизодов в творчестве писателя, сцене ухода Алеши Карамазова «в мир», чтобы понять, чем руководствовался автор в создании подобного сюжетного поворота. Это позволит нам дать ответ на более широкий вопрос: каким был взгляд Достоевского на монашество и на его место в мире?

С одной стороны, именно вектор движения «из мира», избранный первыми египетскими подвижниками, стал впоследствии одной из стержневых черт христианского монашества. С другой стороны, необходимость в «иной» (отсюда русское «инок») жизни не всегда и не везде была связана с категорическим отказом от контактов с внешним миром², тем более от контактов с другими людьми (отсюда греч. «монахос», «один»). Показательно, как быстро на смену отшельничеству приходят скитские, а затем и киновийные (общежительные) формы. Так, со временем внутри традиции на смену отгороженности от мира приходит открытость ему. Работа по сохранению первоначального духовного импульса, выполненная первыми отшельниками, уступает место работе по направлению этого импульса в мир. Прежде всего такая «смена ориентиров» была связана с тем, что внутри монашества сформировался исихастский элемент, который начал тяготеть «к выходу традиции в мир для внесения в его жизнь исихастских начал и установок. Главным стимулом, питавшим его, было глубинное убеждение... во всеобщем смысле и ценности этих начал и установок – в первую очередь, тезисе об обожении как бытийном назначении человека»³.

Впрочем, вектор «в мир» не является исключительной характеристикой исихастского элемента, парадоксальным образом сочетающего созерцательные установки с социальной ориентированностью. Эта открытость монастыря миру особенно хорошо видна на примере русской традиции, которая уже в лице основателей русского монашества – Антония и Феодосия Печерских – делает свой выбор в пользу социального служения. Идеал действенной любви Феодосия оказался ближе русскому сердцу, чем идеал героического отшельничества Антония. «Игумен Феодосий не только не изолировал своего монастыря от мира, но поставил его в самую тесную связь с мирским

² «Первоначальный пафос монашества сосредоточивался на отрицательной стороне: презрении мира и отвержении начал языческой культуры» (*Экземплярский В.И. Старчество // Дар ученичества. М., 1993.*)

³ *Хоружий С.С. Русское старчество в его духовных и антропологических основаниях // Опыт из русской духовной традиции. М., 2002. С. 52.*

обществом. В этом состоял его завет русскому монашеству. Самое положение монастыря под Киевом как бы предназначало его для общественного служения»⁴. (Увы, впоследствии эта «перенапряженность социального внимания»⁵ привела к известному кризису русской духовности. «Осифляне», одержав верх над «заволжцами», не позволили привиться на русской почве идеалам созерцательного монашества: первым учителем «умного делания» на Руси оказывается оттесненный «осифлянами» с исторической сцены преп. Нил Сорский.)

Ко времени жизни Достоевского на феодосиевскую традицию накладывается исихастский опыт, перенесенный на Русь преп. Паисием Величковским. Так формируется особая духовная среда, где возникает русское старчество – то явление, которое автор «Братьев Карамазовых» преподнес читателю в образе «русского инока». Достоевский удивительно верно и точно изобразил внешние атрибуты русского старца со свойственной ему социальной ориентированностью⁶, чему немало поспособствовало посещение писателем Оптиной пустыни: увиденный им старец Амвросий являлся прямым духовным «потомком» преп. Паисия Величковского (генеалогия старчества изложена самим Достоевским в его последнем романе). Однако бросающееся в глаза отсутствие в образе романного старца Зосимы аскетических черт, пренебрежение ими свидетельствуют о поверхностности оптинских впечатлений писателя. Сфокусировавшись на социальной активности Зосимы и не увидев под его ногами аскетической почвы, Достоевский сделал логичный в таких условиях вывод – вывел монашеское служение за пределы монастыря, отправив Алешу Карамазова «в мир».

Как помнят читатели «Братьев Карамазовых», ключевой поворот в судьбе Алеши занимает всего два дня. К тому времени старец Зосима впервые заговаривает со своим учеником о его дальнейшем будущем, Алеша уже год как подвизается послушником в «подгородном» монастыре. Разговор между ними описан в седьмой главе второй книги романа «Семинарист-карьерист» и происходит непосредственно после сцены «неуместного собрания», которая заканчивается загадочным поклоном Зосимы «великому будущему страданию» Дмитрия. Посылая младшего брата вслед старшему, Зосима мотивирует это тем, что его ученик сможет «что-либо ужасное предупредить».

Однако в братской любви Алеши к Дмитрию как бы заключается и ядро его братской любви к миру вообще. «Как только сподобит

⁴ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 64.

⁵ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 22.

⁶ См., например, об этом: Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Минск, 2006. С. 570.

Бог преставится мне – и уходи из монастыря. Совсем иди», – внезапно продолжает Зосима (14: 71)⁷. Это решение старца настолько неожиданно (и нежелательно) для Алеши, что он «вздрагивает» и «просящим голосом» умоляет разрешить ему остаться. В ответ старец дает понять, что пребывание в миру будет хотя продолжительным, но все же временным. Впоследствии Алеше предстоит возвращение в монастырь: «Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать. И жениться должен будешь, должен. Все должен будешь перенести, пока вновь прибудеши» (там же).

Слова старца находят свое воплощение в сюжетной структуре романа. Любопытно, что проект о женитьбе Алеши начинает воплощаться в жизнь тем же вечером, когда герой получает любовную записку от Lise. Более того, именно об этой, к тому времени еще не распечатанной, записке Алеша вспоминает во время своей беспокойной молитвы. И если раньше умиротворенное и радостное состояние духа приходило к герою во время чтения молитвы, то теперь эти ощущения связаны с чтением записки. Достоевский практически отождествляет в данном случае *духовное* и *душевное*, не проводя между ними четких различий.

Уже на следующий день Алеша строит с Lise планы на их будущую женитьбу. Также на второй день Зосима в последний раз говорит со своим учеником о его будущей роли: «Мыслью о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь и жизнь благословишь, и других благословить заставишь, – что важнее всего» (там же: 259). Поразительно, что Зосима даже в этой окончательной формулировке не говорит ничего о *содержании* будущего «иночества в миру», ограничиваясь самыми общими словами и драматизируя ситуацию упоминанием возможных «врагов». Здесь, как и в случае с женитьбой Алеши, слова Зосимы идут в тесной взаимосвязи с развитием сюжета. Легко заметить, что большинство героев романа – и мужчины и женщины – ищут общества Алеши, часто *исповедаются* перед ним. Неудивительно, что герой сам уточняет свою задачу, правда, также в скорес романтическом, чем церковном ключе: «*примирить и соединить*».

В итоге читателю так и остается неясным, возникли ли у Зосимы планы относительно будущего Алеши под влиянием минуты и лишь потом он утвердился в них окончательно либо же просто до приближения своей смерти старец не хотел раскрывать ученику давно

⁷ Все цитаты из произведений Достоевского даны по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

задуманное⁸. То же можно отнести и к словам Зосимы относительно будущего возвращения Алеши в монастырь. Нам кажется, что реальнее других на вопрос ухода «в мир» смотрит отец Паисий, который расценивает следование словам старца как пожизненное исполнение однажды возложенного послушания⁹. В этом случае суть отношений между старцем и его учеником лишь подчеркивается необычностью послушания. Такой тип отношений, действительно, был характерен для старчества начиная с древней Церкви. «Сиротой» называет Алешу отец Паисий: при наличии живого отца это можно трактовать как непризнание над монахом власти кровных уз. Однако опять-таки если Паисий верно указывает на *причину* будущего служения Алеши, то о его *содержании* ничего не известно.

Но главное произнесено: Алеши предстоит стать «иноком в миру», что бы это ни значило. Нечеткость идеи не означает ее отсутствия. Именно по этой причине трудно согласиться с версией Мочульского о том, что эпизод с уходом Алеши может быть возведен к Житию Тихона Задонского, любимого святого писателя: «Василий Иванович Чеботарев, с переездом святителя Тихона в Задонск, поступил к нему келейником, но умер в Ельце мирянином, так как святитель почему-то не благословил его оставаться в монастыре»¹⁰. Дело в том, что в этом эпизоде нет ясно выраженной идеи «монастыря в миру», без которой уход келейника выглядит скорее как признание его неспособным к монастырской жизни¹¹.

Нельзя уход Алеши «в мир» целиком возводить и к размышлениям Достоевского о русском старчестве и русском монастыре с их явным социальным императивом. В действительности идея «монастыря в миру» встречалась в творчестве писателя до «Братьев Карамазовых», хотя и под несколько другим углом. Проследим ее развитие с самого первого обращения писателя к образу монаха и монашества. Если отбросить ранние произведения, в которых упоминание монахов не несет какой-либо специфической смысловой нагрузки, это замысел «Жития великого грешника». Общим местом в

⁸ Ср., например, вопрос Алеши о Дмитрии и ответ Зосимы:

«Отец и учитель, – проговорил он в чрезвычайном волнении, – слишком нежны слова ваши... Какое это страдание ожидает его?»

– Не любопытствуй! (14: 258).

⁹ «Пойми, Алексей, что если и возвратишься в мир, то как бы на возложенное на тя послушание старцем твоим, а не на суетное легкомыслие и не на мирское веселие...» (там же: 145).

¹⁰ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 540.

¹¹ Также Мочульский указывает, что «“проект” Федорова [Н.Ф. Федорова, автора “Философии общего дела”] повлиял на практический характер служения Алеши. Он уходит из монастыря в мир и кладет первое основание будущему человеческому братству (речь на могиле Ильюши)» (там же. С. 507). Влияние Федорова хотя и возможно, но никак не является определяющим фактором в формировании идеи «иночества в миру».

достоевистике стала мысль о том, что последние три романа выросли из этого неосуществленного замысла. В разрезе нашей тсмы это тем более справедливо, что именно на стыке 1860-х и 1870-х гг. религиозность Достоевского нашла для себя опору в виде исторического православия. Как отмечает Лурье, до этого времени писатель занимался самостоятельным конструированием фигуры «положительно прекрасного человека», теперь же он обратился к указываемому Церковью идеалу – монашеству. Одновременно «именно в 1870 г. его религиозные воззрения сложились как довольно жесткая система, которая продолжала развиваться в частности, но оставалась неподвижной в целом»¹².

Если в целом система религиозных представлений Достоевского в последнее десятилетие его жизни не претерпела значительных изменений, то столь же постоянным на последнем отрезке его жизни оставался и набор искажений, которые сам Достоевский привнес в образ монашества. И самое главное из них – это аксиологическая подчиненность монашеского пути мирскому. В планах «Жития...» есть такая запись: «Рассказ Тихона о своей первой любви, о детях: монахом жить ниже, надо иметь детей и выше, когда призвание имеешь» (9: 138). Уже здесь тема монашества появляется в непосредственной близости с темой супружества («иметь детей и выше»), уже здесь речь идет о некой мирской деятельности («если призвание имеешь»). Разумеется, подобные оценки принадлежат только самому Достоевскому. Это противоречит и библейскому изречению: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском» (1 Кор. 7. 32–33). Также для сравнения приведем слова святителя Игнатия Брянчанинова: «Святые отцы... согласны, что безбрачная жизнь неестественна падшему естеству, что она была естественна человеку до его падения, что по обновлении естества способность к девству и безбрачной жизни возвращена естеству, что девство и безбрачная жизнь почтены выше брака»¹³.

По всей видимости, Достоевского во все время его напряженных религиозных поисков не покидало ощущение, что «монахом жить ниже». Тем не менее нет оснований говорить о неприятии Достоевским монашеского пути. Уже в «Житии...» чувствуется, какое огромное влияние на героя романа должна была оказать его жизнь в монастыре (герой «Жития...» попадает в монастырь мальчиком, Алеша – юношей, но оба в конце концов должны были покинуть свое временное убежище). Такой же эффект должно было произвести на Ставрогина принятие тайного послушания, однако он выбрал другой путь.

Обратимся к страницам ненапечатанной главы «У Тихона». В самом конце встречи Тихон делает Ставрогину неожиданное предло-

¹² Лурье В.М. Указ. соч. С. 302.

¹³ Свт. Игнатий Брянчанинов. Полн. собр. творений. М., 2007. Т. 1. С. 439.

жение – продолжить светскую жизнь, однако при этом уже находясь в тесной духовной связи со «старцем» (очевидно, в данном случае слово употребляется не в том узком смысле, в каком старцем является Зосима или его прототип оптинский старец Амвросий; скорее всего речь идет об опытном монахе пожилого возраста). «Я знаю одного старца не здесь, но и недалеко отсюда, отшельника и схимника, и такой христианской премудрости, что нам с вами и не понять того. Он послушает моих просьб. Я скажу ему о вас все. Позволите? Пойдите к нему в послушание, под начало его лет на пять, на семь, сколько сами найдете потребным впоследствии» (11: 29).

После того как предложение сделано, Тихон прозревает будущее «преступление» Ставрогина – эта ситуация потом перейдет в «Братьев Карамазовых», где Зосима увидит «будущее страдание» Дмитрия. У Тихона и Зосимы есть и другие общие черты: наличие противников внутри монастыря, активное общение с простолюдинами. Общность ситуаций, впрочем, только оттеняет различие между ними¹⁴. Если для Алеши «иночество в миру» означает выход из монастыря и активное социальное служение, то для Ставрогина то же самое становится епитимьей, свидетельством покаяния и в конечном счете движением «из мира». Алеша не может послушаться своего старца, Ставрогин отвергает сделанное ему предложение.

Кроме того, идея «иночества в миру» появляется в «Бесах» мимоходом, тогда как в «Братьях Карамазовых» она является одной из центральных. Это неудивительно, если учесть, что на протяжении 1870-х гг. все больше входивший в жизнь Церкви Достоевский уделял религиозной проблематике все больше внимания. Так, в период «Бесов» Достоевский мог допустить такую, например, ошибку, как назвать своего Тихона святителем¹⁵. В последнем романе писателя монашеские образы выведены уже гораздо более уверенной рукой.

Однако в отсутствие «содержательной связи с учением святоотеческим»¹⁶ произведения Достоевского остаются открыты для леонтьевского упрека в «розовости». Конечно, критика менее знаменитого

¹⁴ Одним из первых этот мотив заметил С.И. Фудель (см.: *Фудель С.И.* Наследство Достоевского. М., 2005. Т. 3. С. 22). Однако представляется маловероятным, что во время написания «Бесов» идея «иночества в миру» была окончательно сформулирована, скорее мы имеем дело с ее истоками.

¹⁵ На эту путаницу обратил внимание ряд исследователей, в частности, Вл. Малягин (см.: *Малягин Вл.* Достоевский и Церковь // Ф.М. Достоевский и православие. М., 1997. С. 22). В защиту Достоевского стоит здесь сказать, что прототип литературного Тихона – Тихон Задонский – был как раз святителем. Кроме того, как отмечает Г. Федотов, со времени создания в России Священного синода и до времени жизни Достоевского Церковью было канонизировано всего четверо святых, причем все четверо были епископами. «Отсюда и недоразумение. вкравшееся даже в литературный русский язык: нередко святителем называют всякого святого» (*Федотов Г.П.* Указ. соч. С. 233).

¹⁶ *Лурье В.М.* Указ. соч. С. 307.

современника порой может казаться мелочной¹⁷, но она исходит от человека, знакомого с внутренней стороной жизни монашества, которая Достоевскому была знакома лишь с внешней. А Достоевский расходился с традицией не только в мелочах. Старец Зосима в «Братьях Карамазовых» дает, например, такое фантастическое наставление: «...на каждый день, и когда лишь можешь» повторять единственную молитву: «Господи, помилуй всех днесь пред тобою представших». В действительности же старец мог учить постоянному повторению не менее конкретной, но совершенно другой молитвы – Иисусовой: «Господе Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго». Дело в том, что, как уже говорилось выше, «русское старчество возникло в русле русского исихазма, будучи неразрывно связано с практикой Умного делания»¹⁸. А техника Умного делания есть не что иное, как важнейшая психофизическая практика, основанная на дыхательной технике и постоянном повторении Иисусовой молитвы.

Сборник святоотеческих текстов, посвященных Умному деланию и аскетическим предпосылкам к нему, называется «Добротолубие», однако именно этой книги при ее относительной доступности во времена Достоевского мы не находим в библиотеке писателя¹⁹. Остается сожалеть, что применительно к Достоевскому нередки случаи злоупотребления именно отсылками к исихастскому учению о нисхождении ума в сердце. В этом случае имеет место подмена конкретных, сформированных реальной традицией практик гуманистически направленной мыслью исследователей²⁰.

Возможно, рискуя выйти отчасти за рамки литературоведения, мы предложим еще одно объяснение концепции «иночества в миру». Дело в том, что нередко прилагаемое к Достоевскому определе-

¹⁷ Кроме вполне справедливых упреков в выдумывании «мировой гармонии», Леонтьев замечал за героями Достоевского, в частности за Соней Мармеладовой, что она не служит молебнов и не ищет совета у духовника. Фудель на это довольно справедливо возражает: «Не стоит говорить о нелепости требовать от романа какой-то богослужебной энциклопедии» (*Фудель С.И.* Указ. соч. С. 52). Неприменимый к раннему творчеству Достоевского, этот критерий все же отчасти приложим к «Братьям Карамазовым», значительная часть действия которых проходит в монастыре.

¹⁸ *Хоружий С.С.* Указ. соч. С. 37.

¹⁹ Библиотека Достоевского: опыт реконструкции: Научное описание. СПб., 2005.

²⁰ Гуманистически понятая православная традиция зачастую подталкивает исследователей к тому, чтобы проводить параллели там, где их нет. Так, по мнению С. Сальвестрони, тот «тип рая, о котором говорят такие герои, как Зосима, Маркел, Тайнственный посетитель, не расположен ни в пространстве, ни во времени. Речь идет о внутреннем состоянии, достигнутом путем последовательного очищения или, как подчеркивают старцы и Отцы Церкви, через внезапное душевное озарение, ведущее к утере старого “я” с его страстями и желаниями» (*Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с ит. СПб., 2001. С. 14–15). Привязка святоотеческого учения к восторгам героев Достоевского является явной натяжкой.

ние – «пророк» – может быть справедливо и по отношению к его религиозным размышлениям. Небезызвестно высказывание Георгия Флоровского о Достоевском: «Силою своей художественной прозорливости Достоевский угадал и распознал серафическую струю в русском благочестии и намеченную линию пророчески продолжил»²¹. В самом деле, возможно, «иночество в миру» было в наибольшей степени именно своеобразным «пророческим продолжением» русской монастырской традиции. Дело в том, что уже после смерти Достоевского, в XX в., появились старцы в миру, в частности отец и сын Алексей и Сергей Мечевы, прославленные Церковью как святые. По мнению философа Хоружего, «идея “монастыря в миру” оправданна и законна в русле исихастской традиции; а русское старчество в миру было не чем иным, как попыткой осуществления этой идеи»²².

Однако подобный вопрос находится в зыбкой области догадок. К тому же свв. Алексей и Сергей Мечевы, как и их предшественник Иоанн Кронштадтский, были представителями белого духовенства и проповедовали вполне конкретные ценности исихастской традиции²³. Алеша Карамазов, в отличие от них, не является священником и на страницах «Братьев Карамазовых» занят скорее размышлениями о событиях за оградой монастыря, чем духовной работой в монашеском понимании.

Увидев, как тема монастыря входит в творчество писателя во время работы над «Житием великого грешника», мы проследили ее дальнейшую метаморфозу в идею «иночества в миру». Однако идея не стала концепцией: благодаря интересу и вниманию Достоевского к монашескому пути она появилась на свет, но из-за внутреннего убеждения писателя о превосходстве мирской жизни над монашеской внимание это оказалось рассеянным и избирательным. Таким образом, о содержательной стороне будущего подвига Алеши остается лишь догадываться, хотя весьма сомнительно, что этот подвиг был бы окрашен в аскетические цвета. Тем не менее Достоевскому удалось уловить крайне важную связь, всегда существовавшую между русским монастырем и миром, и здесь мнение старца Зосимы теряет присущую этому образу во многих других отношениях литературность. «Русский монастырь искони был с народом. Если же народ в уединении, то и мы в уединении», – говорит Зосима (14: 285). «Между

²¹ Флоровский Г., *прот.* Указ. соч. С. 297.

²² Хоружий С.С. Указ. соч. С. 44.

²³ «Хотя о. Иоанн священствовал в миру и не имел монашеского пострижения, но внутренняя жизнь его была вся в монашеском подвиге, согласно святоотеческой традиции. Он постоянно говорит о внутреннем духовном делании, о “невидимой брани” – не только против страстей, но и против “духов злобы поднебесных”, говорит об “умно сердечной молитве” и силе и действенности “Имени Иисусова”» (Концевич И.М. О. Иоанн Кронштадтский и духовный кризис России. 50-летие преставления приснопамятного Иоанна Кронштадтского. Нью-Йорк, 1958. С. 95).

христианами, живущими в монастырях, и христианами, живущими посреди мира, – теснейшая нравственная связь», – пишет свт. Игнатий Брянчанинов²⁴. Уход Алеши есть как минимум наглядное отражение этой связи.

Список литературы

- Григорьев Д., прот.* Достоевский и Церковь. М., 2002.
Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Минск, 2006.
Лурье В.М. Догматика «религии любви» (догматические представления позднего Достоевского) // Христианство и русская литература: Сб. 2. СПб., 1996.
Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Минск, 2006.
Хоружий С.С. Русское старчество в его духовных и антропологических основаниях // Опыты из русской духовной традиции. М., 2002.
Экземплярский В.И. Старчество // Дар ученичества. М., 1993.

Сведения об авторе: *Григорьев Александр Геннадьевич*, аспирант филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: aggrigoriev@yandex.ru

²⁴ *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Указ. соч. С. 442–443.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.С. Десницкий

БИБЛЕЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Рассматривается взаимодействие современной библейской филологии с социологией. Многие места библейских текстов могут быть адекватно поняты только в своем широком историко-культурном контексте, а действия и речи персонажей обретают смысл только на фоне существовавших тогда общественных отношений, нравов и обычаев. Даже хорошо знакомые нам слова и понятия, например «любовь», могут получить в этой ситуации несколько иное наполнение. Вместе с тем возможна и ситуация, когда текст перекраивается в угоду определенной идеологической модели, чего, конечно, следует избегать.

Ключевые слова: Библия, лексикология, социология, контекст, идеология, культурная антропология, любить, мертвый, обряд, феминизм, гендер.

The article deals with the links between modern biblical philological and sociological studies. Many passages from the Bible can be adequately understood only in their broad historical and sociological context; actions and speeches can be interpreted correctly only in connection with the existing social links, customs and rites. Even the words we know well, like “love”, can have special nuances of meaning in such a situation. On the other hand, a certain ideological pattern can sometimes be read into the text which of course should be avoided.

Key words: Bible, lexicology, sociology, context, ideology, cultural anthropology, love, dead, rite, feminism, gender.

Современная библеистика есть наука по преимуществу филологическая, поскольку она занимается анализом текстов. Однако в последние десятилетия все чаще можно услышать возражения против такого подхода, при котором филологический анализ становится единственным и самодостаточным, когда библейские тексты воспринимаются вне всякой связи с обществом, в котором они возникли, и с конкретными ситуациями, приведшими к их созданию. Важна, как утверждают библеисты, не только реальность текста, но и социальная реальность: «относиться к этим произведениям как к самостоятельным литературным мирам означало бы, по-видимому, забыть о той жизни, которая их и породила... Если мы собираемся истолковывать документы, написанные в такой ситуации, в которой общество было наэлектризовано Евангелием, а контекст – керигмой, то социология предлагает нам ресурсы, которые нельзя игнорировать» [Esler, 1994: 17–18].

Действительно, адекватно понять текст можно только в его широком культурно-историческом контексте, а библейские книги писались в обществе, существенно отличающемся от нашего собственного. Поэтому библеисты, привлекающие данные социологии, стремятся описать структуру норм поведения, характерных для человеческого сообщества в данный конкретный момент времени (синхронический подход), а также проследить ее развитие на протяжении определенного периода (диахронический подход). Среди наиболее интересных работ этого направления следует назвать следующие: на ветхозаветном материале [Vaux de, 1961; Rogerson, 1978; Gottwald, 1979; на новозаветном – Gager, 1975; Theissen, 1978; Meeks, 1983; Esler, 1994].

Впрочем, речь здесь идет не только об описании отдельных взглядов, обрядов, традиций, но о реконструкции «социальных миров», в которых родились те или иные тексты. Одни и те же процессы, события, явления могут пониматься совершенно по-разному людьми разных культур (классический пример – язык жестов). Даже если одно и то же явление оценивается примерно одинаково, у него может быть совершенно разный вес. Например, ситуация, описанная в Евангелии от Луки (Лк. 14: 8–11), когда хозяин дома просит гостя пересесть на другое место, кажется нам совершенно незначительным бытовым неудобством, которое забудется через несколько минут. Но для людей той культуры одним из ключевых ориентиров была оппозиция почета и позора, и место, отведенное гостю за столом, – одно из наиболее ясных и всем заметных способов определить его положение на этой «шкале почета» (во многих местностях Северного Кавказа и Средней Азии это и по сей день так). Получить на всеобщем празднике публичный выговор за незаслуженно занятое место – унижение, которое будет долго помнить вся община.

Результаты социологического анализа могут порой существенно менять наше представление о тексте. Так, сегодняшний читатель воспринимает Евангелие от Луки (Лк. 10: 38–42), рассказывающее о приходе Христа к двум сестрам, на фоне наших представлений о том, что духовное следует предпочитать плотскому. Итак, Марфа занялась приготовлением угощения для Иисуса, тогда как ее сестра Мария не стала хлопотать по хозяйству, предпочтя участвовать в беседе. Однако для того общества поведение Марфы было единственно приемлемым для хозяйки дома: следует прежде всего позаботиться о гостях. Мария скандально нарушила обычай гостеприимства, и потому одобрение Христа было для всех полной неожиданностью. Это не притча о том, что не нужно заниматься хозяйством, это скорее еще один пример того, как неправильное с точки зрения обыденных правил поведение оказывается в конечном счете выигранным.

Еще один пример значимости культурного контекста – поведение священника и левита из притчи о милосердном самарянине (Лк. 10: 30–36). То, что они прошли мимо полуживого человека, ставшего жертвой разбойников, современный читатель склонен объяснять их черствостью. Однако на самом деле они боялись осквернения: ведь если бы этот человек оказался мертвым или умер бы у них на руках, они нарушили бы ясно выраженную заповедь, запрещающую священнослужителям прикасаться к мертвецам (Лев. 21: 1–4). Зато образцом милосердия оказывается нечистый, с точки зрения иудеев, самарянин, который сам не побоялся осквернения (Числ. 19: 11 и далее). Учитывая, что Христос рассказал эту притчу в ответ на вопрос человека, старательно соблюдавшего закон, мы видим по-новому смысл самой притчи: следование букве закона может не совпадать с его духом.

Понятно, что социологические данные могут пригодиться нам в определении отношений, которые связывали людей того времени, в объяснении их привычек, мотивов их поведения и т.д. Но на практике оказывается, что эти сведения могут быть полезными и при лексическом анализе, причем это касается таких слов, значение которых представляется нам на первый взгляд совершенно ясным. Например, слово ‘любовь’ обозначает всем знакомое чувство. Действительно, в огромном количестве случаев наше обыденное восприятие этого слова вполне совпадает с библейским, но в некоторых контекстах слово может относиться не столько к области эмоций, сколько к области общественных отношений.

Например, в Первой книге Царств (1 Цар. 5: 1) говорится, что царь Тира Хирам при жизни царя Давида любил его (в Синодальном переводе – «был другом»). Означает ли это, что между Давидом и Хирамом были какие-то особые личные отношения, вроде тех, что связывали Давида и Ионафана? Но эти два царя, видимо, никогда не встречались в своей жизни, и мы совершенно ничего не знаем об их дружбе. Зато нам известно, что и при Давиде, и при Соломоне Тир был активным экономическим партнером Израиля. Если посмотреть и на другие контексты, то можно сделать вывод [Moan, 1963], что в данном случае евр. глагол *'hb*, привычно переводимый как ‘любить’, обозначает не личные чувства, а договорные отношения, связывающие два народа: царь Хирам был союзником и торговым партнером царя Давида, и при его преемнике Соломоне естественно было ожидать продолжения такого отношения.

Но даже там, где библейский текст о любви между мужчиной и женщиной, он не всегда делает это именно так, как принято сегодня. Так, любовь описывается практически всегда как одностороннее действие: мы, например, читаем, что «Иаков полюбил Рахиль» (Быт. 29: 18), но совершенно ничего не говорится об ответных чувствах Рахили.

Внимательный анализ, однако, показывает [Ackerman, 2002], что для израильянина «полюбить» означает сделать свой выбор, и поэтому это слово практически всегда указывает на ту сторону, которая выступает инициатором отношений: мужчина может полюбить женщину, мать или отец любит ребенка, а другая сторона просто принимает это отношение. Даже исключения здесь значимы: если в Первой книге Царств (1 Цар. 18: 20) говорится, что Давида полюбила дочь Саула Мелхола, то мы понимаем, какая в тот момент существовала огромная разница между юным пастушком и царской дочерью. Выбор, по сути, делала царевна. Пройдет время – и все переменится, но пока что именно она выступает инициатором, и Давид, отказавшись от брака с ее сестрой, все-таки женится на Мелхоле.

Точно так же и в отношениях между Богом и избранным народом инициатива всецело принадлежит Богу, но если текст говорит, что это Израиль полюбил чужих богов (напр., Иер. 2: 25), то так подчеркивается момент сознательного выбора, подобного супружеской измене: вместо того чтобы отвечать на Божью любовь, Израиль выбирает себе кого-то другого.

Особенно интересно посмотреть на пару слов ‘любовь’ – ‘ненависть’. В 23-й главе Второй книги Царств рассказывается, как Амнон изнасиловал свою единокровную сестру Фамарь: при этом до изнасилования он ее, оказывается, «любил», а сразу после изнасилования «возненавидел». Такой прямой перевод ставит нас в тупик: насколько груба и неестественна его любовь, настолько же беспричинна ненависть. Но все станет на свои места, если мы поймем, что речь здесь идет о сознательном выборе, а не о чувстве: Амнон желал Фамарь, а после изнасилования она для него утратила всякую притягательность.

А что же нам думать, если Господь сообщает, что он возлюбил Иакова и возненавидел Исав (Мал. 1: 2–3, цит. в [Римл. 9: 13])? Эти слова вызывают полное недоумение: Исав ничем не провинился, чтобы к нему так относиться. Однако стоит понять, что «ненависть» в данном случае – антоним «любви» как избрания, заключения союза и следования этому союзу. Господь говорит лишь о том, что Завет он заключил с Иаковом и его потомством, а Исав и его потомство не имеют к этому отношения.

Разумеется, и при социологическом анализе возможны перегибы, когда текст рассматривается через призму какой-то одной теории, а порой и вовсе приносится в жертву определенной идее, чуждой этому тексту. Работы такого рода обычно проходят по разряду социологии, антропологии или так называемого анализа читательского восприятия, но вернее было бы отнести их к идеологическим. Граница здесь достаточно ясна: социология стремится понять, какая социальная

реальность стояла за текстом, а идеология старается изменить существующую реальность, используя этот текст.

Действительно, на рубеже XX–XXI вв. все чаще стали появляться работы, в которых подыскивается библейская опора для определенной идеологии. В особенности популярными сегодня становятся такие толкования Библии, которые позволили бы угнетенным (или некогда угнетенным) слоям общества почувствовать себя его полноправными членами. Так, в 1960-е гг. в США зародилось феминистское прочтение Библии [Tolbert, 1983; Fiorenza, 1984]. Его цели – показать, что Библия была написана в патриархальном обществе, обращавшем недостаточно внимания на мысли и чувства женщин, отказаться от стереотипов мышления, свойственных такому обществу, и вернуть женщине должное место и в библейских текстах, и в библеистике как науке.

На практике это выражается, например, в создании особого инклюзивного языка (*gender inclusive*, т.е. «включающего оба пола»), на котором следует говорить о Библии. Так, вместо «сыны Израиля» говорится «дети Израиля», поскольку женщины также входили в их число, а наиболее радикальные сторонники такого языка предпочитают называть Бога не Отцом, а Родителем или же одновременно Отцом и Матерью.

Другой подобный пример – постколониальное прочтение Библии [Segovia, 2000], ставящее своей целью заново прочесть библейские тексты, сознательно отказываясь от «империалистической» точки зрения, которая предпочитает западную цивилизацию всем прочим и оправдывает подчинение и даже порабощение остальных народов. Например, широко распространено утверждение, что слова девушки в (Песне песней, 1: 5) должны прочитываться «черна я и прекрасна» (а не «... *но* прекрасна»), поскольку в самой Библии черный цвет кожи не считается некрасивым, а стоящий в оригинале союз *w* может переводиться и как «и», и как «но». При этом девушка однозначно понимается как чернокожая. На самом деле контекст показывает, что речь идет вовсе не о расе, а о загаре: девушка из простой семьи должна была много работать на открытом воздухе, поэтому бледные ровесницы из богатых семей могли смотреть на нее пренебрежительно.

Постколониальное прочтение встречается в разных местных вариантах: афроцентричное, афроамериканское и т.д. В последнее время оно нередко сочетается с феминистским [Dube, 2000], например, в движении «мухеристов» (от исп. *mujer* ‘женщина’), рассматривающем Библию с точки зрения испаноязычных женщин Латинской Америки и США.

Все разновидности подобных подходов (а к ним можно добавить марксистское, фрейдистское и другие прочтения) в основном имеют дело не с Библией как таковой, а с тем, как трактуются и применяются

библейские тексты в современной жизни и какие именно библейские тексты выбираются для чтения. Пожалуй, нередко они приводят к прямому насилию над текстом.

Но и подобные подходы высвечивают действительно существующие проблемы. Современные читатели Писания далеко не сразу готовы согласиться с некоторыми его положениями. Например, когда в Первом послании Тимофею (1 Тим. 2: 15) мы читаем, что женщина «спасется через чадородие», это звучит действительно обидно. Получается, что и вера, и добрые дела, и многое иное – это только для мужчин, а женщина должна просто рожать и не думать ни о чем высоком. Чем она тогда отличается от самки животного? Неудивительно, что эти и некоторые другие пассажи Павла (прежде всего 1 Кор. 11: 3–15) понимаются современными феминистками как нечто устаревшее и не имеющее сегодня никакой силы.

Впрочем, есть и другие способы объяснить изначальное значение таких отрывков. Если посмотреть на социальный и религиозный контекст, в котором Павел говорил о «спасении через чадородие», то окажется, что он не только не принижает женщин, но, напротив, подчеркивает их достоинство [Jagt van der, 1988]. Для многих религиозных учений того времени, в первую очередь гностицизма, духовная жизнь для женщин становилась возможной только в том случае, если они раз и навсегда откажутся от семейной жизни, деторождения и вообще, по сути, от своей женской природы. Павел категорически возражает: можно быть женщиной, можно жить в семье и рожать детей и при этом быть полноценной христианкой, достигающей спасения! Здесь, как и во многих других случаях, не стоит торопиться с современной идеологией: первичный смысл текста в его изначальном контексте может оказаться не менее актуальным.

Итак, данные социологии и смежных дисциплин действительно могут пролить новый свет на библейские тексты, если применять их к месту, не делая идеологические построения некими самоценными ориентирами.

Список литературы

- Ackerman S.* The personal is Political: Covenantal and Affectional Love (‘ĀHĒB, ’AHĀBĀ) in the Hebrew Bible // *Vetus Testament* (2002). 52-4.
- Dube W.* *Postcolonial Feminist Interpretation*. St. Louis, 2000.
- Esler P.F.* *The First Christians in their Social Worlds: Social-scientific Approaches to New Testament Interpretation*. L., 1994.
- Fiorenza E S.* *Bread not Stone: the Challenge of Feminist Biblical Interpretation*. Boston, 1984.
- Gager G.* *Kingdom and Community: The Social World of Early Christianity*. Englewood Cliffs, 1975.
- Gottwald N.K.* *The Tribes of Yahweh: a Sociology of Religion of Liberated Israel, 1250–1050 B.C.E.* N.Y., 1979.

- Jagt K. van der.* Women are Saved through Bearing Children: a Sociological Approach to the Interpretation of 1 Timothy 2.15 // Issues in Bible translation / Ed. P.C. Stine. L.; N.Y.; Stuttgart, 1988.
- Meeks W.* The First Urban Christians: The Social World of Apostle Paul. New Haven, 1983.
- Moran W.L.* The Ancient Near East Background of the Love of God in Deuteronomy // Catholic Biblical Quarterly 25 (1963).
- Rogerson J.W.* Anthropology and the Old Testament. Oxford, 1978.
- Segovia F.F.* Decolonizing Biblical Studies: A View from the Margins. N.Y., 2000.
- Theissen G.* The Social World of Early Palestinian Christianity. Philadelphia, 1978.
- Tolbert M.A.* The Bible and Feminist Hermeneutics // Semeia 28, Atlanta, 1983.
- Vaux R. de.* Ancient Israel: Its Life and Institutions. N.Y., 1961.

Сведения об авторе: Десницкий Андрей Сергеевич, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Института востоковедения РАН. E-mail: ailoyros@gmail.com

Т.Н. Курохтина

СУРЖИК В ИНТЕРНЕТЕ

В статье описываются наиболее характерные лингвистические особенности суржика, получившие отражение в искусственно созданных текстах интернет-энциклопедии «Википедия» на суржике. Особое внимание уделено определению места этого языкового феномена в стратификации национального украинского языка.

Ключевые слова: украинский язык, интерференция, суржик, Интернет, просторечие, молодежный сленг, лингвистический анализ.

The article gives the description of the most characteristic features of surzhyk, that were used in the articles of Wikipedia. Special attention is given to the place of surzhyk in the structure of Ukrainian language.

Key words: Ukrainian language, Interference, surzhyk, Internet, colloquial language (prostorechie), slang, linguistic analysis.

Всего лишь несколько десятков лет назад в украинской лингвистике упорно обходили стороной вопрос о существовании такого языкового явления, как суржик. Эта проблема выпадала из поля зрения серьезных научных исследователей. И только с обретением Украиной независимости языковой вопрос стал одним из наиболее насущных не только в украинском языкознании, сейчас он обсуждается и на государственном уровне. Изменилось также и отношение к суржику. Если раньше он рассматривался скорее как этап перехода с украинского языка на русский, то в последнее десятилетие можно уже говорить об обратной тенденции: для многих русскоязычных украинцев суржик стал переходной стадией на пути к овладению украинским языком. За это время для характеристики речи населения Украины в языкознании возник целый ряд наименований: украиноязычные (україномовні), русскоязычные (російськомовні), украинофоны, русофоны, суржикоговорящие (суржи́комовні)¹ и др. Факт, что суржик стал лингвальной действительностью украинского общества, уже не вызывает сомнения. Это языковое явление стало предметом широкого обсуждения как в научных кругах, так и в среде неспециалистов.

Суржик в Интернете

С развитием таких средств массовой информации и коммуникации, как Интернет, у широких слоев населения появилась

¹ Сербенська О. Суржик: «низька мова», безлад чи мовна патологія // <http://www.ruthenia.info/txt/konf/mk2001/roz2.html>

возможность ознакомиться в том числе с последними работами и исследованиями о языковой ситуации на Украине. Сегодня уже не обсуждается постулат о суржикоязычности значительной части населения Украины, и потому дальнейшая судьба и развитие рассматриваемого языкового явления интересуют уже не только лингвистов. Благодаря Всемирной паутине у всех пользователей Интернета появилась возможность ознакомиться с различного рода статьями о суржике (научного и любительского характера), выразить свое мнение по затронутому вопросу на форумах и в чатах. Данная тема вызывает невероятное количество споров и бурных дискуссий на интернет-сайтах, полемика ведется на русском и украинском языках, а также на суржике.

Однако не только это является свидетельством все большего распространения интереса к суржику. Совсем недавно на одном из сайтов Интернета возник новый проект электронной энциклопедии «Википедия», варианты которой существуют на 250 языках мира² (среди которых и украинский), – это энциклопедия на суржике. «Википедия» на украинском языке насчитывает более 50 тыс. публикаций, тогда как вариант на суржике состоит всего лишь из нескольких десятков статей. Возможность возникновения подобной суржиковой энциклопедии возникла благодаря уникальному способу ее наполнения: в ее создании могут принимать участие рядовые пользователи Интернета. Несмотря на то что по объему «Википедия» на суржике незначительна, уже сама идея ее создания может заставить задуматься о значимости этого языкового явления, о том, какое место в жизни украинцев оно занимает. Попытки зафиксировать суржик в письменной форме уже представлены в художественной литературе³, но в данном случае подобная форма воссоздания суржика является скорее художественным приемом (тропом), использованным для характеристики героев. Однако наличие некоторого количества текстов на суржике, написанных без каких-либо специфических художественных целей, дает больше возможностей для изучения этого языкового явления с лингвистической точки зрения.

Лингвистическая сущность суржика

Украинские языковеды ведут споры относительно сущности суржика. Одни лингвисты (и их большинство) называют суржик просторечием, другие считают, что он выполняет функции разговорной речи; существует также точка зрения, согласно которой этот языковой

² <http://www.bezcentury.com.ua/ru/archive/9337/9383/9384.html>

³ Суржик используют в своих произведениях такие украинские авторы, как Б. Жолдак, А. Ирванец, В. Даниленко, Е. Кононенко, В. Диброва и др.

феномен рассматривается как социальный диалект, жаргон или молодежный сленг⁴. Каждая из этих точек зрения находит своих приверженцев, однако рамки данной работы не позволяют нам рассмотреть доводы всех сторон. Необходимо лишь отметить следующее: в пользу того, что суржик является просторечием, свидетельствует тот факт, что разговорная речь и социолекты являются разновидностью устной литературной речи, тогда как *суржик, как и просторечие, выходит за рамки литературной нормы и является лишь одной из форм национального языка, обслуживающей устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации*. Однако, учитывая новые условия функционирования украинского языка, можно утверждать, что сфера употребления суржика значительно расширилась с появлением Интернета. Он вышел за рамки просторечного бытового общения, уличной коммуникации, став языковым явлением более высокого уровня: его используют в качестве языка переписки, на нем составляют энциклопедические статьи.

Таким образом, можно предположить, что определенные языковые тенденции современного украинского общества могут способствовать приобретению суржигом статуса молодежного сленга. Основной причиной этого может стать активная языковая политика на Украине, направленная на украинизацию всех сфер жизни страны и на борьбу с языковой «болезнью» под названием «суржик». Молодежь, которая довольно критично и иронично относится ко всему, что связано с давлением государственной машины, выражает свою общественно-политическую позицию, в том числе при помощи языковых средств. И суржик в Интернете (в «Википедии» в частности) можно рассматривать как одну из форм выражения протеста: он связывает определенную группу людей, которая стремится к преодолению «нормированности» и не желает оказаться в рядах послушного большинства.

Серьезность подобной затеи маловероятна, но все же попытка заявить о суржике как о языке заслуживает внимания (он напоминает такое явление русского Интернета, как язык «подонков»). Появление текстов на суржике дает возможность исследовать то, как люди, принимавшие участие в составлении энциклопедических статей, видят это языковое явление. В этой связи интересно также проследить, насколько организована и систематизирована его структура и можно ли с определенной долей уверенности говорить о наличии в суржике некой упорядоченности (фонетической, грамматической,

⁴ См., например: *Масенко Л.* Мова і політика. Київ, 1999; *Кузнецова Т.* Соціолінгвістична сутність суржику // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Зб. наукових праць. Вип. 4. Українське і слов'янське мовознавство. Ужгород, 2001. С. 277–280.

словообразовательной), т.е. говорить о суржике как о системе, а значит, как о самостоятельной подсистеме языка.

Составители статей на суржике не были скованы никакими правилами ни русского, ни украинского языка, их задача состояла в том, чтобы передать суржик в том виде, как они его себе представляют, каким они его слышат на улицах своего города и, возможно, даже сами его используют. Авторы энциклопедии анонимны, но скорее всего это люди образованные, владеющие нормами как украинского, так и русского языка. Однако это не умаляет значимости проделанной ими работы, поскольку в ней они отразили множество возможных суржиковых образований. В связи с вышесказанным возникает соблазн рассмотреть это языковое явление не как просторечное образование, а как разновидность молодежного городского сленга, возникшего в результате лингвистической игры, характерной для социальных жаргонов, в которой, правда, участвует не один язык, а два. Но этим и интересен данный объект исследования, поэтому далее мы попытаемся с лингвистической точки зрения проанализировать результат этой языковой игры.

Лингвистический анализ суржика Интернета

Сразу хочется отметить, что основной лексический состав и грамматическое оформление лексем являются украинскими, что еще раз подтверждает мнение о суржике как о языковом образовании, имеющем в своей основе украинский язык с элементами русского⁵.

В качестве примера приведем одну из статей из «Википедии»:

Язикі ў світі

Согласно оцінкам, ў світі насчислюється коло п'яти-шести тисяч язиків. На 40 найбільш розповсюджених язиках розговарює приблизно дві треті населення Землі. Більш всього людей говорять на китайському, іспанському, хинді, англійському, російському, португальському і арабському язиках. По оцінкам, коло половини нині існуючих язиків вийде з вживання вже к середині ХХІ століття. Багато язиків зчезне із-за того, що їх носителі вступають ў контакт з більш сильною язиковою середою, тому під загрозою знищення ў першу черегу знаходяться язики малих народностей і язики народів, не маючих государственості. Якщо язик вивчають менше 70% дітей, то він вважається зникаючим.

⁵ Некоторые исследователи, однако, наряду с украинско-русским суржи́ком склонны выделять еще и русско-украинский его вариант. Подробнее об этом см.: Окара А. Полтавський «суржик» та духовне плебейство // Слово і час. 2000. № 12. С. 52–56, а также: Flier M.S. Surzhyk: The Rules of Engagement // Harvard Ukrainian Studies. 1998. Vol. XXII. Cultures and Nations of Central and Eastern Europe. Cambridge, 2000. P. 113–129.

Графика

С точки зрения графического оформления слов интернетовский суржик в полной мере использует возможности графики украинского языка, а также привлекает еще несколько букв, не характерных для украинской письменности. К ним относятся буква русского алфавита *ѐ* (*всёго*, ср. укр. *всього* и рус. *всего*, *сформулёваний*, ср. укр. *сформульованих*, *определёних*) и знак, взятый в качестве буквы из фонетической транскрипции и принятый в украинской фонетике для обозначения вариации фонемы *в*, *у* *неслоговое* (*ў*). В рассматриваемых текстах *у* *неслоговое* регулярно используется на месте буквы *в* в соответствии с особенностями украинской орфоэпии, т.е. в слабой позиции: после гласного перед согласными (*язикознаўство*), в начале слова перед согласным (*ўже*), в конце слова (*язикиў*, *асигнуваў*, ср. укр. *язиків* [йязикиї], *асигнував* [асигнуваї]), т.е. в тех позициях, в которых в фонетической транскрипции фонема <в> обозначается этим знаком.

Для рассматриваемых текстов также характерно использование буквы *г* для обозначения взрывного звонкого заднеязычного согласного. Это относится как к словам, где в украинском языке должен быть фарингальный *г*: *у регіонах*, *город*, так и к лексемам, в которых, согласно правилам украинской орфографии, должно писаться *г* взрывное: *обґрунтованість*.

Для обозначения твердости согласных перед губными, которые в украинском языке перед йотированными гласными не смягчаются, в анализируемых текстах используются два способа – апостроф (как и положено в литературном украинском языке) и сочетание гласного с *й*, например: *об'єктивне (право)*, (*язик*) *слов'ян, общеоб'язательних (правил)*; *звіязують (береги)*, *пам'ятний, об'єктивність* и т.д.

Для графики текстов на суржике характерно смещение украинской буквы *і* и русской *и*, которые обозначают, по всей вероятности, один и тот же звук и параллельно встречаются в текстах при написании лексем, заимствованных в суржик из русского языка, и союза *и*. В украинском языке буква *и* означает звук более заднего ряда, нежели звук, обозначаемый буквой *і* (т.е. эти два звука противопоставлены друг другу примерно так же, как русские *ы* – *и*). Наличие подобного смещения усложняет фонетический анализ суржика, поскольку ставит под сомнение качество согласных (их мягкость или твердость), стоящих перед буквами *и* и *і*. Так, к примеру, в одной статье могут соседствовать друг с другом такие слова: *об'єктивне і суб'єктивне (право)*.

Фонетика

Вокализм. Заметим, что по письменным источникам вообще сложно судить о звуковых особенностях какого-либо языка, даже

если его письмо основано на фонетическом принципе, как в случае с украинским языком. Фонетическая система суржика в целом ближе к украинской, чем к русской, что уже было отчасти продемонстрировано на примерах графического отображения некоторых звуков.

Отличительной чертой фонетики украинского языка является отсутствие редукции гласных в безударных слогах. По нашим текстам сложно определить, соответствует ли суржик в данном случае своему языку-основе или в нем проявляются такие особенности русской орфоэпии, как, например, аканье. Анализ статей «Википедии» показал, что в основном суржиковые лексемы, будь они украинского или русского происхождения, не отражают редукции безударного гласного *о*: *козаки, розвлечніс, розвить, розповсюджений, розлічні, заголовна (буква)* и др. Иными словами, независимо от того, является ли слово украинским (*козак, розповсюджений*) или русским (*розвлеченіє* – ср. рус. развлечение, *розвить* – ср. рус. развить, *розлічні* – ср. рус. различные, *заголовний* – ср. рус. заглавный) по происхождению, оформлено оно будет скорее всего в соответствии с орфоэпическими нормами украинского языка. Однако это не отменяет возможности написания заимствованных из русского языка слов в соответствии с русской графикой: *раздел (семіотики), розговарює* и др., но их количество значительно уступает лексемам, описанным выше. В статьях энциклопедии также находит свое отражение такое фонетическое явление, несвойственное украинскому языку, но характерное для русского, как иканье. Стоит отметить, что это явление прослеживается лишь в лексемах, заимствованных из русского языка, например, *ізмірня* (ср. рус. измерение [изм'ир'ён'иѝ]), *всімїрна, потрібностей, насїлініє* и т.д.

Консонантизм. Что же касается качества согласных в суржике анализируемых текстов, то тут очень сложно найти какую-либо закономерность в обозначении их твердости и мягкости. В украинской системе консонантизма имеются некоторые особенности, существенно отличающие его от соответствующей системы в русском языке. Так, к примеру, для украинской орфоэпической нормы характерна твердость согласных *ч* и *р*. В текстах мы обнаруживаем как твердую реализацию этих звуков, так и мягкую, согласно норме русского языка (что отражено графически): *ізучніє, розвлеченїя, ізлучяю, морє* наряду с *ізучає, Чорноє, результат*. Однако мягкая реализация этих звуков (осуществляемая в большинстве случаев перед гласным переднего ряда [e]) проявляется намного реже, чем твердая, и в основном касается лексем, заимствованных из русского языка.

Следует сказать несколько слов о качестве губных согласных в интернетовском суржике. В украинском языке эти согласные перед йотированными *є, ї, я, ю* сохраняют твердость. Учитывая это, надо отметить, что и в рассматриваемых суржиковых текстах прослежи-

вастью тенденция к соблюдению правил произношения языка-основы. Несмотря на то что в статьях встречаются отдельные слова, где твердость губных перед гласными никак не обозначена, их процент ничтожно мал по сравнению с количеством лексем, где это качество согласных отображено с помощью различных графических средств. Следует отметить, что качество губных в словах не зависит от того, из какого языка заимствована конкретная лексема: *Диспропетровськ* [ди'епроп'етровс'к] (ср. укр. *Дніпропетровськ*), *советський*, *пять* – *об'єктивний*, *об'єктів*, *пов'язано*, *об'язательно*, *слов'ян*, *пам'ятний*, *комп'ютерний* и т.д. Но можно предположить, что в собственно украинских лексемах (не имеющих общего с русским языком корня) твердость губных согласных будет сохраняться.

Анализ фонетических особенностей текстов привел нас к выводу о значительной вариативности в фонетическом строе суржика, выражающейся в графической непоследовательности отображения произношения одних и тех же лексем.

Лексика

Интересен лексический состав представленного в анализируемых статьях материала. Как уже было отмечено выше, основой суржика является украинский язык, поэтому неудивительно, что большая часть лексики взята именно оттуда. Русские слова, употребляемые в текстах, нередко дублируют синонимичные украинские лексемы, за счет чего словарный фонд суржика значительно расширяется по сравнению с литературным вариантом украинского языка. Так, к примеру, глагол *изучать* (укр. *вивчати*) в форме 3-го л. ед. ч. представлен в трех вариантах: *виўчає/ізучає/ізучас*, существительное *языкознание* (укр. *мовознавство*) кроме интернационализма *лінгвістика* представлено еще двумя лексемами – *язикознаўство*, *язикознання*. Вариативность в суржике встречается и в незначительных частях речи, таких, как предлоги и союзы. Например, в текстах одинаково часто употребляются украинские предлоги *з/зі* и русский предлог *с* (*пишеться з заголовної букви*, *борьба зі стресом*, *контакт с більш сильною середою*, *с яким-небудь явліннем*), нередко вместо украинского союза *і* встречается тот же союз, но только в русскоязычном написании – *и* (*общес и частнос*).

Как правило, в рассматриваемых текстах содержится большое количество лексем, принадлежность которых к конкретному языку, украинскому или русскому, установить не представляется возможным. Однако, проанализировав словарный состав «Википедии», мы пришли к выводу, что входящие в него слова можно разделить на три группы. Первую группу составляют лексические единицы, принадлежность к русскому языку которых очевидна, – обычно они

воспроизводятся в текстах в том же виде или звучании, в котором они функционируют в исходном языке: *крепость, закономерности, определяющих (правил), события, звезда, искусство, измерения* и др. Вторая группа представлена собственно украинскими лексемами: *людина, якщо, наприклад, у першу чергу, мережа, забезпечувати, перешикодити, сучасники, мистецтво, поліпшення, відкриття* и т.д. Но такие прямые «заимствования» теряются среди большого количества лексем, составленных из морфем украинского и русского языков. Такого рода «компилятивные» слова и составляют третью группу: *мисленіє* (ср. укр. *мислення*, рус. *мышление*), *оснування* (ср. укр. *заснування*, рус. *основание*), *іспользування* (ср. укр. *використовування*, рус. *использование*), *інформаційне* пространство (ср. *інформаційне*, рус. *информационное*), *різновидність* (ср. укр. *різновид*, рус. *разновидность*), *розвлеченіє* (ср. укр. *розвага*, рус. *развлечение*), *редактувати* (ср. укр. *редакувати*, рус. *редактировать*), *сотрудництво* (ср. укр. *співробітництво*, рус. *сотрудничество*).

Какую-то определенную закономерность в распределении аффиксов различного происхождения установить не удалось. Возьмем, к примеру, образование абстрактных существительных среднего рода. Вне зависимости от языкового происхождения основы лексемы к ней могут быть присоединены как суффиксы, присущие подобным формам как в украинском языке *-ання/-ення*: *походження, перенаймування, іспользування, оснування, іспльдування*; так и в русском *-аніє/-еніє*: *розположеніє, розвлеченіє, знанія, використаніє, созданіє* и проч. Более предсказуемым является оформление абстрактных существительных, заимствованных из русского языка. Все они в суржике получают украинскую огласовку суффикса *-ість*, чередуясь с *-ость* при склонении (*об'єктивність, доказуємість, народність – народностей, державності*).

При образовании прилагательных наблюдается непоследовательность в распределении аффиксов: украинские лексемы этой части речи могут быть написаны как с присущим русскому языку суффиксом *-енн-*, так и с суффиксом *-ен-* украинских прилагательных: (*на*) *розповсюдженних (языках), об'єднаний*. Точно так же заимствования из русского языка могут быть оформлены с использованием графических средств украинского языка: с одной стороны, *естественний (язык), істинних знань*, с другой – *общественна (наука), определяюнні (дії)* и др.

Сложность анализа лексического состава суржика связана с особенностью этого языкового уровня, который всегда открыт для проникновения новых единиц. Процесс заимствования невозможно постоянно контролировать, особенно когда речь идет об интерференции двух близкородственных языков. К тому же кроме собственно лексем в суржик часто проникают и русские аффиксы, причем, так

же как и слова, аффиксальные морфемы могут функционировать в суржиковой речи в том виде, в котором они употребляются в русском языке, или оформляться в соответствии с особенностями украинской графики.

Морфология

Отличий от литературного украинского языка в грамматике письменного суржика обнаруживается не так много. В основном грамматические формы соответствуют нормам языка-основы, а формы, отвечающие нормам русского языка, являются скорее исключением. Единственное, что выделяется на общем фоне, – это форма инфинитива. Наряду с украинским окончанием *-ти* в суржике параллельно используется *-ть*, свойственное русским инфинитивам: *може допомогти, прогнозувати, існувати – може бути* (укр. *може бути*), *помагає розвинути, розширити* и т.п. В остальном же в глагольной системе суржика практически не обнаружено отклонений от норм украинского языка, все глаголы, заимствованные из русского или собственно украинские, оформляются в соответствии с нормой литературного языка.

В склонении существительных также не замечено значительных отклонений от норм украинского языка, они встречаются в единичных случаях, например, при образовании форм им. пад. мн. ч. (*язики* вм. *язики* – под влиянием русской произносительной нормы) или форм предл. пад. ед. ч. (*на Востоке, на Юге* вм. укр. *на Сході, на Півдні*). К тому же, согласно норме украинского языка, в существительных м. р. на заднеязычный согласный в этой падежной форме должно было бы произойти чередование – **на Востоці, *на Юзі*.

Некоторые отступления от литературных норм украинского языка наблюдаются в формах имен прилагательных. Так, к примеру, не всегда прилагательные имеют стяженные формы окончаний, как это характерно для украинского языка. Наряду с собственно украинскими флексиями (*інформаційне пространство, різні розділи*) встречаются и нестяженные формы, типичные для русского языка (*отдельные языки, общее и частное языкознаўство, Чорное море*). Как видно из примеров, это относится в основном к прилагательным среднего рода им. п. ед. ч. и формам мн. ч. Что же касается лексем женского рода, то в суржиковых текстах не было отмечено ни одного примера с характерным для русского языка окончанием *-ая/-яя*.

Основной причиной активного интерференционного процесса на данном языковом уровне является близость языковых систем. Несмотря на то что в украинском и русском языках имеются общие грамматические категории и сходные средства выражения грамматических значений, в некоторых грамматических формах этих языков

имеются существенные отличия. Именно в этих областях и наблюдается активное взаимодействие языковых систем, которое приводит в суржике, в частности, к чередованию флексий.

Синтаксис

В связи с типологической близостью украинского и русского языков большинство синтаксических конструкций глагольного, предложного и именного управления являются общими для обоих языков. Но существуют и значительные отличия, которые сразу бросаются в глаза при анализе текстов.

Очевидно, что синтаксис письменного языка во многом отличается от устной речи. Письменный вариант суржика интернет-энциклопедии не является исключением, чем и объясняются некоторые черты, описанные ниже. Например, в письменной форме украинского языка, в отличие от русского, редко употребляются причастия и обороты с ними, однако в письменном варианте суржика причастные обороты встречаются так же часто, как и в русском языке: *гумор – різноманітність розвеченія і одна з форм людського общенія, доставляюча радість і визиваюча потребу сміятися; язики народів, не маючих державности*. В литературном украинском языке эти обороты были бы заменены сложноподчиненным предложением с союзным словом *який/яка/яке*.

Характерной чертой данного источника, так же как и в устном суржике, является параллельное использование украинских и русских предлогов. Следует отметить, что большую часть предлогов составляют русскоязычные варианты: *благодаря виступленню* (укр. завдяки), *со звуковим супроводженьем* (укр. із/зі звуковим...), *посредством дії актора* (укр. за допомогою), *любовь к мудрості* (укр. любов до мудрості), *к середині XXI столеття* (укр. до середини), *вплоть до Всесвіту* (укр. аж до Всесвіту/включаючи Всесвіт), *счезне із-за того* (укр. зникне через те).

Однако наряду с заимствованными из русского языка предлогами в суржике энциклопедии сохраняется большое количество предложных конструкций, характерных только для украинского языка: *за переказом, за наказом, за ініціативою, на адресу, перейменовано на село*, ср. рус. *по преданию, по приказу, по инициативе, в адрес, переименованный в село*.

Влияние русского языка сказывается также на некоторых предложных конструкциях и на падежном управлении: *по оцінкам* (ср. укр. *по оцінках* – П.п.), *процес по полученію нового знанія* (ср. укр. *процес з одержання*). Следует, однако, заметить, что такие неправильные с точки зрения нормы украинского языка конструкции характерны и для разговорной формы украинского языка.

Таким образом, получается, что на уровне синтаксиса суржик анализируемого источника оказывается ближе к русскому языку, чем к украинскому: он сохраняет общие для обоих языков модели и избегает специфических украинских конструкций. Данная черта характерна и для других языковых уровней, в которых наблюдается активный процесс интерференции, однако это лучше всего заметно при анализе устной суржиковой речи. К сожалению, письменный вариант этого языкового феномена не даст нам полной картины.

Заключение

Выше мы попытались охарактеризовать некоторые специфические черты суржика, сочетающего элементы украинской и русской языковых систем, на примере интернет-энциклопедии «Википедия». Мы не стремились описать каждую словоформу и лексему, поэтому отобрали только те из них, которые в первую очередь обращают на себя внимание в связи с их частотностью.

Очевидно, что несколько страниц текста, написанного на суржике анонимными авторами, не могут дать исчерпывающих ответов на вопросы, интересующие исследователей этого явления. Оказалось, что в этой языковой игре нет единых правил, у каждого автора они свои, отсюда и такое разнообразие форм и образований, рассмотренных в данной статье. Попытка найти закономерности и упорядоченность в грамматике, фонетике, словообразовании и синтаксисе суржика еще раз приводит нас к выводу о хаотичности и бессистемности этого языкового образования.

Как и просторечию, суржику свойственна вариативность языковых единиц, которая не знает нормативных ограничений и может проявляться как в текстах, имеющих, по всей видимости, разных авторов, так и в рамках одной энциклопедической статьи. Как и жаргон, выполняющий в рамках литературного языка объединяющую функцию, суржик в «Википедии» является таким же консолидирующим фактором: он связывает определенную группу людей, которая решила создать этот вариант энциклопедии. Это обстоятельство, несомненно, роднит суржик с жаргоном: в нем имеется установка на корпоративность, на самоидентификацию, противопоставление себя другим членам общества. Однако нельзя забывать, что социолекты, в отличие от суржика, возникают в рамках одного языка и не имеют собственной фонетической и грамматической системы, фонетика и грамматика у них базируются на литературных нормах.

По нашему мнению, сравнение суржика с просторечием имеет под собой больше оснований, чем отнесение его к жаргону. Основным критерием, лежащим в основе противопоставления просторечия литературным формам языка, является культурный и образователь-

ный уровень их носителей. Суржигом, так же как и просторечием, пользуются малообразованные слои населения, имеющие неполное представление о кодифицированных нормах родного для них языка. К тому же как суржику, так и просторечию свойственны такие черты, как отсутствие норм, непрестижность, стихийность функционирования. Носителям просторечия характерен «монолингвизм», т.е. неспособность переключаться на другие языковые коды в зависимости от ситуации, цели и адресата⁶. Та же черта свойственна и речи суржикоязычного населения Украины. Недостаточное знание норм обоих контактирующих языков не дает возможности носителям суржика свободно переключаться (в зависимости от коммуникативных целей) ни на русский, ни на украинский литературный язык. Следовательно, суржик, как и просторечие, в отличие от социального жаргона, имеет более широкую сферу употребления.

Таким образом, следует признать, что языковая неупорядоченность, нестабильность, вариативность, явная нелитературность, а также ряд других черт, рассмотренных выше, свидетельствуют в пользу того, что *суржик является особой формой украинского просторечия*.

Список литературы

- Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
- Кузнецова Т.* Соціолінгвістична сутність суржику // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Зб. наукових праць. Вип. 4 Українське і слов'янське мовознавство. Ужгород, 2001.
- Масенко Л.* Мова і політика. Київ, 1999.
- Окара А.* Полтавський “суржик” та духовне плебейство // Слово і час. 2000. № 12.
- Flier M.S.* Surzhyk: The Rules of Engagement // Harvard Ukrainian Studies. 1998. Vol. XXII. Cultures and Nations of Central and Eastern Europe. Cambridge, 2000.

Сведения об авторе: *Курохтина Татьяна Николаевна*, выпускница аспирантуры филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: k_tania@mail.ru

⁶ См.: *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 350.

А.Е. Кузнецов

ФОНЕТИЧЕСКИЙ И МЕТРИЧЕСКИЙ ИКТ У РИМСКИХ ГРАММАТИКОВ

В статье рассматриваются контексты римских грамматиков, в которых лексемы со значением 'удар' (*icere, ictus, ferire, percutere*) используются для описания или фонетики вообще, или декламации стихов. Признано, что *ictus* грамматиков был 'внешним', или 'музыкальным' ударом, отбивающим ритм стиха. Доказывается, что грамматики знали *ictus* как внутренние фонетические сигналы, выявляющие метрическую структуру. Во-первых, *ictus* означает работу голоса, сопровождающую произношение как гласных, так и согласных звуков. Во-вторых, *ictus* образует слог. Третий вид есть внешний ритмический удар. В диподических метрах (ямбический триметр) внешний икт отмечает диподии и выражается как 'ударом', так и некоторой паузой (*mora*). Наконец, мы устанавливаем *ictus* четвертого вида, который выделял стопы, а не диподии и выражался фонетическими средствами. Основные источники, рассматриваемые в статье: Гораций *Ars Poet.* 251–274, Марий Викторин (VI 32), Терентийан Мавр (2181–2263), Руфин (VI 555).

Ключевые слова: икт, *mora*, римские грамматики, Терентийан (Теренциан) Мавр.

The paper deals with the contexts in which the Roman grammarians use lexemes meaning 'beating' (*icere, ictus, ferire, percutere*) to describe some phonetic features or the rules of poetic declamation. I prove that the Roman grammarians did recognize in some metrical structures not only the 'external' or 'musical' *ictus* but also a stress-like internal mark which was called *ictus*. At first, *ictus* means a phonic impact which forms all sounds of speech (vowels and stops), so the rule 'one sound – one *ictus*' can be established. Other kind of *ictus* is an intension of voice forming a syllable (one syllable – one *ictus*). In poetry the *ictus* describing an external beating is well attested since Horace. In dipodic structures like the iambic trimeter this *ictus* demarcates dipodies (one dipody – one *ictus*). This rhythmical beating was supported by a pause (*mora*) which divided dipodies. However, an *ictus* associated with single metrical foot is clearly attested by our sources (one foot – one *ictus*). The *ictus* of this kind could not have been an external one and it was expressed by purely phonetic means. The principal sources discussed are: Horace *Ars Poet.* 251–274, Marius Victorinus (VI 32), Terentianus Maurus (2181–2263), Rufinus (VI 555).

Key words: *ictus*, *mora*, roman grammarians, Terentianus Maurus.

Понятие «икт» (*ictus*), введенное в науку Нового времени Ричардом Бентли (1726), предполагает, что метрические структуры латинского и древнегреческого стиха поддерживались не только чередованием двумерных (долгих, или тяжелых) и одномерных (кратких, или легких) слогов, но и некоторым слышимым выделением сильных

позиций стиха. Природа икта, который часто называют *метрическим ударением*, и его отношение к собственно ударению были темой длительных споров; их результатом стало скептическое отношение большинства современных исследователей к самой идее икта¹. Если само существование икта Бентли–Германна казалось сомнительным, то неудивительно, что в тень ушел основной постулат *акцентно-иктовой* теории, согласно которому икт и латинское ударение были близки фонетически².

Как известно, основоположники иктовой теории исходили из чисто умозрительных соображений, и дальнейшая полемика показала, что никаких внятных свидетельств в пользу существования метрического ударения древние авторы не предоставляют.

В настоящей статье содержится обзор тех контекстов, в которых лат. *īcere ударять*, *ictus удар*, а также близкие по значению глаголы *ferre*, *percute* и их производные связаны или с чтением стихов, или вообще с фонетикой. Я попытаюсь показать, что фонетическое выделение определенных мест стиха было принято в школьной декламации, вероятно, начиная со II в. н.э., однако это выделение (если оно было) существенно отличалось от гипотетического икта Бентли–Германна.

Основными источниками по проблеме икта являются следующие грамматические сочинения³:

– «*Liber de metrīs*»: широко распространенный на исходе Античности компендий был известен, вероятно, на рубеже II–III вв. Авторство приписывается Цезию Бассу (*Caesius Bassus*), поэту эпохи Нерона, но существующий текст если и восходит к Цезию Бассу, то представляет собой позднейшую редакцию. Полностью текст не

¹ См.: Кузнецов А.Е. Латинская метрика. Тула, 2006. С. 176–188 (включая изложение теорий Бентли и Германна). Терминологическое употребление слова «икт» довольно запутанно. Необходимо различать икт как понятие акцентно-иктовой теории, расцвет которой пришелся на первые два десятилетия XX в. (икт Бентли–Германна), и термин современного стиховедения. Положение усложняется тем, что В.А. Дыбо ввел термин «*иктус*» в праславянскую акцентологию. В современных изложениях метрики икт (метрическое ударение) рассматривается как условный прием декламации (*Questa C. La metrica di Plauto e Terentio. Urbino, 2007. P. 11–14*). Наиболее полные обзоры литературы по проблеме икта–ударения в латинской поэзии содержится в (*Ceccarelli L. Prosodia e Metrica Latina Arcaica 1956–1990 // Lustrum, 1991. Bd. 33. P. 238–258*) и (*Barchiesi M. Nevio Poeta... Padova, 1962. P. 294–310*). Из старых работ наибольший интерес представляет для нашей темы (*Shipley F.W. Problems of Latin Hexameter // Transactions and Proceedings of American Philological Association. 1938. Vol. 69. P. 134–160*): статья содержит анализ грамматических источников (против иктовой теории).

² Акцентно-иктовая теория сложилась уже после Германна (см.: Кузнецов А.Е. Латинская метрика. С. 184–188); как на одно из более ясных ее изложений можно указать на статью Стертеванта (*Sturtevant E.H. The Ictus of Classical Verse // The American Journal of Philology. 1923. Vol. 44. P. 319–338*).

³ Для всех грамматиков: *Grammatici Latini ex recensione H. Keilii. Vol. 1–7 (= GLK). Lipsiae, 1855–1880.*

сохранился, обсуждаемый далее в § 6 фрагмент цитируется грамматиком Руфином (V в. н.э.)⁴;

– Юба (II в. н.э. ?): важнейший латинский трактат по метрике сохранился в незначительных фрагментах; упоминаемый в § 6 отрывок цитируется Присцианом (VI в. н.э.)⁵;

– Терентиан Мавр (II–III в. н.э. ?): три дидактические поэмы – «*Dē litterīs*», «*Dē syllabīs*», «*Dē Metrīs*»⁶;

– Марий Викторин (IV в. н.э.): сохранилось посвященное фонетике начало его большой латинской грамматики⁷;

– Диомед (IV в. н.э. ?): «*Ars grammatica*»⁸.

1. Музыкальный, или внешний (механический) *ictus*. Бенгли разъяснял понятие икта следующим образом: флейтист, игравший на театральных представлениях, отбивал ритм, притопывая ногой⁹, в этих же местах актер повышал и усиливал голос. Слово *ictus*, обозначающее ритмические удары, хорошо засвидетельствовано, например, у Плиния (*Nat. Hist.* II 209): *in symphōniae cantū ad ictūs modulantium pedum moventur – в созвучном пении (исполнители пляски) движутся, сообразуясь с ритмическими ударами ног*¹⁰. Квинтилиан (IX 4, 49) говорит о ритмических ударах ‘пальца или ноги’. Примечательно то, что (вопреки Бенгли) музыкальные инструменты никогда не упоминаются как сила, создающая икт.

Слово *percussio* устойчиво ассоциируется с ритмическими ударами, поэтому будет удобно вместо выражения *музыкальный икт* название *перкуссия*¹¹. Это позволит избежать двусмысленности,

⁴ Rufini Antiochensis Commentaria in metra Terentiana et de compositione et de numeris oratorum / Ed. critica a cura di P. d'Alessandro. Hildesheim, 2004 (Bibliotheca Weidmaniana. Collectanea Grammatica Latina; 3). Фрагменты Псевдо-Бассы: Grammaticae Romanae Fragmenta Aetatis Caesariae / Collegit recensuit A. Mazzarino. Augustae Taurinorum, 1955. P. 124–155.

⁵ Prisciani Caesariensis Opuscula / Ed. critica a cura di M. Passalacqua. Vol. 1. Roma, 1987; Iuba Maurusii de Re metrica scriptoris Latini reliquiae / Ed. V. Ten Brink. Ultraeadi ad Rhenum, 1854; *Wentzel H. De Iuba metrico*. Oppeln, 1881.

⁶ *Terentiani Mauri. De Litteris, De Syllabis, De Metris* a cura di C. Cignolo. Hildesheim, 2002. 2 vol. (Bibliotheca Weidmaniana. Collectanea Grammatica Latina; 2). Комментарий Чиньоло, очень неровный по объему и качеству, не дает релевантных разъяснений к интересующим нас текстам.

⁷ *Marii Victorini Ars grammatica. Introduzione, testo critico e commento* a cura di I. Mariotti. Firenze, 1967.

⁸ См.: *Мажуга В.И.* Когда жил и творил грамматик Диомед? // *Hypereborus*. 1998. Vol. 4, fasc. 1. С. 139–165.

⁹ Идея, основанная на ошибочной древней этимологии музыкального и метрического термина *πούς* ~ *pēs*: например, *pes vocatur... quia in percussione metrica pedis pulsus ponitur tolliturque – стопа называется так ... по той причине, что при метрической перкуссии нога с нажимом опускается и поднимается* (VI 44, 4 GLK).

¹⁰ *Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. VII. 1. P. 165, 23: рубрика ‘*speciatim in re metrica de feriendis metris*’.

¹¹ Засвидетельствовано начиная с Цицерона: *De Orat.* III 185–186: *Pighi G.B.* “Impressio” e “percussio” in Cic., “De orat.” 3.185–186 // *L’antiquité Classique*. 1959. Vol. 28. P. 214–222 (перепечатано в: *Pighi G.B.* *Studi di metrica e ritmica*. Torino, 1970).

связанной с терминологическим использованием многозначного слова *икт*.

Споры вокруг акцентно-иктовой теории заставляли ее сторонников толковать все связанные с метрикой упоминания об ударах как свидетельства в пользу икта Бентли–Германна. Противники вынуждены были доказывать, что все возможные упоминания об икте подразумевают перкуссию. Однако мы увидим, что для ритмообразующих ударов, о которых свидетельствуют римские грамматики, перкуссия далеко не всегда оказывается лучшим реальным истолкованием.

2. Фонетический *ictus*. Марий Викторин пишет об ‘ударе голоса’, формирующем звуки речи: *in ore nostrō variō quōdam vōcis ictū nīsūque formātur* – (звук), который в наших устах формируется различным ударом и напряжением голоса (VI 32, 20 GLK; близкий текст: Terentianus Maurus vv. 108–110; 261). Фонетический *ictus* упоминается при описании как гласных, так и согласных звуков: I (Terentian. 119), P (VI 33, 20 GLK), R (VI 34, 15 GLK; Terentian. 238), S (Terentian. 241). Такое применение слова *ictus* мотивировано общей идеей ‘звук есть удар воздуха’; так, у грамматиков находим восходящее к стоику Диогену Вавилонскому определение: *vōx est aēr ictus sēnsibilis audītū* – *голос есть ударяемый воздух, ощущаемый слухом*¹². В интересующем нас тексте Мария Викторина *ictus vōcis* имеет более узкий смысл и указывает на специфическую работу речевого аппарата. На это прямо указывает сам грамматик: *nōn solum autem vōx sonusque ictō aēre, ut audīmus, exprimitur, sed et omne corpus verberātum et impulsū sonum cōnfūsae vōcis dabit, et quidem varium ac multiplicem prō quālītate plagārum* – *когда мы слышим, не только звук голоса формируется ударяемым воздухом, но и все тело [scl. органы речи], подвергаясь ударам, издаст звук слитного [scl. воспринимаемого как единое акустическое впечатление] голоса, звук, разнообразный в соответствии с качеством биений* (VI 32, 21 GLK, непосредственное продолжение цитированного выше текста)¹³.

3. Силлабический *ictus* в стопе. Терентин Мавр и Диомед (I 475, 3 GLK), который дает сокращенное изложение Терентияна, объясняют, почему стопа не может быть образована одним слогом.

¹² Donatus IV 337, 5 GLK; ср. Marius Victorinus VI 4, 13; Diogenes Babylonius fr. III 17–19 SVF. Известны отражения этой идеи в римской поэзии, например: *Ovid. Met.* III 706 (*Thesaurus Linguae Latinae. Vol. VII. 1. P. 160, 38. Ictus vocis* имеет точное соответствие в *ἡ κρούσις τοῦ πνεύματος* (*Dionys. Halicarnass. De Comp. XIV: o* произношении звука I).

¹³ В переводе невозможно отразить разнообразие слов, обозначающих удар. Под влиянием риторического принципа разнообразия (*varietas*) грамматик старается называть одну вещь разными словами, такая же картина наблюдается в цитируемом ниже отрывке из «*Liber de Metris*». По всей видимости, понятие удара, сопровождающего декламацию стихов, никогда не было оформлено терминологически.

- Терентиан Мавр:
 1340 Ergō cum duās vidēbis esse iunctās syllabās,
 effīcī pedem necesse est, sint brevēs ambae licet:
 ūna longa nōn valēbit ēdere ex sēsē pedem,
ictibus quia fit duōbus, nōn gemellō tempore.
 brevis utrimque sit licēbit, bis *ferīre* convenit:
 1345 parte nam attollit sonōrem, parte reliqua dēprimit
 (ἄρσιv hanc Graecī vocārunt, alteram contrā θέσιv):
 1347 ūna portō bis *ferīri* quandō poterit syllaba?
Стало быть, когда ты увидишь, что два слога соединены, | необходимо, что получается стопа, даже тогда, когда оба слога краткие. | Один долгий слог не способен сделать стопу, по той причине, что стопу образуют два удара, а не удвоенная мора. | Пусть стопа краткая в обеих частях, – можно ударять дважды: | в одной части она возвышает звук, а в другой понижает | (греки назвали одно ἄρσις, а другое, напротив, θέσις). | Но как возможно дважды ударить один слог?

Трудность, которую хочет преодолеть грамматик, заключается в следующем. По определению стопа состоит из повышения (арсис) и понижения (тесис) звука. Арсис и тесис могут занимать каждый одну мору, что имеет место в пиррихической стопе. Почему же две моры, составляющие один двуморный слог, не могут быть носителями арсиса и тесиса?

При отсутствии параллельных свидетельств рассуждения Терентиана Мавра остаются во многом загадочными¹⁴. Неясно точное отношение удара как к арсису ~ тесису, так и к слогу. Если двусложная стопа имеет удар в арсисе и удар в тесисе, то означает ли это, что удары различаются фонетически или противопоставление арсиса ~ тесиса поддерживается какими-то иными средствами, а сами удары одинаковы? Однако здесь есть третья (наиболее вероятная) возможность: арсис и тесис были для Терентиана Мавра умозрительными категориями, не имевшими реального содержания, и различие иктов в первой и второй половине стопы (если таковое было) не зависело от арсисов и тесисов.

Грамматик утверждает, что в одном слоге не может быть двух ударов. Однако арсис (тесис) может занимать два слога. Размещение ударов в этом случае должно следовать одному из двух правил: один слог – один удар, следовательно, два удара делаются в двусложном арсисе (тесисе) или же один арсис (тесис) – один удар, который покрывал бы двусложный арсис (тесис).

¹⁴ То, что стопа содержит на менее двух слогов, является общепринятым учением древних, но, насколько нам известно, никто не дает объяснений этому ограничению, которое обычно вложено в дефиницию 'стопы состоят из слогов' (Гефестион и схолии: 10; 211; 294 Consbruch).

Несмотря на неясности деталей, понятно, что силлабический икт не имеет отношения ни к ударению, ни к перкуссии¹⁵. Речь идет о каком-то фонетическом эффекте, однако силлабический икт не может быть прямо отождествлен с фонетическим: очевидно, что в одном слоге должно быть столько же фонетических иктов, сколько отдельных звуков.

4. Ictus в ямбическом триметре. Мы располагаем двумя текстами (Гораций Ars 251–274; Терентий Мавр 2181–2263), которые восходят к первоисточнику, излагавшему одну из версий *изобретения и совершенствования* ямбического стиха¹⁶: первоначальной формой был стих из шести ямбических стоп; энергичный ритм чистого шестистопного ямба хорошо подходил для выражения злобной брани (Ars 79); стремительность ритма стопы стала причиной того, что ямбические стопы соединились попарно в диподии, в силу этого шестистопный стих превратился в ‘трехмерный’ триметр; в дальнейшем¹⁷ с тем, чтобы сделать стих более устойчивым, поэты стали подмешивать к быстрым ямбам тяжеловесные спондеи, но спондей допустим только как первая стопа диподии; это *правило четных стоп* есть необходимое требование искусства, хотя старые римские драматурги его не соблюдают. Влиянием этой теории объясняется появление в республиканской поэзии стихотворений, целиком написанных чистым ямбическим триметром. Таковые известны, начиная с Катутла (4; 29), следовательно, теория чистого ямба была влиятельна за поколение до Горация¹⁸.

Гораций Ars:

- 251 syllaba longa brevī subiecta vocātur iambus,
pēs citus: unde etiam trimetrīs adcrēscere iussit
nōmen iambeīs¹⁹, cum sēnōs redderet ictūs,
254 prīmus ad extrēmum similis sibi...

¹⁵ Чиньоло (ad loc.) напрасно утверждает, что выбор между двумя этими решениями труден, – оба абсурдны. Постановка двух ударений или двух перкуссий в одной стопе одинаково бессмысленна. Перкуссия есть отбивание ритма, но ритма не получится, если удар сопровождает каждый элемент стиха. Сходство с силлабическим иктом можно усмотреть в выражении *impressiones* ‘вдавленности’ Цицерона (De Orat. III 185); об этом месте Цицерона: Pighi G.B. “Impressio” e “percussio”... // Pighi G.B. Studi di metrica e ritmica. Torino, 1970. P. 72–73.

¹⁶ Горацию известен Архилох как изобретатель ямба (Ars 79). О других теориях изобретения ямбической стопы или ямбического триметра см.: Кузнецов А.Е. Латинская метрика. С. 329–333.

¹⁷ У Горация *non ita pridem* ‘не так давно’ (Ars 254); мы должны согласиться с Бринком (Brink O. *Horace on Poetry: The ‘Ars Poetica’*. Cambridge, 1971. P. 299) в том, что текст Горация в этом месте испорчен, по смыслу должно быть ‘вскоре’, как у Терентия Мавра v. 2196: *nam mox poetae, ne nimis secer brevis...*

¹⁸ Чистым ямбом написаны ямбические строки XVI эпода Горация, к эпохе Августа могут относиться и поэмы Appendix Vergiliana (Catalept. 6, 10, 12), также написанные чистым ямбическим триметром.

¹⁹ Iambus изображен у Горация как *pater familias*, который распоряжается подвластными ему стихами; *adcrēscere* следует понимать буквально: простое имя ‘яmb’ *расширилось* до ‘ямбического триметра’; *redderet*: ямбический стих *отдает* шесть ударов, но получает название *три-*метра.

Долгий слог, который поставлен следом за кратким, называется ямбом. | Ямб – быстрая стопа, поэтому он распорядился, чтобы (его) наименование прирастало | (названием) ‘ямбический триметр’, хотя он отдавал по шесть ударов, (оставаясь) от первого (элемента) до последнего подобным себе...

Если сам по себе этот текст понятен (по меркам *Ars Poetica*), то его точная метрическая интерпретация очень трудна. Гораций утверждает, что шестистопный ямбический стих называется триметром, хотя имеет шесть ударов. Поскольку далее (255–258) излагается правило четных стоп, то можно подумать, что термин *триметр* отражает исключительно структурное правило, регулирующее введение спондеев в ямбический стих. Получается, что ритмическими ударами поддерживается не деление на диподии, а деление на стопы. Однако в другом месте поэт говорит, что ямбический триметр читается с тремя ударами: *pede ter percussō* (*Sat. I 10, 43*). Тексты Горация не позволяют устранить это противоречие.

Из более пространных и развернутых рассуждений Теренциана Мавра понятно, что в ямбическом триметре есть три удара, отмечающие диподии, но есть и другие шесть ударов, которые выделяют стопы. Необходимо сразу заметить, что приемы декламации, о которых свидетельствует поздний грамматик, нельзя переносить на эпоху Горация.

Как и Гораций, Теренциан Мавр начинает с описания чистого ямбического шестистопного стиха, которое само сделано чистыми ямбами:

2188 *vidēs ut icta verba raptet impetus,
brevemque crēbra cōnsequendō²⁰ longula
citurum subinde volvat artius sonum...*
Ты видишь, как натиск (стиха) увлекает за собой ударяемые слова, | как частые долгие (слоги), следуя за краткими, | стесненно катят периодический быстрый звук.

Теренциан Мавр переходит к вопросу о триметре:

2191 *iambus ipse sex enim locīs manet,
et inde nōmen inditum est sēnāriō;
sed ter ferītur, hinc trimetrus dīcitur.*

2194 *scandendō bīnōs quod pedēs coniungimus...*
Сам ямб пребывает в шести местах (стиха), | поэтому и получил сенарий [шестимерный] свое имя. | Однако ударяется (этот стих) три раза, отсюда он называется триметром, – по той причине, что при скандировании мы объединяем стопы попарно...

Выражение *ter ferītur* недвусмысленным образом указывает на перкуссию, т.е. отбивание ритма, которое, как мы видим из этого

²⁰ Отложительные падежи *consequendo* (2189) и *scandendo* (2194) оканчиваются на краткое /o/: (см.: Кузнецов А.Е. Латинская метрика... С. 70).

отрывка, применялось при чтении scandendō. Далее Терентиан Мавр дает точное описание перкуссии:

2251 secundō iambum nōs necesse est reddere,
quī sēdis huius iūra semper obtinet,
scandendō et illīc pōnere adsuētam moram,

2255 quam pollicis sonōre vel plausū pedis
discrīmināre, quī docent artem, solent.

Во втором (месте диподии) мы обязаны ставить ямб, | который всегда по праву занимает это место, | и, скандируя²¹, именно там (мы должны) ставить промедление, | которое звуком пальца или ударом стопы | обычно выделяют те, кто преподает (грамматическую) науку.

Выражение *ista verba* (2188) на первый взгляд указывает на пословное ударение, но против этого понимания есть и внутренние и внешние доводы. Слова *īcere* – *īctus* в понятных контекстах у римских грамматиков никогда не обозначают ударение. Для аргументации Терентиана Мавра ссылка на ударение была бы бесполезной, поскольку чистый ямбический стих не отличается от стиха со спондеями в отношении плотности и размещения ударений. Таким образом, *ista verba* следует понимать как слова, несущие (ритмические) удары. Могут ли эти удары подразумевать перкуссию, как в 2193, 2254? Если рассматривать стихи 2188–2190 изолированно, то такое решение показалось бы правдоподобным, хотя в тексте (в отличие от 2251–2254) нет прямых указаний на внешний удар. Однако грамматик ясно указывает на то, что 1) удары на стопах и удары на диподиях создают разный метрический эффект, 2) только удары на диподиях сопровождаются перкуссией. Из этого следует, что *ista verba* выделены внутренним фонетическим ударом, а не внешним ударом ‘ноги или пальца’. С этим пониманием хорошо согласуется описание связанного с постопным ударом быстрого и напряженного звука в строках 2189–2190.

5. Перкуссия и правило четных стоп: *mora*. Важно то, что, согласно Терентиану Мавру, перкуссия, разделяющая диподии, используется как дидактический прием, применяемый при школьном чтении scandendō. От грамматика Сакердота (VI 448, 29 GLK: о дактилическом гекзаметре) мы узнаем, что при чтении scandendō метрические модули произносились как единые квазислова с искусственным ударением, Терентиан Мавр добавляет к этому то, что квазислова разделялись паузой, называемой *mora*²². Для ямбического триметра,

²¹ Слово “scandendo” грамматически связано с *reddere* (v. 2251).

²² *Mora* отождествляется с *distinctio media*, одним из трех стандартных знаков античной пунктуации. Марий Викторин предлагает нотировать *mora necessaria* ‘необходимую паузу’ особым пунктуационным знаком (VI 22, 25 GLK). Согласно Диомеду (I 438, 25 GLK), *mora* делается в цезуре. Чиньоло (ad Terentian. 1343, 2253) ошибочно толкует термин «тога» у Терентиана Мавра в смысле фонологической длительности (*mora* современной лингвистики).

метрическим модулем которого являются диподии, реконструируется следующее прочтение scandendō:

cit`umsubin_dev`olvatar_ti`ussonum_(Terentian. 2190)

Объяснение правила четных стоп, которое дает Терентиан Мавр, сводится к тому, что тога увеличивает время последней стопы диподии. Если ямба в этой позиции заменить спондеем, то стопа вместе с паузой окажется слишком протяженной, – но после первой стопы диподии паузы нет, поэтому здесь подстановка спондея не нарушает ритма.

Эту теорию излагают, неполно и с некоторыми отличиями, «Liber dē metrīs» (фрагмент Псевдо-Басса, цитируемый Руфином VI 555, 22 GLK = fr. 2 Mazzarino) и Юба, цитируемый Присцианом (III 420, 7 GLK)²³.

Для нас бóльший интерес представляет «Libēr de metrīs»:
Iambicus autem, cum pedēs *Ямбический (метр), когда он принимает стопы дактилического рода*
etiam dactylicī generis adsumat, *[sci. дактиль или спондей], утрачивает*
dēsinit iambicum vidēri, nisi *ямбический характер, если не*
percussione ita moderāveris²⁴ *привести его к порядку, используя*
ut, cum pedem supplōdēs, *удары, таким образом, что, от-*
iamb[ic]um feriās; ideō illa loca *бивая стопы, ты будешь ударять*
percussioneis nōn recipiunt alium *ямбическую стопу; по этой причине*
quam iambum et ei parem tri- *места удара не принимают стоп,*
brachyn, aut alterius exhibuerint *кроме ямба и равного ему триб-*
metri speciem... *рахия, иначе они (места) получат*
образ другого метра...

Хотя тога не упоминается, едва ли можно сомневаться в том, что в этом фрагменте речь идет о методе пауз и перкуссий. Как и Терентиан Мавр, автор «Librī dē metrīs» говорит о двух разных ударах: во-первых, особым ударом выделяются (supplōdēs) стопы, во-вторых, в некоторых стопах делается перкуссия.

6. Перкуссия и метрический икт. Мы можем предположить, что две разновидности ритмических ударов различались не только числом, но и средствами выражения: удары на стопах (назовем их *метрическим иктом*) не были связаны с разделительными паузами и внешними ритмическими сигналами (ударом пальца и т.п.). Этот вид удара выражался внутренними фонетическими средствами.

Перкуссия могла применяться только при чтении scandendō. При альтернативном способе декламации, чтении enuntiandō сохранилось естественное словodelение и делались обычные пословные

²³ Фрагмент Юбы примечателен тем, что, кроме Горация Ars 254, только в нем существительное ictus (ictus percussioneis: III 420, 20 GLK) встречается в бесспорном метрическом контексте.

²⁴ moderaveris (как modulantium в цитированном в § 1 пассаже Плиния) имеют значение 'измерять определенной мерой', ср.: Pighi G.B. "Impressio" e "percussio"... // Pighi G.B. Studi di metrica e ritmica. Torino, 1970. P. 71.

ударения²⁵. Выражение *icta verba* Терентиана Мавра может указывать на этот способ, поскольку при чтении *scandendō* слова (*verba*) не могли быть носителями ударов.

При чтении *scandendō* перкуссия могла сочетаться с метрическими иктами: в «*Liber dē metrīs*» речь идет, скорее, именно о таком чтении с ударами обоих видов.

Правдоподобно, что перкуссия приходилась на паузу, разделявшую метрические единицы. В каком месте располагался метрический икт? Совпадал ли этот икт с арсисом?

Косвенно этот вопрос проясняет Псевдо-Басс в рассуждениях, непосредственно следующих за приведенным выше фрагментом «*Librī de metrīs*» (текст не принадлежит Руфину и является продолжением цитаты). Автор «*Librī de metrīs*» озабочен тем, что ямбические триметры республиканской драмы могут почти целиком совпадать с дактилическим гекзаметром. Этот казус поясняется следующим примером:

exclūsit revocat redeam nōn sī m^c obsecret (Terent. Eunuch. 49)

hunc incipe ferīre: vidēberis hē- *начни ставить в этом стихе уда-*
gōum habēre inter manūs... *ры, – покажется, что у тебя в*
руках героический стих...

Очевидно, что грамматик предлагает рассмотреть неправильную для ямбического триметра перкуссию

exclū_sitrevo_catrede_amnōn_sīmob_secret_

– что дает четыре первые стопы, совпадающие с гекзаметром, пятый спондей, что в гекзаметре редко, но, возможно, и шестой ямб, что недопустимо.

Если бы арсисы каким-то образом выделялись при декламации, то ямбический и дактилический стих получились бы разными, несмотря на полное совпадение стоп в начале.

Дактилический гекзаметр: *˘exclū_s'itrevo_*
Ямбический триметр: *excl'ū_sitr'ev'o_* (два акцента отмечают двусложный арсис).

Однако Псевдо-Басс не думает, что можно различить ямбический и дактилический стих, выделяя арсисы в произношении.

По сформулированному в «*Liber dē metrīs*» правилу в ямбическом триметре следует делать перкуссию только в ямбических стопах, что предполагает монотонное прочтение

exclūsitrevoatredreamnōnsīmobsecret_

– поскольку в стихе нет ни одной ямбической стопы, кроме последней. Однако и в этом случае расстановка метрических иктов в арсисах

²⁵ Чтение *enuntiando*, по всей видимости, было основным способом декламации, а чтение *scandendo* – дидактическим приемом (*Allen W.S. Accent and Rythm... Cambridge, 1973. P. 340*). Выражение *ter feritur* нельзя понимать ‘ямб *всегда* читается с тремя перкуссиями’, правильный смысл: ‘если делаются перкуссии, то их должно быть три в стихе’. Очевидно, что при чтении *scandendo* утрачивались не только ударения, но и цезуры.

дала бы совсем другой ритмический рисунок, чем в дактилическом гекзаметре.

Из этого можно заключить, что метрический икт не был привязан к арсису, а представлял собой разметку стоп, функционально близкую перкуссии, но сделанную чисто фонетическими (интонационными?) средствами. Вероятно, метрический икт выделял последний (или первый?) слог стопы вне зависимости от того, находился ли этот слог в арсисе или в тесисе. Если это предположение правильно, то мы получим удивительно точное совпадение метрического икта с силлабическим, описанным выше в § 3.

Теперь мы можем предложить более правдоподобную реконструкцию декламации scandendō ямбического триметра, при этом будет исключена ровная монотонность нашей первой реконструкции:

clī re^{vo} re^{de} nōn ob cret
cx sit car am sīm sc —

Метрический икт (выделен графическим повышением на последнем слоге стопы) в этой транскрипции совпадает с силлабическим иктом второй половины стопы. Силлабический икт первой половины стопы выделен понижением. Неясным остается положение первого слога в двусложных арсисах восходящего метра *re-vo*, *re-de*.

Автор «Librī dē metris» переделал ямбический триметр Теренция в дактилический гекзаметр, для которого получаем транскрипцию

clī re^{vo} car re^{de} nōn me^a at
cx — sit — car — am — st — fi —

— неясны двусложные тесисы нисходящего метра *re-vo*, *re-de*, *me-a*.

Как об этом недвусмысленно свидетельствует грамматик, различие между восходящим ямбическим метром и нисходящим дактилическим выражалось при чтении scandendō только в расстановке перкуссий, а не в интонировании арсисов ~ тесисов. Далее можно предположить, что при чтении spuntiandō (с выделением стоп) различие исчезало в тех сегментах, где стопы разных метров были одинаковыми. Этим реконструируемый нами метрический икт отличается от гипотезы Бентли–Германна, согласно которой икт ложится на первый слог арсиса. Наконец, ни перкуссия, ни метрический икт не ассоциируются в наших источниках с ударением²⁶.

Сведения об авторе: Кузнецов Александр Евгеньевич, канд. филол. наук, доц. кафедры классической филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: megasorcatos@mtu-net.ru

²⁶ Заметим, что арсис и тесис были связаны в представлениях римских грамматиков с ударением, хотя смысл этой связи не совсем для нас ясен: Servius IV 425, 7 GLK; Pompeius V 120, 29 GLK; Iulianus V 321 GLK, 12; Ps.-Priscianus De accentibus III 521, 24 GLK. См.: Кузнецов А.Е. Латинская метрика. С. 70. 142. Стертевант [Sturtevant E.H. The Ictus of Classical Verse // The American Journal of Philology. 1923. Vol. 44. P. 335] полагал, что этим подтверждается икт, выражаемый средствами динамического ударения (stressed ictus). Гипотеза динамического икта основана прежде всего на априорном отождествлении ритмического удара и арсиса, для чего в действительности нет никаких оснований.

В.С. Савельев

УМЕНИЕ СЛУШАТЬ КАК НЕОБХОДИМАЯ ЧЕРТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ВОСПРИЯТИИ АВТОРА ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Анализируя три диалога из Повести временных лет, автор приходит к выводу, что, описывая речевое поведение персонажей, летописец реализует свое представление о необходимых качествах языковой личности, одним из которых является умение правильно истолковывать слова собеседника, определяющее успешность речевого поведения коммуниканта в целом.

Ключевые слова: Повесть временных лет, древнерусская языковая личность, диалог, восприятие.

The author of the article analyzes three dialogues in the old Russian Chronicle «Povest vremennych let» (XII century), concluding, that the chronicler realizes his conception of the necessary abilities of the linguistic personality by describing speech behavior of the characters. One of these abilities is the skill of listening, which enables them to be successful in their communication.

Key words: «Povest vremennych let», old Russian linguistic personality, the skill of listening.

Повесть временных лет (далее – ПВЛ), один из главных памятников Древней Руси, представляет собой текст, в который включено множество диалогов. Летописный диалог является одним из основных средств создания образа персонажа и в то же время отражает идеологию автора (или редактора) текста. В связи с этим перед исследователем ПВЛ неизбежно встает задача – определить авторские принципы отбора речевого материала. В рамках данной статьи мы рассмотрим один из таких принципов, обратившись к анализу нескольких диалогов, между которыми на первый взгляд нет ничего общего.

1

И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣдати на нь. (1) Бѣ во преже въпрошалъ волхвовъ и кудесникъ: «От чего ми естъ ѹмьрети?» (2) И рече ему одинъ кудесникъ: «Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, от того ти ѹмьрети». (3) Олегъ же примъ въ ѹмѣ, си рече: «Николи же всяду на конь, ни вижу его воле того». И повѣлѣ кормити и и не водити его к нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ, не дѣя его, дондеже и на грѣкы иде. И пришедшу ему къ Киеву и пребысть 4 лѣта, (4) на 5 лѣто

помяну конь свой, от него же бяху рекъли волъсви ѹмрети Ольгови. И призва старѣйшину конюхомъ, ркя: «Кде есть конь мой, его же вѣхъ поставилъ кормити и влюсти его?» (5) Онъ же рече: «Умерлъ естъ». (6) Олегъ же посмѣяся и ѹкори кудесника, ркя: «То ть не право молвятъ волъсви, но все то лъжа естъ: конь умерлъ, а я живъ». (7) И повѣлѣ оудлати конь: «Да ть вижю кости его». И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ, (8) и, слѣзъ с коня, посмѣяся, ркя: «От сего ли лъба смерть мнѣ взяти?» И вѣстѹпи ногою на лобъ, и выникнѹчи змѣя и ѹклюнѹ и в ногу. И с того, разволъсва, ѹмре (6420 / 912)¹.

Как выстроен этот диалог (вернее, связанные друг с другом несколько диалогов)? Опишем речевые шаги, сделанные говорящими в анализируемом отрывке (речевым шагом будем считать реплику персонажа и «обрамляющие» ее слова автора):

(1) – указывается место речевого шага в диалоге, называется **коммуникативная цель** говорящего (**въпрошалъ**), упоминается **адресат** (**волъхвовъ и кудесникъ**);

(2) – упоминается то, что произошел **локутивный акт** (**рече**), называется **адресат** (**ѹмр**);

(3) – указывается **ментальная реакция** князя Олега на слова собеседника (**приньмъ въ ѹмѣ**), которая привела к **локутивному акту** (**рече**). Поскольку эта реплика содержит решение, принятое говорящим в отношении своих же действий, она обращена «к самому себе», и адресат ее не эксплицирован. **Перлокутивным эффектом** высказывания стало то, что говорящий воплотил в действительность свое же решение (**И повѣлѣ кормити и и не водити его к немѹ**);

(4) – называется **экстралингвистическая ситуация**, спровоцировавшая общение (**на 5 лѣто помяну конь свой**), **речевое действие** говорящего, приведшее к возникновению **канонической ситуации общения** (**призва старѣйшину конюхомъ** – для того чтобы начать разговор, собеседники должны были оказаться в одно время в одном месте), **локутивный акт** (**ркя**), **адресат** (**старѣйшину конюхомъ**);

(5) – упоминается то, что произошел **локутивный акт** (**рече**). **Адресат** не эксплицирован: общая для автора и читателя **пресуппозиция** (обычно говорящий и слушатель в ходе диалога меняются ролями) позволяет прибегнуть к эллипсису. То же касается и самой реплики, в которой не упоминается субъект (**ѹмерлъ естъ**): в коммуникативную компетенцию собеседников входит в числе прочего умение «расшифровывать» неэксплицированную информацию; в данном случае прагматическая пресуппозиция выводится из реплики (4);

¹ Примеры из ПВЛ даются по изданию: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 2000.

(6) – реплика (5) вызвала ответную реакцию говорящего – особое **эмоциональное состояние (посмѣяся)**, приведшее к **локутивному акту (ркя)**. Также летописец указал **глобальную иллокутивную функцию (үкори)** реплики Олега, которая состоит из нескольких высказываний: первая фраза представляет собой оценочное суждение (*Кудесники лгут*), вторая – констатацию факта (*Я жив*), подтверждающего оценочное суждение. В целом же князь произносит эту реплику для того, чтобы обличить (*укорить*) кудесников вообще и того кудесника, который когда-то напроорочествовал Олегу смерть от коня, в частности;

(7) – называется **иллокутивная функция** высказывания (**повѣлѣ**). Содержание самой реплики свидетельствует о том, что (7) представляет собой **косвенный речевой акт (КРА)**, поскольку прямая иллокутивная функция произнесенного – информировать собеседника о своем намерении *увидеть кости коня*, а не побудить его к действию. Оценка уместности сказанных слов должна была привести конюшенного к мысли, что от него хотят, чтобы он оседлал коня. Судя по тому, что Олег **приѣха на мѣсто**, собеседник его понял, и говорящий достиг должного **перлокутивного эффекта**. Вообще, то, что автор ПВЛ мог «опустить» директивное высказывание князя Олега, ограничившись упоминанием иллокутивной функции (**повѣлѣ**), стало возможным именно потому, что КРА существовали и в средневековой речи;

(8) – в отличие от реплики (7), в которой иллокутивная функция КРА выводится из оценки уместности произнесения фразы, в реплике (8) суть КРА состоит в том, что суждение, сообщаемое говорящим, противоречит «формально выводимому» содержанию самого высказывания. Произнося **От сего ли лѣба смерть мнѣ взяти?**, князь Олег имел в виду, что от этого *лба* ему смерти точно **не** ждать, а вовсе не требовал подтверждения информации о причине своей гибели. Точно так же должны были оценить его **семантическую пресуппозицию** присутствовавшие при этой сцене, а также автор летописи, включивший эту реплику в ПВЛ. Также в (8) упоминается **экстралингвистическая ситуация (слѣзъ с коня)** и **иллокутивная функция** высказывания – насмешка (**посмѣяся**). Помимо этого замечено, что говорящий иллюстрирует свое утверждение **жестом (вѣстүпи ногою на лобѣ)**, который и привел его к столь пагубным последствиям.

Таким образом, в отрывке представлено описание коммуникативных событий, весьма похожее на современное представление о структуре коммуникативного акта: летописец не просто «фиксирует» произносимые слова, но и рассказывает об условиях коммуникации, указывает причины, приводящие к говорению, цели, преследуемые говорящими, последствия, к которым приводит общение. Летописец

анализирует **речевое поведение** персонажа. Какие особенности этого поведения привлекают его внимание?

Князь Олег – центральная фигура рассматриваемого отрывка. Именно он участвует в каждом из коммуникативных событий, будучи при этом инициатором общения. И оказывается, что он отступает от норм, которыми должен руководствоваться князь, в частности, в своем речевом поведении.

С точки зрения летописца, норма земного бытия определена, существует и должна сохраняться, а потому любое отступление от нее пагубно. Так, любой «чужой» мир строится не в соответствии с нормой, а потому оценивается негативно, будь то мир земной² или потусторонний³. Герои же летописи, принадлежащие своему, русскому миру, должны строить свою жизнь в соответствии с определенной нормой. Отсутствие цельности в образах многих летописных персонажей, в разных обстоятельствах выглядящих то героями, то злодеями, связано с тем, что каждый их поступок (значимый, а потому описанный в летописи) соотносился летописцем с неким идеальным поступком: определялось, должным или недолжным образом вел себя герой. Таким образом, летописец шел от события к факту: он был волен включить тот или иной эпизод из жизни героя в текст, но не волен в выборе оценки⁴. Поэтому и происходят неожиданные изменения в образах героев: князь Олег, бывший «положительным персонажем», превращается в князя, совершающего поступки, недостойные князя, и принимает недостойную князя смерть. Причиной тому его вера в пророчество волхва, исторгшая его из своего правильного мира и поместившая в чужой «зловещий мир, заполненный странностями и неожиданностями. Парадоксально ведет себя не только Олег, парадоксальны и другие персонажи и предметы: то, что любишь, грозит смертью (“его же любиши... от того ти умрети”); то, что оберегают, погибает (“конь... его же бе поставил кормити и блюсти его... умерль

² Чужие и **выглядят странно** («Летописцы постоянно отмечали неприятную, необычную внешность нежданных пришельцев: обры – “теломъ велици и умомъ горди” (30), печенежин – “пресвеликъ zelo и страшень” (138), “детишь” – “на лици ему срамнии удове” (178), чудские бо “суть же образом черни, крилаты, хвосты имуше” (192), о митрополите Иоанне, очевидно, очень изможденном, люди сказали: “Се навье пришел (220). Это мертвец пришел. Как бы с того света”») [Демин, 1998: 609] и **ведут себя неправильно** («...указывалось на странный, чуждый нормальному образ жизни пришельцев: обры “не дадеше въпрячи коня, ни вола”, но ездил на людях (30), чудские боги “живуть... в безднахъ”, боятся креста (192), митрополит Иоанн – “скопчина”). (220. Скопец)...») [Демин, 1998: 609].

³ Конечно, имеется в виду мир бесовский: «мир бесов представлялся летописцам странным, противоестественным и античеловеческим (“вы есте тма, и во тме ходите, и тма вы ять” – 197, под 1074 г.)» [Демин, 2005: 551].

⁴ Правда, летописец мог и избежать вынесения негативной оценки, отказавшись от оценки вообще: так, например, происходит, когда упоминаются, но не оцениваются случаи братоубийства, совершенные князьями, которым летописец «симпатизирует».

есть”); малопривлекательный, но безобидный предмет оказывается самым опасным (“отъ лба смърть”, “змиа изо лба”) и пр. Мир в этом рассказе Нестора выглядит каким-то уродливым и смертоносным, – потому что это мир волхвов и их предсказаний, бросающий свой зловещий ответ на Олега» [Демин, 2005: 551].

Итак, в чем состоит неправильность речевого поведения Олега? Князь выбирает недостойного собеседника – кудесника, интересуется тем, чем князю интересовать недостойно, – тем, какая смерть его ожидает (1), верит словам недостойного, не заслуживающего доверия собеседника и руководствуется ими в своих делах (2, 3), ведет себя непоследовательно: нарушает данное слово и отправляется смотреть на коня (4–7), ведет себя неуважительно по отношению к «собеседнику», не заслужившему такого отношения: ставя ногу на череп, насмеяется над мертвым (8).

И еще одна «ошибка» в речевом поведении князя. Изменение отношения Олега к словам кудесника (доверие > недоверие) имеет вполне определенную причину: князь оказывается неспособным понять слова собеседника (*принять смерть от коня* не означает *от живого*). Неправильно истолковывая пророчество волхва, он обрекает себя на гибель. Таким образом, одна из основных причин смерти князя Олега состоит в том, что он не проявил необходимого для коммуниканта, воспринимающего чужие слова, качества – **про- ницательности**.

2

Крайне интересен для анализа фрагмент летописи, повествующий об искушении Исакия: в нем привлекает внимание «пересечение» речевого поведения персонажей и самого повествователя.

И поидоста двѣ ѹноши к нему прекрасна, и блистася лице има, яко и солнце, и глаголаста к нему: «Исакъ! Вѣ есѣ ангела, а се идеть к тобѣ Христосъ съ ангелы». И, вѣставъ, Исакій видѣ толпу, и лица ихъ паче солнца, и единъ посреѣ ихъ, и съяху от лица его паче всихъ. И глаголаста ему: «Исакъ! То ти Христосъ. Падъ, поклонися ему!» Онъ же не разумѣ вѣсовьскаго дѣйства, ни памяти прекреститися. Выступя, поклонися, акы Христу, вѣсовьскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣкоша: «Нашъ еси ѹже, Исакъ!» – и введеша и в кѣльницу, и посадиша и, и начаша садитися около его полна келья и ѹлица печерьская. И рече единъ от вѣсовъ, глаголемый Христосъ: «Возмите сопѣли, и вѣвны, и гѣсли и ѹдаряйте, ать ны Исакъ съпляшетъ». И ѹдариша в сопѣли, и въ гѣсли, и въ вѣвни и начаша имъ играти. И ѹтомивше и, оставиша и еле жива сѹщи, и отъидоша, порѹгавшеся ему (6582 / 1074).

В этом отрывке один и тот же референт называется разными именами:

1. Сначала летописец именует явившихся Исакию *прекрасными юношами*, которые величают себя *ангелами*. Конечно, автор знает, что они не ангелы, но ему необходимо передать драматизм ситуации: читатели так же, как и Исакий, оказываются введенными в заблуждение. Характерно, что летописец использует здесь две номинации: первая из них – **двѣ ѹноши прекрасна** – характеризует внешний облик, а вторая – **вѣ есвѣ ангела** – сущность референта. И получается, что автор не обманывает читателя: сам он назвал тот признак, который действительно был свойствен явившимся к Исакию, а вот ложь вложил в уста негативно оцениваемых персонажей.

2. Затем Исакий видит **толпу, и лица ихъ паче солнца**; ему говорят, что один из них **Христосъ**, и призывают поклониться этому **Христу**. И в тот момент, когда Исакий совершает ошибку, летописец разоблачает **вѣсовское дѣйство**, лишая самозванцев имени, несправедливо присвоенного ими себе (Исакий, **выступя, поклонися, акы Христу**, т.е. поклонился не Христу), и наделяя их именем правильным (**вѣси же кликнуша и рѣкоша**). Чуть позже автор еще раз разоблачает лже-Христа (**единъ от вѣсовъ, глаголемый Христосъ**), подчеркивая, что его *называли* Христом. Это уточнение рождает импликацию: читатель понимает, что беса только называли Христом, но Христом он не являлся.

Таким образом, изменение номинации позволяет автору иллюстрировать важнейшую для православия идею: откровение, кажущееся истинным, не всегда оказывается таковым. «Прѣлестные образы будоражат страсть, но опасность – не в страсти, как таковой, а в ее оценке, в принятии ее за нечто, прямо противоположное тому, что она есть на самом деле» [Флоренский, 1993: 23]. Нигде в тексте, обрамляющем историю искушения Исакия, не говорится об этом: **проницательный** читатель должен сам установить то, зачем рассказываетея ему о явлении бесов Исакию⁵.

Что касается Исакия, то его искушение напрямую связано с его речевым поведением: он не только поверил в увиденное, но и **не распознал ложь**, скрытую за словами собеседника (**не разумѣ**

⁵ «Святоотеческая аскетика руководствуется общим принципом чувственного «антивизионерства», по которому «правильное созерцание умозрительно и сверхумозрительно», когда «над речью и видением помещается озарение... невидимое, неслышимое и невыразимое» [Евдокимов, 2002: 154]. На данном принципе базируются многочисленные аскетические правила и советы. «Никогда не принимай, если увидишь что-либо чувственное или мысленное, внутрь тебя или вне, – лик Христа, или Ангела, или образ Святого, или световое воображение... не верь сему с негодованием, хотя бы то и доброе что было, прежде чем спросить кого из опытных», – призывают иноки Калист и Игнатий, вслед за преп. Григорием Синаитом Цит. по [Хоружий, 1998: 251] [Постовалова, 2008: 206, 207].

вѣсовьскаго дѣйства, ни памяти). Ответом Исакия на призыв бесов («Исакъѣ! То ти Христосъ. Падъ, поклонися ему!») явилось покорно совершаемое им действие (Выступя, поклонися, акы Христу, вѣсовьскому дѣйству). В отличие от князя Олега он понял собеседника, но собеседник его обманывал, так что Исакий поверил в обман⁶.

Таким образом, в речевом поведении князя Олега и Исакия обнаруживается сходство: оба они не проявили **проницательности** в общении, что и привело к пагубным для них последствиям⁷.

3

Иначе, чем князь Олег и Исакий, проявляет себя в диалоге князь Глеб.

Сице высть волхвѣвъ всталъ при Глѣбѣ въ Новѣгородѣ. Глаголаше бо людемъ и творяше бо ся акы богомъ, и многы прельсти, мало не весь городъ, глаголаше бо, яко: «Все ведаю». Хуля вѣрѹ крестьянскую, глаголаше бо, яко: «Прендѹ по Волхвову предъ всеми». И высть мятежъ в городѣ, и вси яша ему вѣрѹ и хотя повѣдити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и обolkъся в ризы, ста, рекъ: «Иже хоцетъ вѣрѹ яти волхвѣвъ, да за нь идеть. Аще ли вѣрѹетъ кто крестѹ, да идеть к нему». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его стаха у епископа, а люде вси идоша за волхва. И высть мятежъ великъ вельми. (1) Глѣбъ же возма топоръ подъ скѹтъъ и приде к волхвѣвъ и рече ему: «То веси ли, что ѹтрѣ хоцетъ быти, что ли до вечера?» (2) Онъ же рече: «Все вѣдаю». (3) И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что ти хоцетъ днесь быти?» (4) Онъ же рече: «Чюдеса велика створю». (5) Глѣбъ же выня топоръ и роста и и паде мертвъ, и люде разидошася. Он же погнѣе тѣломъ и душою предався дьяволу (6579 / 1071).

⁶ В последующей части текста Исакий признает свою ошибку: автор приводит его реплику, обращенную к бесам: «Якоже и вы первѣ мене повѣдиди есте въ образѣ Исусѣ Христовѣ и въ ангелскомъ, недостойнѣ суще того видѣния» (6582 / 1074) – в ней утверждается, что *образ* не тождествен сущности, а потому подразумевается противопоставление: *ангелы / внешнее подобие* ил.

⁷ Интересно, что в ПВЛ обнаруживается еще несколько фрагментов, когда говорящий намеренно неверно называет себя, вводя собеседника в заблуждение: так ведет себя князь Олег, отправляя к Аскольду и Диру вестников со словами «Гостьѣ есмы, идемъ въ грѣкы отъ Олга и отъ Игоря княжича» (6390 / 882). Княгиня Ольга дает понять собеседникам (и древлянам, и позже греческому царю), что она согласится стать их невестой, на самом деле не собираясь делать этого. Характерно, что в упомянутых случаях говорящие прибегают к речевой стратегии «притворства» тогда, когда им необходимо посрамить своих собеседников-оппонентов, необоснованно претендующих на что-либо. Например, князь Олег уничтожает себя, принимая имя *гостя* (купца), чтобы впоследствии развенчать «нстоящих» князей Аскольда и Дира, занявших его княжеское место («Вы нѣста князя, ни родѹ князя, но азъ есмь родѹ княжа»). По сути, он так же притворяется гостем, как они – князьями: насмехаясь, он воспроизводит их же поведение.

Как и князь Олег, князь Глеб оказывается инициатором информативного диалога, однако целью его является неполучение информации: обращаясь к волхву, он стремится убедить новгородцев в том, что их обманули. Чтобы добиться этого, он манипулирует собеседником. Сначала Глеб задает вопрос, требующий верификации, и волхв вынужден подтвердить его «предположение»: (1) «То веси ли, что үтрѣ хочеть быти, что ли до вечера?» – (2) «Все вѣдаю» – волхв не может дать отрицательного ответа, поскольку он будет звучать как саморазоблачение. Следующий вопрос Глеба также предопределяет «самовозвеличивающий» ответ собеседника: (3) «То вѣси ли, что ти хочеть днесь быти?» – (4) «Чюдеса велика створю». Заданные вопросы и полученные ответы позволяют Глебу «произнести» финальную «реплику»-жест: князь убивает оппонента топором, который он взял с собой, отправляясь на «беседу»⁸. Этот жест опровергает все сказанное волхвом, и в результате Глебу удается разубедить легковерных новгородцев в том, что кудесник имеет над ними власть.

В данном эпизоде реализуется общий для летописи топос: автор часто комментирует высказанную персонажем мысль словами «...сказал тот, не ведая, что...»⁹. В основе топоса лежит идея Божьего промысла и того, что только Бог может наделить человека знанием и наделяет его необходимым знанием только тогда, когда это необходимо. Именно поэтому обличение волхвов связано прежде всего с обличением их «всезнания»: Слышавъ же Ярославъ вълъхвы ты, и приде к Суждаю, изъима волъхвы, расточи, и дръгия показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на кѹюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже» (6532 / 1024), Янъ же рече: «Поистинѣ лжете: створилъ бо естъ Богъ человекъ отъ земля, и съставленъ костями и жилами отъ крови, и нѣсть в немъ ничтоже и не вѣсть ничтоже, токмо Богъ единъ вѣсть» (6579 / 1071), И тако погыбоста наүчениемъ дьяволимъ, инѣмъ вѣдѹща и гадающа, а своя пагѹбы не вѣдѹща. Аще быста вѣдала, то не бы пришла на мѣсто се, идѣже ятома быти (6579 / 1071), Бѣси бо не вѣдають мысли человекъския, но влагають помыслъ въ человекъ, а тайны не вѣдѹща. Богъ же единъ вѣсть помышления человекъска, бѣси бо не вѣдають ничеогоже, сѹтъ бо немощни и хѹди взоромъ (6579 / 1071). Характерно, что в летописи обязательно указывается, сбылось или нет произнесенное пророчест-

⁸ Характерно, что читатель, направляемый автором, догадывается о том, что развязка диалога будет необычной: упомянутый топор должен обязательно «выстрелить», иначе его и не стоило упоминать.

⁹ Бяху бо человекѣци тогда невегласи, погани. И дьяволъ радовашеся сему, не вѣды, яко ванзъ погыбель хотяше быти ему (6491 / 983), 7 бо мьстий прия Каннъ, үбивъ Авѣая, а Ламехъ 70, понеже бо Каннъ не вѣды мьщениа прияти отъ Бога, а Ламехъ вѣды казнъ, вывшюю на прародителю его, створи үвниство (6527 / 1019).

во: ответ на этот вопрос будет определять авторское и опосредованно читательское отношение к пророчествовавшему как истинному или ложному пророку.

Итак, князь Глеб разоблачает ложь волхва, утверждающего свое всеведение. Казалось бы, в рассмотренном отрывке проявляется способность Глеба говорить. Однако для того чтобы «управлять» речью собеседника, необходимо знать, как он может себя повести: князь опирается на свой речевой опыт (он знает, что говорят волхвы, какие ответы дают на определенные им вопросы). Князь Глеб умеет не только построить свою речь, но и «выстроить» речь собеседника, и причиной тому умение князя слушать собеседника и прогнозировать его речевое поведение.

Таким образом, в проанализированных фрагментах ПВЛ – при всей их несхожести¹⁰ – успешность речевого поведения персонажа во многом определяется следующим: выбирая собеседника, говорящий должен верно оценить его, опираясь при этом на свой речевой опыт, эта оценка должна определить выбор стратегии речевого поведения, а благоприятные или неблагоприятные последствия общения будут в конечном итоге определяться тем, насколько проникательным слушателем окажется персонаж, находящийся в центре внимания летописца.

В летописи слова руководят делами: воспринимая и толкуя чужие слова, персонаж совершает правильные или неправильные поступки. Таким образом, речевое поведение персонажа – способность и неспособность, с одной стороны, воспринимать и правильно истолковывать речь собеседника, а с другой – самому строить свою речь так, чтобы достигать желательного перлокутивного эффекта (воздействовать на собеседника) – является одной из важнейших его характеристик.

Следует помнить, что **ПВЛ – произведение дидактическое**: одна из задач ее создателя состояла в том, что представить в тексте такие модели поведения, которые воспринимались бы потенциальным адресатом – нынешними и будущими князьями – как образцы, которым следует или не следует подражать¹¹. То же касается и речевого поведения персонажей: воспроизводя тот или иной диалог,

¹⁰ Князь Олег – инициатор общения, но он же, воспринимая слова собеседника, руководствуется ими; Исакий слушает и действует, что является его «ответом» собеседнику; князь Глеб говорит и слушает, но знает ответы волхва заранее: он «управляет» речевым поведением собеседника.

¹¹ «Адресат летописей ограничен: это князья и высшая знать. Читались и воспринимались летописные тексты примерно так, как современные исторические произведения: знать прошлое необходимо, чтобы учиться его уроки и верно понимать происходящее сегодня» [Конявская, 2005: 79].

летописец рассказывает князю – или, вернее, намекает ему, поскольку важно быть не только пронизательным слушателем, но и пронизательным читателем, – о том, как должно говорить и как должно слушать. Оказывается, например, что оценка собеседника приводит к выбору определенной, уместной именно в данный момент модели речевого поведения.

«Разнообразие» речевой личности есть важная и необходимая ее черта: так, княгиня Ольга абсолютно по-разному проявляет себя как коммуникант, общаясь с древлянами, с греческим царем и с патриархом.

Древляне – враги, которым Ольга стремится отомстить, поэтому любые их предложения она в завуалированной форме отвергает, каждый раз выдвигая встречные требования, и при этом вводит собеседника в заблуждение, подталкивая его к гибели. Примечательно, что древлян губит именно отсутствие пронизательности: они оказываются неспособными разгадать «загадки» коварного собеседника.

Иначе воспринимает княгиня греческого царя: тот для нее не враг, а, скорее, достойный уважения соперник, которого она стремится перехитрить. Характерно, что и в этом случае Ольга достигает своих целей за счет того, что ее собеседник оказался недостаточно пронизателен и не смог постичь ее тайный замысел. Ольга вдумывается в слова Константина «Подобна єси царствовати в городѣ семѣ с нами» и, разумѣвши, что сказанное предполагает невысказанное «Будь моей женой», наносит «упреждающий удар»: «Азъ погана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крѣсти мя самъ. Аще ли – то не кресцюся». И когда уже после крещения Ольга слышит то, что скрывалось за первоначальными словами цесаря, на этот раз говорящего напрямую: «Хоцю тя поняти женѣ», она имеет все основания отказать ему: «Како мя хоцещи поняти, а крѣстивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А въ крестьянѣхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». В конечном итоге мудрая речевая стратегия княгини вызывает восхищение даже у ее оппонента: «Переключка мя, Ольга» (6463 / 955).

Совершенно по-другому княгиня ведет себя в беседах с патриархом: она же, поклонивши главѣ, стояше, аки гѣба напаяема, внимающи ученью (6463 / 955). Таким образом, речевое поведение Ольги варьируется в зависимости от того, кто является ее собеседником и какие цели она преследует: меняется степень ее активности, она ведет разговор в нужную ей сторону или сама стремится быть ведомой, она «отталкивает» собеседника или «принимает» его¹², она игнорирует слова собеседника или вслушивается в них, чтобы

¹² Об «отталкивающем» и «впитывающем» типах речевого поведения см. [Винокур, 1988: 72–76].

понять его истинные намерения и соответственно согласиться с ним или найти такой ответ, который позволит ей одержать победу в диалоге. Именно таким, по мысли летописца, должно быть речевое поведение князя: **он должен уметь слушать, чтобы принимать правильные решения**. Ведь умение слушать необходимо не только для преодоления собеседника-соперника, но и для учения, умственного взросления внимающего¹³. Это же относится и к летописи в целом: Повесть временных лет представляет собой произведение, требующее от читателя «умения слушать».

Список литературы

- Винокур Т.Г.* Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи: Сб. науч. тр. М., 1988.
- Демин А.С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998.
- Демин А.С.* «Подразумевающее» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы: Сб. 12. М., 2005.
- Конявская Е.Л.* О «границах» древнерусской литературы (Летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (12).
- Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 2000.
- Постовалова В.И.* «Истина» и «заблуждения» в православном мирозерцании // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Флоренский П.* Иконостас. Избр. тр. по искусству. СПб., 1993.

Сведения об авторе: *Савельев Виктор Сергеевич*, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alfertinbox@mail.ru

¹³ Поэтому отказ от мудрого наставления воспринимается летописцем так негативно: сын княгини Ольги Святослав не внимаше ... не послуша матери и творяше норovy поганьскыя, а ведь еще кто матери не слушает, в б'ѣду впадае, якоже рече: «Аще кто отца или мать не слушаетъ, смертью да умреть» (6463 / 955).

О.Ю. Школьникова

**«ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» В РУССКОЙ
И ФРАНЦУЗСКОЙ АГИОГРАФИИ
(«Слово о житии и учении святого отца нашего
Стефана, епископа Пермского» Епифания
Премудрого и французская версия Жития
бл. Стефана Гранмонского)**

В статье рассматривается риторический стиль образцов французской и русской житийной литературы XV в. и его новые черты, связанные с поисками художественных средств усиления выразительности.

Ключевые слова: агиография, риторика.

The author analyses rhetorical style of the french and russian hagiographies dated of the same period of the XVth century and its new features connected with the search of the more expressiveness.

Key words: hagiography, rhetoric.

Термином «плетение словес» принято обозначать литературный стиль, отличающийся пышной и частично избыточной словесной орнаментикой и синтаксической витиеватостью, который появился в русских жизнеописаниях святых конца XIV – начала XV в. и был связан главным образом с двумя выдающимися агиографами того времени – Епифанием Премудрым и Пахомием Логофетом. Епифаний Премудрый сам характеризовал таким образом стиль своего «Слова о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского».

Рассмотрим в свете данного понятия текст того же жанра и того же периода – первой трети XV в. (и даже посвященный святому, носящему то же имя), но созданный во Франции и являющийся переводом латинского жития на французский язык¹, и проанализируем, какие задачи на уровне текста и на уровне языка могли решаться с помощью подобной лексической избыточности и синтаксической изысканности.

В.О. Ключевский писал о стиле «Слова о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского»: «Риторическія фигуры и всевозможныя амплификаціи разсеяны въ житіи съ утомительнымъ изобиліемъ; авторъ не любитъ рассказывать и размышлять просто, но

¹ Переведенное с латыни на французский язык Житие бл. Стефана Гранмонского носит название «Житие св. Этьена де Мюре».

облекает часто одну и ту же мысль въ несколько тавтологических оборотов...»².

В качестве иллюстрации к суждению В.О. Ключевского приведем фрагмент творения Елифания Премудрого: «Сперва Стефан много зла перенес от неверных пермяков, от некрещеных: озлобление, роптание, поругание, хулу, укоруы, унижение, досаждение, поношение и пакость, иногда смертью грозили ему. Иногда убить его хотели, иногда обступали его со всех сторон с палицами и с большими дубинами, смерти его предать задумав». Даже в этом небольшом отрывке встречается длинный ряд однородных членов, включающий как синонимы, так и тавтологические сочетания. Мы также видим, что за счет нанизывания лексем повествованию сообщаются особый ритм и экспрессия.

Д.С. Лихачев писал: «“Плетение словес” основано на внимательнейшем отношении к слову: к его звуковой стороне (аллитерации, ассонансы и т.п.), к этимологии слова (сочетания однокоренных слов, этимологически одинаковые окончания), к тонкостям его семантики (сочетания синонимические, тавтологические и пр.) <...> Напряженные поиски эмоциональной выразительности, стремление к экспрессии основывались на убеждении, что житие святого должно отразить частицу его сущности, быть написанным “подобными” словами и вызывать такое же благоговение, какое вызывал и он сам»³.

Рассмотрим теперь фрагмент из французского Жития святого Этьена де Мюре:

Saint Estienne, fondeur, instituteur premier du venerable ordre de Grantmont, ami de Dieu, des hommes <i>et</i> de tout le pueple, hermite moult propre en humilité, virginité, verité, obediencie, abstinence, pacience, foi, esperance, charité, prudence, justice, force, temperance et de toutes autres vertus, comme dessus est dit, aorné <i>et</i> ennobli. Qui les choses celestialles es terrenes, les choses spirituelles es charnelles, les choses eternelles es temporelles a proposés, qui soi mesme, de son simple vouloir, entierement s'est sacrifié et est offert a Dieu, en delaissant le monde, qui estoit tant bel de corps, mais plus bel de cuer, gracieux en parolle, mes plus gracieux en euvre, noble en lignee, mais plus noble en sainteté, forme et miroir de religion, rigle de perfeccion et voie de tout salut, de vigilles, d'oroisons, de souppirs, gemissements, de lermes, de devotz	Святой Этьен, основатель, первый настоятель почтенного ордена Великой Горы, друг Бога, людей и всего народа, отшельник, стойкий в смирении, целомудрии, истине, послушании, воздержании, терпении, вере, уповании, милосердии, мудрости, справедливости, силе, умеренности – этими и другими добродетелями, как было сказано выше, был украшен и возвышен. Он – тот, кто блага небесные земным, духовное плотскому, вечное преходящему предпочел, кто сам, своим желанием, оставив мир, посвятил и пожертвовал всего себя Господу, кто был так прекрасен телом, но еще прекрасней сердцем, милосерден в речах, но еще более милосерден в делах, благороден предками, но еще более благороден святостью, кто был очертанием и зеркалом веры, мерилом совершенства
---	--

² Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; М., 1988 (репринтное изд.). С. 93.

³ Лихачев Д.С. Предвозрождение в русской литературе. М.; Л., 1985. С. 463–464.

<p>agenoillemens, de jeusnes, d'aumosnes. Et en ce il vacquoit continuellement et estoit flour de vie espirituelle et de doctrine de salut; et tant grande estoit la vertu de sa contemplacion que, comme se il eust alles, par ung tresardant <i>et</i> grant desir que il avoit, au ciel vouloit <i>et</i> de cuer habitoit. Et lui, ainsi par la puissance divine enluminé, les autres enluminoit. Lui, enflamé celestielement, les autres enflamoit. Lui, enbeu, engressé et enivré en la fervent amour celestial, les autres engressoit et enivroit. Et lui, armé de auberjon de fer de jour <i>et</i> de nuit pour bataillier contre l'ennemi et pechié, a vaincu le monde, l'ennemi <i>et</i> sa propre char et percevra en ceste bataille l'espace de L ans comme glorieux <i>et</i> vertueux <i>chevalier</i> et obtint victoire en montant es cieulx le huitiesme jour de fevrier, et est bien proprement l'<i>interposicion</i> de son nom qui est interpreté et couronné en honneur.</p>	<p>и путем ко спасению, пролегающим через бдения, молитвы, воздыхания, стенания, слезы, благочестивые коленопреклонения, посты и подаяние, а всему этому он беспрестанно предавался, и был цветком жизни духовной и спасительного учения. И столь велика была добродетель его созерцания, что как будто бы имел он крылья и пламенным желанием на небо устремлялся и там сердцем обитал. Могушеством божественным просветленный, других просветлял, небесами воспламененный, других воспламенял, ревностной любовью напитанный и опьяненный, других питал и окормлял. Денно и ношно облаченный в железную кольчугу, дабы сражаться с врагом и грехом, он поборол мирское, врага и собственную плоть и, проведя в этой битве пятьдесят лет, он одержал победу, и вознесся на небо в восьмой день февраля, и имя его как посредника и заступника произносится с почтением и увенчано славой⁴.</p>
--	--

Вышеприведенный отрывок французского жития свидетельствует о том, что, как русские агиографы, его автор стремится к максимальной эмоциональной выразительности, работая с фонетическими, семантическими и синтаксическими возможностями своего родного языка.

Длинные ряды однородных членов, несколько утяжеляя текст, придают ему определенный ритм: *voie de tout salut, de vigilles, d'oroisons, de souppirs, gemissements, de lermes, de devotz agenoillemens, de jeusnes, d'aumosnes*; в следующем примере можно говорить также об ассонансировании: *propre en humilité, virginité, verité, obedience, abstinance, pacience, foi, esperance, charité, prudence, justice, force, temperance*.

Ряды однородных членов часто имеют созвучия в окончаниях (например, *umilité et povreté* ou *tu nous as fondez* или *en grans tormens et batemens*), иногда также и в корнях (*nombrer et nommer*) или приставках (*desister et delaisser*).

В главе «*Miracle d'un cloc ou boiteux redrecié, d'un homme aveugle et de deux femmes aveugles enluminees*» мы наблюдаем ритмически организованный фрагмент – попарно рифмованный восьмисложник, представляющий собой прямую речь героев: *Aujourdui Dieu louer devons / des grans miracles que veons. Loué soit son famillier / saint Estienne le confesseur. Le pueple doit avoir grant joie / des miracles qu'il lui envoie: l'aveugle voit bien clerement, / le boiteux va abillement. Ces*

⁴ Перевод наш. – О.Ш.

deux miracles en pou d'espace / ont esté faiz par tresgrant grace, Dieu de ce doit estre loué / et saint Estienne exaucié 'Сегодня Господа должны благодарить / за чудо, что изволил нам явить. Его наперсник будь благословен, / наш исповедник господин святой Этьен. Чудеса народу посылает, / ликовать людей всех призывает: ясно видит слепой, / быстро ходит хромой. Два чуда сразу совершились – / на то была Господня милость, за то нам Господа хвалить / и святого Этьена благодарить'.

В синонимических парах, например, *ami de Dieu, des hommes et de tout le peuple*, один из членов представляет собой близкий перевод, второй добавлен переводчиком для усиления. Тавтологические сочетания, такие, как *fondeur, instituteur premier* 'основатель, первый учредитель', *soi mesme, de son propre volenté* 'сам, по своей воле', *s'est sacrifié et est offert a dieu* 'пожертвовал и посвятил себя Богу' также содержат дополнительный вариант и демонстрируют богатство языковых средств языка, на который переводят. Синонимические и тавтологические пары создают ощущение поиска языковой и художественной формы, с их помощью передается эмоциональность и динамика повествования.

Наряду с художественной реализацией семантических возможностей языка, автор перевода регулярно пользуется тавтологическими сочетаниями для внутреннего глоссирования текста, когда местные окситанские лексемы толкуются через общефранцузские: *des cloches et campanes*, *pidence: une refeccon et pidence*, *lit ou gribe, rauber et piller, cramer et bruler*.

Ряд лексем, зафиксированных в тексте, появляется во французском языке как раз в период создания памятника – в конце XIV – начале XV в. В тексте жития неологизмы глоссированы употреблением синонима: *faire les funerailles et obseques* 'хоронить', *l'encquierent et interroguerent* 'расспросили его'. Необходимо отметить, что само по себе появление окситанизмов и неологизмов, безусловно, призвано сделать текст более выразительным.

Использование повторяющихся синтаксических конструкций также является художественным приемом. Среди таких конструкций – противопоставления, выраженные семантической оппозицией прилагательных: *les choses celestialles es terrenes, les choses spirituelles es charnelles, les choses eternelles es temporelles*; противопоставления, основанные на одном качестве, но разных сторонах и степенях его проявления: *bel de corps, mais plus bel de cuer, gracieux en parolle, mes plus gracieux en euvre, noble en lignee, mais plus noble en sainteté*.

Для усиления ритма и выразительности автор сочетает повторы синтаксических конструкций с использованием однокоренных слов: *lui, par la puissance divine enluminé, les autres enluminoit. Lui, enflamé*

celestielement, les autres enflamoit. Lui, enbeu, engressé et enivré en la fervent amour celestial, les autres engressoit et enivroit.

«Как ни относиться к художественным целям, которые ставили себе авторы житийно-панегирических произведений конца XIV–XV вв., – писал Д.С. Лихачев, – необходимо все же признать, что они видели в своей писательской работе подлинное и сложное искусство, стремились извлечь из слова как можно больше внешних эффектов, виртуозно играя словами, создавая разнообразные, симметрические сочетания, вычурное “плетение словес”, словесную “паутину”»⁵.

Появление такого стиля в древнерусской литературе исследователи связывают с распространяющимся влиянием исихазма в области духовной жизни, с усилением психологизма и эмоциональности в литературе, с предвозрожденческим интересом к внутреннему миру человека. Пример Жития св. Этьена убеждает нас в том, что для французской литературы и культуры XV в. эти тенденции также важны, что эти процессы имеют более глобальный характер и происходят в разных странах в одно и то же время. И в русской и во французской литературе (и в агиографии как наиболее актуальном ее жанре) того времени шло освоение возможностей языка и поиск выразительных художественных средств, которые могли бы адекватно отразить динамику и экспрессию самой человеческой жизни на примере ее выдающихся представителей, какими видели авторы своих героев.

Список литературы

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; 1988 (репринт. изд.).

Лихачев Д.С. Предвозрождение в русской литературе. М.; Л., 1985.

Сведения об авторе: *Школьникова Ольга Юрьевна*, канд. филол. наук, доц. кафедры романского языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: chkolnikova@mail.ru

⁵ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 466.

Г.В. Зыкова, А.Ю. Карева

**НЕСТОР КУКОЛЬНИК В ПОВЕСТИ,
ФЕЛЬЕТОНЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ ПАНАЕВА:
ТРИ РАЗНЫХ ПОРТРЕТА ОДНОГО ЛИЦА**

В статье обсуждаются существенные различия между тремя памфлетными изображениями Н.В. Кукольника у И.И. Панаева (ранняя повесть, фельетон Нового поэта, воспоминания), причины, побудившие Панаева в более поздних текстах отказаться от описания заметной черты личности Кукольника – декларируемого прагматизма; речь идет также об особенностях поведения Кукольника в эпоху профессионализации литературы.

Ключевые слова: И.И. Панаев, Н.В. Кукольник, профессионализация литературы, прототип, мемуары.

The article discusses principal differences between three pamphlet depictions of N.V. Kukol'nik in I.I. Panaev's writings (an early tale, a New Poet's feuilleton and memoirs) and the reasons, that motivated Panaev in his later texts to give up the depiction of Kukol'nik personality noticeable trait – pragmatism; also some particularities of Kukol'nik behavior in the epoch of literature professionalization are discussed.

Key words: I.I. Panaev, N.V. Kukol'nik, professionalization of literature, prototype, memoirs.

Известно, что И.И. Панаев был очень склонен изображать реальных людей: выводил под вымышленными именами в беллетристике, в фельетонах часто намекал на известных лиц, не называя по имени, наконец, в конце жизни, в воспоминаниях, уже прямо свидетельствовал о них. Возможно, в этом проявлялись не только индивидуальные особенности Панаева, но и некоторая тенденция, общая, по крайней мере, для Панаева и Дружинина как автора «Чернокнижника» и «Заметок петербургского туриста», имевших скандальную известность как раз из-за узнаваемости реальных людей, не слишком скрытых вымышленными именами.

В научной литературе прототипы панаевских персонажей подробно изучены¹. Отмечались и фактические неточности, часто допускавшиеся Панаевым-мемуаристом. Чего, кажется, не делали (а между тем это иногда приводит к выразительным результатам) – не

¹ См.: Ямпольский И.Г. Из истории литературной борьбы 1840-х годов («Петербургский фельетон» и «Литературная тля» Панаева) // Ямпольский И. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 92–109; Степина М.Ю. Повесть И.И. Панаева «Великосветский хлыщ»: К вопросу о прототипах // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова. Коломна, 2001. С. 124–131.

сравнивали, насколько по-разному может выглядеть вроде бы один и тот же фактический материал, отражаясь в разных произведениях Панаева.

Лично знакомый с Н. Кукольниковом, Панаев писал о нем по меньшей мере трижды: в относительно ранней повести «Белая горячка» (1840), в фельетоне «Литературные кумиры, дилетанты и проч. (Из моих воспоминаний)» (1855) и, наконец, в воспоминаниях.

В «Белой горячке» Кукольник – прототип отрицательного персонажа, соблазняющего главного героя и повинного в его гибели (по крайней мере отчасти). Именно Кукольника в Рябинине видят комментаторы и при этом как доказательство приводят слова Белинского из письма к В.П. Боткину: «Обрати все свое внимание на лицо Рябинина – это живой, во весь рост, портрет Кукольника»². Рябинин, скажем сразу, – самая сложная версия изображения Кукольника у Панаева, здесь объединены черты, чаще считающиеся взаимоисключающими: Рябинин не только много говорит о святине искусства (что вполне подходит для Кукольника, как мы его себе привыкли представлять), но и обосновывает святостью искусства право художника на материальные блага и даже на то, чтобы сколь угодно цинично пользоваться другими людьми. Поскольку речь у нас идет не о классической прозе, позволим себе длинную выписку:

«Трусость хуже всего, иди смело вперед и не кланяйся на пути проходим. Надобно, чтобы они тебе первые кланялись. Не пренебрегай деньгами из пустого идеализма. Деньги – все: они и любовь, и дружба, и счастье, и слава!.. Деньги имеют силу сверхъестественную. С деньгами тебе неопасны будут и змеи, которые обовьют тебя; покажи им горсть золота, они сейчас же потеряют свою силу и отпадут от тебя... Итак, прежде всего наживи деньги. Искусство искусством, деньги деньгами; одно не только не помешает другому, а еще пособит. Без денег нет внутреннего спокойствия, а без внутреннего спокойствия творчество не придет к тебе. Деньги и деньги! Наживешь деньги – поезжай в Италию... вдохновение при таких обстоятельствах явится к твоим услугам, об этом не заботься – и к тебе в мастерскую нахлынет вечный город и будет тебе аплодировать. Праздные путешественники съедутся со всех концов земли смотреть твои картины; журнальные листки прогремят о тебе... И тогда, тогда только вздохни свободно и легко и скажи самому себе: слава моя упрочена, теперь мне за нее трепетать нечего... товарищи наши, конечно, люди ограниченные, – да и они пригодятся, и ими можно со временем воспользоваться; они богаты и глупы. Пиши теперь портреты, – ничего, так должно! Не кручинься о том, что у тебя в голове нет мыслей.

² Туниманов В.А. Повести и очерки Ивана Панаева // Панаев И.И. Повести, очерки. М., 1986. С. 11.

Погоди: внутренняя твоя художническая сила, что там, во глубине-то, в свое время, когда надобно, пробудится в тебе и заговорит громко, резко, повелительно: поди в свою келью, запишись, не пускай к себе никого, твори – и без твоего усилия все пойдет, как следует. Настанет это время, и сам я наклонюсь к твоему уху и шепну тебе: брось всех этих безумцев, гуляк; не теряй минуты, не пренебрегай внутренним голосом и помни, что искусство – святыня!»³.

Конечно, аморализм, признание права сильного (права гения) – вполне привычные романтические клише; вполне част и сюжет о дьяволе, соблазняющем художника деньгами (у Панаева Рябинина называют Мефистофелем; скорее всего, дело не обошлось без воспоминаний о «Портрете» Гоголя). Что в «Белой горячке» действительно необычно – специфическая комбинация клише, делающая ситуацию почти уникальной, биографически убедительной: в роли дьявола-соблазнителя оказывается тоже художник (пусть и плохой), перемешивающий в своих речах циничное и патетическое.

Хронологически следующий текст Панаева, в котором изображен Кукольник, – это фельстон из «Заметок Нового поэта», опубликованный в «Современнике» за 1855 г. (№ 12)⁴. Здесь Кукольник – безымянный первый литератор, которого Новый поэт «в жизни увидел» (с. 2); если Рябинин был подан все-таки как вымышленный персонаж и его автор претендовал на некоторое обобщение, то в фельетоне намеки на определенное, реальное лицо вполне прозрачны, из самых узнаваемых черт – вражда к Пушкину, уверенность в себе как достойном сопернике Пушкина. При этом, конечно, между персонажами повести и фельетона много общего: как и Рябинин, персонаж фельетона окружен поклонниками, как и в «Белой горячке», он пьет, только пьянство и высокопарные речи об искусстве в фельетоне описываются гораздо конкретнее и гротескнее, чем в ранней повести (хотя соответствующие фрагменты фельетона гораздо короче). Самая существенная разница между фельетоном и более ранней повестью в том, что в фельетоне *резко разведены во времени* те черты персонажа, которые в повести существовали синхронно, сочетаясь довольно неожиданно и парадоксально: если Рябинин одновременно произносит патетические речи об искусстве и циничные о деньгах, то персонаж фельетона сначала говорит об искусстве и только потом, спустя много лет, опустившись, начинает говорить о деньгах: «И из-за чего, как подумаешь теперь, мы надсаживали себе горло, бесновались до поту, отбивали себе руки? – из-за чего?.. Один из нас встретил недавно нашего бывшего кумира, оплывшего и отекавшего... “Ну, что, ты не написал ли чего-нибудь новенького?” – спросил он его. “Что-о?” – протязно проревел отставной наш кумир, усилива-

³ Панаев И.И. Указ. соч. С. 32, 43.

⁴ Дальше цит. по: Очерки из петербургской жизни Нового поэта. Ч. 1. СПб., 1860.

ясь на своем оплывшем лице изобразить иронию. “Я, брат, нынче этими пустяками не занимаюсь: я теперь кую деньгу! Теперь не то!” И, скорчив многозначительную физиономию, он важно продолжал свой путь» (с. 4). В 1850-е гг. Кукольник действительно отошел от литературы и говорил об этом⁵; но в фельетоне и сам рассказчик противопоставляет вчерашнего писателя и кумира сегодняшнему дельцу, а для знакомого с Кукольником-Рябининым такое противопоставление невозможно.

И наконец, в «Литературных воспоминаниях» Панаева 1860–1861 гг., где Кукольник впервые оказывается назван по имени, упоминается многократно и описывается подробно, мотив «кования деньги» исчезает вовсе. Кукольник остается «отрицательным персонажем», но теперь для того, чтобы его осудить и осмеять, оказывается вполне достаточно ложноромантического пафоса его речей, неадекватной самооценки и богемных привычек.

Интересующие нас изменения трудно объяснить, скажем, жанровыми различиями произведений или (поскольку речь идет об описании реального лица) тем, что Панаев узнавал о Кукольнике что-то новое. Здесь не столько добавляется, сколько, наоборот, выбрасывается деталь, причем, судя по всему, значимая для личности настоящего Кукольника.

Конечно, естественно спросить, в какой степени то, что писал Панаев о Кукольнике, может быть подтверждено другими свидетельствами – все-таки речь идет не только о персонаже, но и о человеке. Внешность Кукольника, его интонации, манера много пить примерно одинаково описываются разными мемуаристами⁶. Для нас важнее, что известно о той черте личности, которая оказалась такой изменчивой в сочинениях Панаева.

А.Н. Струговщиков, соученик Панаева по пансиону и член кружка Кукольника – Глинки – Брюллова, утверждал как раз по поводу отзывов Панаева о Кукольнике: «Диффамация собрата была коньком Панаева: ради ее он брал много на себя и зачастую не только без проверенных, но и без всяких данных»⁷. Кстати, Струговщиков, вступаясь за Кукольника уже после смерти и его самого, и Панаева, обсуждает, как можно понять из тактики защиты, не столько воспоминания или фельетон, сколько «Белую горячку»: Струговщиков

⁵ См., например, письмо Н.А. Рамазанову от 23 января 1864 г.: «Слава Богу, я вышел из литературного оумта так чист по совести, как ни одному из нынешних литературных деятелей вероятно не удастся...» (Щукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 424).

⁶ Портрет Рябинина похож, например, на портрет Кукольника в воспоминаниях А.Я. Панаевой (см.: *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 62). О легендарных выпивках в кружке Кукольника – Брюллова – Глинки пишут все, например Никитенко в своем дневнике.

⁷ Михаил Иванович Глинка. Воспоминания. 1839–1841 // Русская старина. 1874. № 4. С. 702.

отводит, или, скорее, уточняет именно обвинения в алчности и пр., т.е. то самое, что есть только в повести. Следовательно, и после публикации воспоминаний «Белая горячка» продолжает восприниматься как наиболее развернутое и принципиальное высказывание Панаева о Кукольнике. Приведем этот фрагмент из воспоминаний Струговщикова, потому что здесь не только указывается на неточность и несправедливость Панаева, но и отчасти описываются те в реальности бывшие основания, которые дали повод молодому Панаеву напасть на Кукольника: «...самая личность Кукольника, не в меру пострадавшая от литературных нападков, была вовсе не такова, какую ее выставлял мой однокашник И.И. Панаев... К тому же Н. Кукольнику приходилось служить козлом очищения и за брата, который пользовался не совсем лестной репутацией по управлению им делами Новосильцевых.

Правда, напускное, натянутое простодушие Кукольника было скоро разгадано, и действительно, трудно было встретить человека, который бы хитрил менее ловко и без всякой надобности, потому что природные дарования и склонность к труду его обеспечивали. Правда и то, что тщеславие и до цинизма доведенное им пренебрежение общественных приличий могли быть объяснены только отсутствием разумности, которую он был обделен в пользу его дарований; но все же его слабости не были в существенный ущерб обществу или ближнему, в чем справедливо обвинялся Платон Кукольник, его старший брат...»⁸. Среди прискорбных черт Н. Кукольника Струговщиков называет также «склонность писать скоро, без оглядки, большею частью из-за гонорария...».

Имя Нестора Кукольника многие его современники так или иначе связывали с разговором о деньгах и о попытках практической деятельности; при этом Кукольник мог оцениваться очень различно. Глинка с благодарностью вспоминал, как удачно братья Кукольники помогали ему в улаживании финансовых трудностей. Лесков вспоминает как раз Кукольника и нелитературную часть его карьеры, когда объясняет в частном письме⁹, почему «не быть из литератора вертоградарю... Да; противный, гадкий, колкий и голодный путь: а все-таки мы с него не должны сворачивать, ибо куда ни повернем, везде скикуем...». Н.Ф. Щербина со свойственной ему резкостью обвинял Кукольника в казнокрадстве:

«Хоть теперь ты ех-писатель,
Ех-чиновник, ех-делец
И казны ех-обиратель –
Все же ты не ех-подлец.
Июль 1859».

⁸ Там же. С. 702–703, 708.

⁹ П.К. Щербальскому, 16 апреля 1871 г.

Эпиграмму Щербина пояснял так: «Кукольник теперь поселился в Таганроге, обеспечив себя казнокрадством, служа по провиантской части во время Крымской кампании. Он сказал одному моему знакомому, что он уже теперь “ex-чиновник” и “ex-писатель”. Это и подало мне повод к вышеописанной эпиграмме»¹⁰. Скорее всего, такие обличения объясняются тем, что, с точки зрения литераторов XIX в., государственная служба по определению была занятием сомнительным и компрометирующим. Современные историки скорее склонны говорить об общественных заслугах Кукольника как чиновника и гражданина (и это при неизменно скверной репутации Кукольника как писателя).

Что касается слов самого Кукольника об интересующем нас предмете, то, действительно, очень заметно, что шаткость своего материального положения беспокоила его так, что он говорил об этом не просто часто, но и в манере, выходящей за пределы общепринятого: например, в писанных наставлениях племяннику советовал никому и никогда не одалживать денег и даже смело врать, если его о них просят¹¹; в письме Н.А. Размазанову пророчил ему «черный день» и обвинял в неизбежности этого черного дня, видимо, коллег-литераторов: «Работай, трудись, но не забывай сколотить копейку на черный день, а он придет, потому, что наши деятели на том стоят, чтобы разрушить все начала взаимного самоуважения, построить себе дома, развезжать в каретах на счет тружеников, которых можно держать в черной коже... Это Русь неумытая...»¹².

Что касается права хорошего художника делать плохие, но нравящиеся толпе портреты и права пользоваться дарами мецената, одновременно этого мецената презирая, – а именно проповедь таких прав – самое шокирующее в Рябинине из «Белой горячки», – неудивительно, что такие речи если и произносились Кукольником на самом деле, остались незадокументированными из-за их слишком скандальной природы. В воспоминаниях о Кукольнике ближе всего к чертам Рябинина подходит декларируемое презрение к толпе, о котором писала С.В. Ковалевская: «Кульг гения и презрение к толпе – было лозунгом этого кружка. “Все человечество, взятое как целое, глупо и ничтожно, – проповедовали они. – Роль толпы – служить лишь удобрием, на котором могут вырасти несколько отдельных выдающихся личностей. Таких избранников судьбы, “гениев”, ради которых существует все человечество, является, быть может, два-три в течение целого столетия; но они составляют “соль земли”. Подобно тому, как агава растет в каменистой пустыне и лишь

¹⁰ Цит. по: Муза пламенной сатиры. М., 1988. С. 196.

¹¹ См. эти наставления среди других документальных текстов Кукольника (Русская старина. 1901. № 3).

¹² Цит. письмо, с. 425.

раз в жизни, перед смертью, распускается пышным цветком, так и миллионы людей должны страдать, работать, погибнуть бесследно, прежде чем из среды себя удастся выдвинуть гения. Гений носит в груди своей Божественную искру и в делах своих отдает отчет одному Богу. Законы обыкновенной нравственности, обязательные для простых смертных, про него не писаны. Толпа должна бежать за колесницей гения, как послушный раб или как влюбленная женщина, и не беда, если колесница эта в своем торжественном шествии придавит сотни маленьких, темных людей»¹³. Здесь в иронически переданных высокопарных речах нет, в отличие от речей Рябинина, прямого называния вещей своими именами, зато много тропов («удобрение», «колесница» и проч.). Если учитывать, какова была репутация Кукольника времен «Белой горячки», сама возможность циничных речей вполне мыслима и объяснима: как принято считать, свою знаменитую пьесу о «Руке Всевышнего» Кукольник сочинил, чтобы выбиться из нищеты, и при этом нарушил уже вполне сложившийся в русской литературной среде запрет на сближение с властью; официозность Кукольника шокировала, например, Никитенку¹⁴, и эпатирующие речи в своем кругу вполне могли быть порождены желанием оправдаться, самоутвердиться. Тем не менее повторяем, прямых документальных свидетельств нет.

Зато в некоторых сочинениях Кукольника, предназначенных для печати, есть, например, рассуждения о меценатстве, хотя, конечно, тон там совсем иной, нежели в «Белой горячке» (в повести Рябинин советует пользоваться чужими слабостями, чужим тщеславием, а Кукольник как автор статей меценатами словно бы восхищается). Напомним, что в повести именно опасное сближение с меценатствующим аристократическим семейством доводит художника до самоубийства, а Рябинин-Кукольник толкает главного героя на такое сближение.

В 1837 г. в одной из статей издаваемой им «Художественной газете»¹⁵, рецензируя книгу гравюр, Кукольник так обсуждает положение гравировального искусства в России: «Начнем с граверов высшего разряда; что ему делать в России? – Гравировать “Последний день Помпеи”?» – Сколько нужно лет для добросовестного исполнения этого огромного труда? По крайней мере лет десять. На прокормление гравера бессемейного в течение десяти лет нужно сорок тысяч:

¹³ Ковалевская С.В. Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повесть. М.; Л., 1974. С. 174–176.

¹⁴ Подробнее об этом см., например: Кошелев В.А. «Рука Всевышнего» и «Российский Бог» // Русская литература. 2008. № 1.

¹⁵ Напомним, что Кукольник был не просто литератор, но музыкант-дилетант, друг Глинки, и человек, делавший одно из первых периодических изданий в России, посвященных изящным искусствам, музыке и театру, – черта, наиболее явно сближающая его с Рябининым.

самое умеренное содержание в нашей столице. Труд исполнен. Кто ему за него заплатит? публика? Для возвращения издержек нужно продать 200 экземпляров по 200 рублей; не так ли? Сами скажите, возможное ли это дело? Кто у нас заплатит за гравюру 200 рублей, а таких нужно по крайней мере 200 человек; не считаю процентов на сорок тысяч долгу, который накопил гравер, да и может ли он выдержать такой долг до конца. Смешно и думать. Каким же образом в чужих краях гравируют и обогащаются? А вот как: или вельможа-ревнитель назначает все нужное для гравера содержание, с тем что, если Бог даст, продажа будет хороша, он возвратит свои издержки, а иногда и не требует возвращения, а нередко от себя еще дает ему вознаграждение (кроме содержания) за славу и за искусство; или продавец-спекулятор платит дорогую цену, нередко вперед, граверу, и еще находит важную прибыль в распродаже. Миллер – гравировал Мадонну Рафаэля на пенсии; Тоски по 100 т. франков получал вперед за многие и не весьма сложные гравюры. – Есть ли у нас эти вельможи-ревнители, эти продавцы-спекуляторы? – Сами решайте. В произведениях эфемерных утрачивается последняя приманка для хорошего гравера, – слава; для него остается одна цель – выгода: и действительно, не дешево берут английские виньетные граверы, и никто на них не жалуется; обращаются к нашим, и потому что русские, требуют от них какого-то патриотического, заметим, самоотвержения: превосходной работы и ничтожной цены. – Кроме других последствий, эта странность наших покупателей и вообще всякого рода потребителей должна невыгодно действовать на самую честность продавцов, которым во всяком случае нужен кусок хлеба»¹⁶.

Характерно, что Кукольник обсуждает прежде всего именно денежную сторону дела, причем в подробностях, обнаруживающих знатока вопроса и, видимо, не столь частых в статье об искусстве. Но еще важнее для нас, что в 1837 г. Кукольник, говоря о возможных источниках финансирования, первым называет не «продавца-спекулятора», а «вельможу-ревнителя». Причем речь идет даже не о патриархальной России, а о Европе. Между тем в Европе, да и в России, меценатство уже воспринималось как нечто устаревшее и этически сомнительное. Общеизвестны слова Пушкина об этом; несколько менее известно, что вполне аналогичные пушкинским рассуждения о том, как в XIX в. книжная торговля заменила собой институты меценатства, можно найти не только у Сенковского (у него этого много), но и в западной журналистике, в том числе такой, которая была заведомо знакома русским литераторам тридцатых го-

¹⁶ Всемирная панорама, или Галерея привлекательнейших видов, ландшафтов, памятников и развалин, снятых с природы и гравированных на стали искуснейшими художниками, издаваемая Иваном Делакроа. Рига, в типографии Миллера. 1833–1836–1837 // Художественная газета. 1837. № 2. С. 33–34.

дов¹⁷. Кукольник как практический деятель – выразительное явление времени профессионализации литературы, профессионализации, бурно обсуждавшейся, когда любая бестактность на этом пути могла стоить репутации.

Итак, судя по всему, среди панаевских изображений Кукольника, как ни странно, персонаж повести не только вариант самый сложный, но и наиболее близкий к реальному Кукольнику. Как же все-таки можно объяснить отказ Панаева-мемуариста от описания важной и хорошо известной особенности поведения Кукольника?

К шестидесятым годам по сравнению с началом сороковых изменились ценности литературной среды, к которой принадлежал Панаев, набор запретов, представления о дурном, разделявшиеся потенциальным читателем Панаева: подчеркнутый практицизм, который шокировал когда-то в Кукольнике, сам по себе перестал восприниматься как нечто аморальное и невозможное для человека искусства (о конкретных формах проявления этого практицизма мы здесь не говорим). Практицизм оценивался как правильная жизненная позиция именно в кругу «Современника»: по крайней мере, такая репутация у деятелей «Современника» сложилась в глазах посторонних наблюдателей¹⁸, и осуждать чужой прагматизм на страницах «Современника» для Панаева оказалось невозможно.

Список литературы

Ковалевская С.В. Воспоминания детства // Воспоминания. Повести. М.; Л., 1974.

Кожелев В.А. «Рука Всевышнего» и «Российский Бог» // Русская литература. 2008. № 1.

Кукольник Н.В. Письма // Русская старина. 1901. № 3.

Михаил Иванович Глинка. Воспоминания. 1839–1841 // Русская старина. 1874. № 4.

Очерки из петербургской жизни Нового поэта. Ч. 1. СПб., 1860.

¹⁷ См., например, в статье Т. Маколя «Poems of Mr. Robert Montgomery. The modern Practise of Puffing». Вошло в шеститомник избранных статей из «Эдинбургского ежеквартального обозрения», имеющийся в личной библиотеке Пушкина; первый том, где перепечатана статья Маколя, Пушкиным разрезан (Selections from the Edinburgh Review comprising the Best Articles in that Journal, from its commencement to the present time with a preliminary dissertation, and explanatory notes: In six volumes. Paris: Baudry's European Library, 1835. Vol. I. P. 363–375). Подробнее возможные соответствия между «Эдинбургским ежеквартальным обозрением» и русской словесностью обсуждались в работе: *Смикулис Ольга*. Пушкинский «Современник» и «Эдинбургское ежеквартальное обозрение»: Диплом. работа, защищенная на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2008. Май.

¹⁸ Например, с точки зрения молодой редакции «Москвитянина», проповедь циничного прагматизма – самая заметная черта фельетонов Нового поэта (Панаева – Некрасова): об этом см. статьи Б. Алмазова – Эраста Благодрава и Ап. Григорьева, особенно в 1852 г.

Панаев И.И. Повести, очерки. М., 1986.

Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1956.

Смикулис О. Пушкинский «Современник» и «Эдинбургское ежеквартальное обозрение»: Диплом. работа, защищенная на кафедре ист. рус. лит. филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. 2008. Май.

Степина М.Ю. Повесть И.И. Панаева «Великосветский хлыщ»: К вопросу о прототипах // Литературные мелочи прошлого тысячелетия: К 80-летию Г.В. Краснова. Коломна, 2001.

Туниманов В.А. Повести и очерки Ивана Панаева // Панаев И.И. Повести, очерки. М., 1986.

Художественная газета. 1837.

Щукинский сборник. Вып. 6. М., 1907.

Ямпольский И.Г. Из истории литературной борьбы 1840-х годов («Петербургский фельетон» и «Литературная тля» Панаева) // Ямпольский И. Поэты и прозаики. Л., 1986.

Macauley T. Poems of Mr. Robert Montgomery. The modern Practice of Puffing // Selections from the Edinburgh Review comprising the Best Articles in that Journal, from its commencement to the present time with a preliminary dissertation, and explanatory notes: In six volumes. P., 1835. Vol. I.

Сведения об авторах: *Зыкова Галина Владимировна*, докт. филол. наук, доц. кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова; *Карева Анастасия Юрьевна*, аспирант кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ. E-mail: gzykova@mail.ru

А.В. Сергеев

ТВОРЧЕСТВО Х. ИБСЕНА В ОЦЕНКЕ Г. БРАНДЕСА

В статье раскрывается отношение Г. Брандеса к Ибсену, в котором датский критик видел идеал писателя-современника. Ибсен для Брандеса – это прежде всего непримиримый борец за свободу и моралист. Именно с верой в свободу Брандес связывает «революционное мировоззрение» Ибсена, его «исторический оптимизм и надежду на будущее». При этом, как считает Брандес, свой индивидуализм Ибсен доводит до крайности, напоминая Киркегора. В отличие от последнего у него полная неясность в отношении к религии. Брандес против того, чтобы считать «Бранда» и «Кесаря и галилеянина» религиозными драмами. Для него важна общественно-политическая позиция норвежского драматурга. Ибсен для Брандеса был и остается гениальным создателем современной реалистической драмы, насыщенной самыми острыми социальными, философскими и моральными проблемами своего времени.

Ключевые слова: современный писатель, непримиримый борец за свободу, моралист, индивидуализм, религия, общественно-политическая позиция, реалистическая драма современности.

In the article Brandes's attitude to Ibsen is revealed. The Danish critic considered Ibsen as an ideal of the contemporary writer. Ibsen for Brandes is first of all an implacable fighter for freedom and a moralist. Ibsen's «revolutionary outlook», his «historical optimism and hope for the future» is linked by Brandes with the writer's belief in freedom. Ibsen carries his individualism to extremes, as Brandes considers, resembling Kierkegaard in this respect. Unlike the latter, though, he is «totally ambiguous» in his attitude to religion. Brandes refuses to consider «Brand» and «Emperor and Galilean» as religious dramas. The Norwegian playwright's social and political position plays a key role for him. Ibsen remains for Brandes the founder of modern realistic drama posing the sharpest social, philosophical and moral problems of the time.

Key words: uncompromising fighter for freedom, moralist, individualism, religion, political position, realistic drama of contemporary times

Георг Брандес (1842–1927) несомненно является основоположником изучения творчества великого норвежского драматурга. По словам самого критика, его статья «Первое впечатление» (1867) стала «первым появившимся в печати цельным изложением жизни и творчества Ибсена» (62)¹. За ней последовала статья «Второе впечатление» (1882) и, наконец, «Третье впечатление» (1898). В этих статьях раскрывается своеобразие идейного и творческого облика

¹ Брандес Г. Собр. соч.: В 20 т. (1906–1914). Т. 1: Скандинавская литература. СПб., 1906. Здесь и далее страницы даны в круглых скобках.

Ибсена, который, как признается Брандес, «как никто другой оказал такое огромное влияние на мою внутреннюю жизнь» (190).

Статья «Первое впечатление» посвящена романтическому периоду в творчестве драматурга. В ней рассмотрены в основном исторические и философские драмы Ибсена, их анализ показывает, насколько глубоко начинающему критику удастся проникнуть в тайну его творчества.

Прежде всего Брандес ставит вопрос о духовном облике Ибсена и его отношении к норвежскому обществу, что в свою очередь определяет разработку конфликта и особенности характера героев в его произведениях. По мнению Брандеса, Ибсен – это «непримиримый критик общества и моралист», «человек борьбы», бросивший вызов «всему существующему общественному строю» (6). В современном обществе Ибсен «усматривает только дурные его стороны и преступления, замечает противоречия между тем, что должно быть, и тем, что есть» (7). Его внимание сосредоточено на жизненных противоречиях: «поэт отдает предпочтение напряженным отношениям и ситуациям, в которых великие силы гибнут без пользы для себя и других» (20). Он смотрит на жизнь пессимистически, не питая иллюзий относительно состояния общества. В то же время его пессимизм особый, он сродни гневу или нравственному негодованию. Писатель не жалуется, он обвиняет. Примером тому служат трагические судьбы героинь в его исторических драмах (Фру Ингер в «Фру Ингер из Эстрота» (1854) и Йордис в «Воителях в Хельгеланде» (завершена в 1857 г.), становящихся жертвами политических интриг.

Наиболее проблемными и полемичными среди ранних драм Ибсена Брандес считает «Бранда» (1866) и «Пер Гюнта» (1867). В «Бранде», по его словам, драматург беспощадно поражает современность, хотя в пылу полемики ему не всегда удается сохранять объективность по отношению к герою: «Бранд предъявляет другим самые крайние требования, между тем как сам не достиг еще полного развития <...> Ему недостает не только ума, но и мудрости, без которой нельзя служить вполне добру» (40). Как поэтический идеал «герой лишен прочной почвы, прочного основания: в тех местах, где поэт хотел произвести на читателя впечатление его права, он вызывает у зрителей возмущение» (41). Подобные художественные недостатки в изображении Бранда присущи и некоторым другим персонажам. По мнению критика, эти недостатки вызваны непродуманностью сценических мотивировок. К тому же изображение персонажей схематично: они «не действуют, а декламируют; не разговаривают, а провозглашают истины и осыпают друг друга градом слов...» (43). Все дело в том, полагает Брандес, что «главные действующие лица суть воплощенные понятия <...> его образы никак не хотят принять всесторонний, жизненный характер» (45). Отсюда и «тянется нить к склонности Ибсена к изображению отвлеченному и символическому» (45).

В художественном плане «Бранда» превосходит драма «Пер Гюнт», покоряющая Брандеса своими достоинствами. «Мы встречаем в поэме такое богатство поэзии и такую глубину мысли, каких не заключает в себе, быть может, ни одно из более ранних произведений Ибсена» (55). С задачей, которую Ибсен ставил перед собой в этой драме – «...описать человека с его оборотной нравственной стороны» (54) – драматург блестяще справился. Он создал персонаж, в котором воплотил «трусливый эгоизм в форме самообмана и лжи» (55). «На героя, как на козла отпущения, Ибсен сваливает все людские недостатки; но общечеловеческие слабости и дурные стороны проявляются у него главным образом в одном пороке: в желании с помощью фантазии возвыситься над жизнью, в нравственной порче, грозящей человеку, если он с помощью фантазии так долго отгоняет от себя все серьезное и решающее, что сама его личность в конце концов ожесточается и каменеет в собственном эгоизме» (54). По мнению Брандеса, это именно то, что «Киркегор определил как эстетическое существование в противоположность этическому» (55). Судьбу Пер Гюнта Брандес сравнивает с судьбой Адама Хомо, героя одноименного романа в стихах Ф. Палудана-Мюллера. «Пер Гюнт падает все глубже и глубже и в конце концов получает спасение благодаря женщине, в сердце которой, полном любви, веры и надежды, он, несмотря на свое ничтожество, постоянно присутствовал в образе именно того идеального существа, каким он должен был быть» (55). Однако искупление вины Пера любовью Сольвейг все же кажется Брандесу «уж слишком доктринерским» (55).

В заключение Брандес высказывает еще несколько критических замечаний. Он полагает, что поэма Ибсена «Пер Гюнт» все же не может быть названа ни прекрасной, ни правдивой. «Презрение и ненависть к людям, на которых она построена, плохая основа для возведения поэтических произведений» (56–57). У поэта, подчеркивает Брандес, иное призвание, чем быть только лишь «хулителем человеческой природы» (57). Он должен быть главным образом философом и гуманистом. Одновременно Брандес выступает в защиту творческой фантазии. Если бы Ибсен был философом, каким обязательно должен быть поэт, считает он, то «вместо того, чтобы так неукладно бороться с самообманом, указал бы фантазии надлежащее для нее место в человеческой жизни <...> хотя фантазия и обращается иногда в пагубную силу, в других случаях она приносит много добра, утешения и радостей <...> но для такой точки зрения у Ибсена в настоящее время нет ни охоты, ни призвания; он гораздо лучше чувствует себя в роли полемика» (58).

Статья «Первое впечатление» была написана в те годы, когда Брандес находился под впечатлением от эстетики Гегеля, с которой он познакомился благодаря сочинениям датского гегельянца, видного поэта и драматурга Й.П. Хейберга. Поэтому в центре внимания

критика – общественная и этическая проблематика «Бранда» и «Пер Гюнта», которая, на его взгляд, не обрела еще совершенную художественную форму. В период работы над статьей «Второе впечатление» Брандес уже испытал на себе воздействие идей французских критиков Тэна и Сент-Бева. Тщательно анализируя идейно-художественное содержание произведений, он в значительно большей мере, чем прежде, уделяет внимание исследованию историко-культурной среды и особенностей внутреннего склада личности драматурга.

Брандес характеризует теперь Ибсена как «продукт окружающего мира», социальной и национальной жизни. Ибсен – это «суровый ригорист, отличающийся чисто скандинавским характером и темпераментом» (60). В «Бранде», по словам Брандеса, к «частным поводам для недовольства» (под которыми подразумеваются резкие нападки на драматурга за его острую общественную критику) присоединилось чувство глубокого негодования на образ действия Норвегии во время Датско-прусской войны 1864 г. (Норвегия отказала в помощи братскому народу): «...родина показалась ему мещанской, малодушной и трусливой. Она до такой степени возмутила его, что он постарался поскорее покинуть Норвегию» (62). Значительную часть статьи Брандес посвящает характеристике личности Ибсена. Большую роль в формировании характера и мировоззрения драматурга сыграли его детские впечатления: «...на его личность неизгладимую печать наложила бедность родителей, развившая в нем неуверенность в обществе, честолюбие, направленное к приобретению внешних знаков отличия, непреодолимую потребность опираться всегда на самого себя» (60). Когда же он начал вести самостоятельную жизнь, то столкнулся с враждебным отношением общественной среды. Описывая те испытания, которые в юности выпали на долю Ибсена, Брандес разделяет его обличительный пафос по поводу царящего в норвежском обществе морального упадка. «Первое глубокое впечатление, полученное им, как только он стал вполне развитой индивидуальностью в духовном отношении – это редкость нравственных идеалов в современном обществе <...> от пронизательного взгляда Ибсена не могли укрыться ничтожество и пошлость, прикрываемые подчас громкими фразами о политической свободе и прогрессе» (67).

Критик солидарен с Ибсеном и в том, что испорченности общества следует противопоставить веру в отдельную личность. «Он никогда не сомневался, что если бы его, одинокого человека, поставить на чашку весов, а то, что называется обществом, – для Ибсена воплощение всего, что боится истины и что желает прикрыть недостатки громкими фразами, – на другую, то обе чашки пришли бы по крайней мере в равновесие» (70). Заботу об отдельной личности, как показывает Брандес, Ибсен простирает далее. Чтобы развить все возможности, которые скрываются в индивидууме, человек должен стать одиноким, свободным. Именно с этой верой в свободу человека

Брандес связывает «революционное мировоззрение» Ибсена, его «исторический оптимизм и надежды на лучшее будущее». Его отношение к свободе носит не формальный, а творческий характер. «Он придает ценность и значение свободе, находящейся не в состоянии мертвенного покоя, а в состоянии борьбы, свободе как стремлению вперед» (84). Таким образом, свой индивидуализм, отстаивающий духовную самобытность и свободу отдельной личности, считает Брандес, Ибсен доводит до крайности, напоминая в этом отношении Киркегора. Но если для последнего ценность личности представляется мистической, сверхъестественной, то Ибсен исходит всегда от земной основы. Человек, по его мнению, зависит не только от высших сил, но прежде всего от собственных.

Ибсен для Брандеса – писатель европейского масштаба, «вдохновленный идеями своего времени» и, как истинный поэт, «воплощающий их в высокохудожественных произведениях искусства» (99). Он никогда не испытывал страха перед новыми идеями, но часто воспринимал их инстинктивно. Так, например, по мнению Брандеса, «первоначально Ибсен не отдавал себе отчета в значении идей женской эмансипации. Но как подлинный художник он не мог не стать выразителем этой идеи, имевшей исключительно важное значение для революционной борьбы своего времени. И теперь, когда читаешь реплики в последней сцене “Кукольного дома”, то чувствуешь, что Ибсен не только всецело проникся идеями своего времени, но и придал им болес грандиозный характер...» (117). Творчество Ибсена, замечает Брандес, находится в постоянном развитии, «вступая во все более и более тесную связь с основными идеями своего времени». «Мы видим, как Ибсен, который, как и все писатели старшего поколения, вначале был тесно связан со старым романтизмом, постепенно преодолевал его влияние и стал по-настоящему современным писателем, самым современным из современных поэтов <...>. Этим он заслужил себе неуязвимую славу, а его произведения приобрели право на прочное существование» (120).

Какие же именно идеи имели для Ибсена первостепенное значение? Для Брандеса главным образом – это отношение к религии, борьба общественных классов, проблемы женской эмансипации.

Ибсен, выросший и воспитанный на романтических идеях эпохи, обнаружил сначала, по мнению Брандеса, полную неясность в своем отношении к религии. Кроме того, в силу разных причин в его натуре сочетались «врожденная склонность к мистике и столь же врожденная склонность к сухой рассудочности» (104). «“Бранд” и “Столпы общества” в главных своих пунктах до такой степени различны, что можно подумать, будто эти две драмы написаны разными писателями. Первое произведение по существу своему чисто и резко мистическое, содержанием второго является чистейшая проза. Пер-

вос до крайности экзальтировано, второе проповедует совершенно буржуазную мораль» (104).

При этом Брандес категорически против того, чтобы считать «Бранда» религиозной драмой. Он цитирует слова Ибсена из письма к нему от 26 июня 1879 г., которое свидетельствует о том, как мало значения сам драматург придавал духовному званию Бранда. «Главная мысль произведения заключается в готовности к самопожертвованию, в силе характера, а не в учении» (106). Он развивает эту мысль, обращаясь к драме Ибсена «Кесарь и Галилеянин» (1873). «Стремление к мученичеству выставляется в ней наилучшим мериллом истины, только то учение действительно обладает внутренним смыслом, которое в состоянии вдохновлять собой мучеников» (107). Этот взгляд, продолжает Брандес, «соединяется у Ибсена сначала с полумистическим, полуфилософским детерминизмом, далее с шопенгауэрской верой в бессознательную и неодолимую мировую волю, наконец, с современным пророчеством о слиянии язычества и христианства в третьем царстве, которое должно сменить их» (107), причем «Третье царство» рисуется в «Кесаре и Галилеянине» в таких же неясных очертаниях, как *deus caritatis* в конце «Бранда» (107).

Куда важнее и отчетливее, на взгляд Брандеса, в творчестве Ибсена его общественно-политическая критика. Его юношескую драму «Катилина» (1849) Брандес называет «первым объявлением войны современному обществу», а первую «новую драму» – «Столпы общества» (1877) – звонкой пощечиной господствующим классам Норвегии. «Когда эта комедия давалась в Берлине, многие из зрителей <...> стали утверждать, что комедия сочинена социалистом» (112).

Еще одна проблема, волнующая драматурга, – проблема женского равноправия. Она представляется Брандесу в высшей степени характерной для творчества Ибсена. Сначала «Кукольный дом», а потом еще больше, чем «Кукольный дом», весь филистерский мир повергли в ужас его «Привидения» (попытка к восстанию против унижительного положения женщины в семье). «Буря, поднявшаяся после появления “Привидений”, не могла не укрепить в нем убеждения в ничтожестве большинства» (121).

Анализ драмы «Маленький Эйольф» (1894) позволяет Брандесу еще раз вернуться к мысли о противоречивости сознания Ибсена, отразившегося в его драмах: «Он защищает человеческую природу и в то же время бичует ее своей мистической моралью, так что иногда первый голос принадлежит природе, а другой раз морали и наоборот. В “Сольнесе” и “Привидениях” поклонник природы берет верх в душе Ибсена, в “Бранде” и “Дикой утке” – бичующий ее моралист» (176).

В конце статьи Брандес отдает должное мастерству Ибсена-драматурга. Персонажи пьес Ибсена о современности становились

ближе к действительности, ясней и более совершенными в художественном отношении (122). Его искусство драмы возрастало от книги к книге. «В “Кукольном доме” он превзошел по технике знаменитейших французских драматургов; в “Привидениях” он проявил такую уверенность, простоту и тонкость драматического изложения, что заставил нас вспомнить о древней трагедии Софокла (“Царь Эдип”))» (122). Хорошим предвестием будущих работ Ибсена, заключает Брандес, служит то, что «по мере восприятия современных идей, Ибсен становится все более и более великим художником» (121).

В статье «Третье впечатление», посвященной в основном анализу позднего творчества драматурга, Брандес показывает, что, несмотря на появление в нем новых черт, связанных во многом с изображением внутреннего мира героев, характер его принципиально не изменился. Однако обсуждаемые им и прежде проблемы на новом этапе стали звучать еще более остро и бескомпромиссно. Никогда еще драматург не произносил с такой энергией и силой слова о том, что большинство всегда не право. Пьеса «Враг народа» оканчивается парадоксом, напоминающим слова Киркегора: «Самый сильный человек в мире тот, кто стоит один» (147). «Дикую утку» (1879) Брандес называет самой пессимистической из его драм, «в ней Ибсен словно задается вопросом: действительно ли на поэта возложена обязанность провозглашать таким средним людям, как норвежская публика, истину, не есть ли ложь необходимое условие их существования?» (149). На этот вопрос, по мнению Брандеса, драматург отвечает утвердительно устами цинично-добродушного Реллинга. Сокрушительное поражение ожидает героя «Росмерсхольма» (1886), пастора Росмера, мечтающего «обратить своих соотечественников в гордых, свободных и благородных людей» (149), за что он подвергается всевозможным нападкам со стороны консерваторов и либералов. «Таким же нападкам подвергался некоторое время и сам Ибсен, после того, как он (с точки зрения консерваторов) объявил себя сторонником радикализма» (150).

Рассматривая художественные особенности поздних драм Ибсена, Брандес обращает внимание на то, что в некоторых из них («Женщина с моря», 1888; «Строитель Сольнес», 1892) Ибсен возвращается к символическому направлению, которому следовал в молодости, когда создавал «Бранда» и «Пер Гюнта». «Читая эту пьесу (“Женщину с моря”), чувствуешь впервые, что полемическому периоду в творческой жизни Ибсена наступил конец. Пьеса действует на нас, как психологически-фантастический эксперимент, проведенный с большим искусством» (153). Как и «Женщина с моря», «Строитель Сольнес», по определению Брандеса, также глубоко символическая драма с «реалистически выписанными образами персонажей» и «полумифологической формой» (154). При этом следует отметить, что в

употреблении Брандесом термина «символизм» существует некая неясность, неопределенность. С символами критик ассоциирует прежде всего фантастические образы, как, например, образ моряка, «объект мистической тоски Элиды Вангель», или имеющие «двойственный смысл» поступки героев, как, например, «восхождение Сольнеса на вершину башни». «Стоило бы хоть одному из действующих лиц заметить, что это не масштаб для определения значения зодчего, может ли он подняться без головокружения на высоту башни или нет, – и все настроение и символика рассеялись бы прахом» (171). В целом же Брандес считает, что творчество Ибсена к символизму, как прежде к натурализму, по сути своей никакого отношения не имеет. «У Ибсена в течение более чем трех десятилетий натурализм и символизм мирно уживались друг с другом <...>. И хотя его поэзия, согласно природе его существа, всегда верна истине, в то же время он настолько поэт, что постоянно придает действительности, которую изображает, более глубокое толкование» (174).

В конце статьи Брандес вновь восхищается творческим гением Ибсена, который своим примером вдохновляет и воспитывает новое поколение скандинавских писателей.

Подводя итоги, можно отметить следующее: заслуга Брандеса как исследователя заключается прежде всего в том, что он первым среди европейских критиков сумел раскрыть особенности мировоззрения и творчества великого норвежского драматурга. Брандес показал, что индивидуализм Ибсена, проявившийся вначале как созвучный мыслям Киркегора облаченный в «христианские одежды» общественный протест, на всех этапах творческого пути драматурга был направлен против компромиссов с существующим общественным порядком. Наконец, какие бы новые черты в его творчестве ни возникали, с какими бы направлениями оно ни соприкасалось, Ибсен для Брандеса был и остался создателем современной реалистической драмы, насыщенной самыми острыми социальными, философскими и моральными проблемами своего времени.

Список литературы

Брандес Г. Собр. соч.: В 20 т. (1906–1914). Т. 1: Скандинавская литература. СПб., 1906.

Сведения об авторе: *Сергеев Александр Васильевич*, канд. филол. наук, доц. кафедры истории зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: av-sergeev@mail.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Мурьянов М. Ф. ИСТОРИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ. ОЧЕРКИ: В 2 ч.

СПб.: Издательский дом «Мирь», 2007. Ч. 1. – 624 с.; 2008. Ч. 2. – 648 с.

После того, как Коперник открыл глаза человечеству на действие главного часового механизма природы и всем стало ясно, что выражения *восход солнца, закат солнца* совершенно не соответствуют истинному положению вещей, ни один язык мира не предложил иных, правильных слов для обозначения этих моментов суточного цикла. Старые слова продолжают жить, это тот случай, о котором хорошо сказал Пушкин: «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!»

Мурьянов М. Ф. Время (понятие и слово) (ч. 1. С. 324)

Выход в свет двухтомника трудов Михаила Федоровича Мурьянова (1928–1995), в который вошло более 100 статей исследователя, в том числе неопубликованные или опубликованные за границей и малыми тиражами, по праву можно считать событием. Собранные под одной обложкой, статьи разных лет, как хочется надеяться, наконец-то обретут широкую известность в кругах не только специалистов, но и людей, интересующихся языком, литературой и культурой.

В предисловии Т. А. Исаченко отмечает, что работы М. Ф. Мурьянова «позволяют прояснить многие вопросы в истории культуры, литературы, лингвистики, истории Церкви и гражданской истории. Понятие *текст* (здесь и далее выделено автором. – А. А.) при этом имело для него весьма широкое наполнение – оно включало мозаику и икону, фресковую живопись и книжную миниатюру, которые также для М. Ф. Мурьянова являлись *текстами*, требующими компетентного прочтения» (ч. 1. С. 9). Справедливость сказанного особенно очевидна читателю нового двухтомника, потому что в нем есть работы, посвященные рассмотрению не только лингвистических, литературоведческих и культурологических вопросов на материале памятников XI–XX вв., но и анализу иконописных и фресковых изображений, политических и церковных противоречий, хронометрии и календа-

ря Киевской Руси, космологии и астрономии и т.д. Характерно, что вошедшие в двухтомник статьи М.Ф. Мурьянова были в свое время опубликованы не только в ведущих филологических изданиях («Советское славяноведение», «Вопросы языкознания», «Русская речь», «Русская литература», «Этимология», «Византийский временник», «Byzantinoslavica», «Slavia», «Philologica»), но и в журналах «Вопросы истории астрономии», «Судостроение», «Клиническая медицина». Сам М.Ф. Мурьянов одну из своих статей недаром начал словами: «Понимание литературного памятника связано с такой сложной системой знаний, что время от времени пересмотр филологического комментария нужен даже в тех случаях, если непосредственно о самом памятнике за истекший период ничего не писалось, новые данные всегда найдутся среди результатов смежных исследований» (ч. 1. С. 83). Или – еще более эмоционально – об исследователях лексики: «Ни одна другая языковедческая дисциплина не предъявляет таких больших и дорогостоящих требований к библиотечному тылу своего фронта, как историческая лексикология. Это и понятно, ведь в ее поле зрения – вся история духовной и материальной культуры человечества. Грамматисту, фонетисту, этимологу для анализа названия *Lophura puthamea* нет надобности мысленно покидать пределы Европы, тогда как лексикологу небезынтересно видеть внутреннюю форму китайского названия этой китайской птицы и семантику соответствующего иероглифа – а вдруг в них содержится мысль о смене ночи и дня и она стала известна Линнею через тех, кто привез серебряного фазана в Европу!» (ч. 1. С. 394).

Очевидно, что сравнительный метод – основа научной работы М.Ф. Мурьянова. Анализируя изображение архангела Михаила с весами правосудия на фреске «Страшный суд» в новгородской церкви Спаса на Нередице, ученый вспоминает и иудейскую традицию, наделявшую функцией взвешивателя не Михаила, а Докиила; и преемственность образа Михаила от античного Гермеса, тоже иногда изображавшегося взвешивающим человеческие жребии; и египетских богов Тота и Анубиса, взвешивавших на весах сердце умершего; и о процедуре взвешивания души умершего по дороге в царство света в мандейско-парсийском мифе, а потом замечает: «Из сказанного видно, что апокрифический образ Михаила-архангела с весами правосудия, отсутствовавший в христианской иконографии целое тысячелетие, вырос на поверхности, имея разветвленную корневую систему, уходящую на огромную глубину» (ч. 2. С. 275).

М.Ф. Мурьянов всегда стремится к комплексному подходу и очень часто лингвистические вопросы переосмысливает как философские: «На лексику времени, продукт библейского семитского мышления, наложилась неидентичная ей эллинская система, ре-

зультат пугал своей запутанностью самих Отцов Церкви. Затем его понадобилось переложить на философски еще не обработанный язык славян, в котором на протяжении последующего тысячелетия выжившая лексика духовной культуры, оставаясь почти той же акустически, до неузнаваемости изменилась по смыслу. Воссоздать эту семантическую эволюцию сравнительно нетрудно в отношении слов, имеющих привязку к предметам материального мира, но далеко не всегда удается в отношении невесомого, ускользающего со скоростью мысли, порой вообще не имеющего названия. В психической, в частности – художественной жизни есть и такое, и его немало. Не следует избегать преследования ускользающего, успех возможен» (ч. 1. С. 316–317). Или о проблемах перевода сакрального текста говорится не как о лингвистической, а как о философской проблеме: «...сакральность вовсе не требует, чтобы все в ней было до конца понятным: наоборот, элемент недосказанности, таинственности является для нее органичным. Когда этот элемент нужно адекватно выразить на другом языке, то это оказывается невозможным» (ч. 1. С. 396). Или о функции двойственного числа рассказывается сквозь призму философского осмысления бытия: «Уже на самом раннем этапе мышления *два* – это не просто одно из чисел, а число особенное, с необычно важными функциями в общей картине мира. Мир насыщен противоположностями, их нетрудно обнаружить в чем угодно. Любая противоположность есть двойственность противопоставляемых начал, один член каждой пары понятий мыслим только на фоне своей противоположности: невозможно знать, что такое свет, не зная тьмы, или что есть жизнь, не видев смерть» (ч. 1. С. 523).

Обращаясь к вопросам, казалось бы уже давно и полно освещенным в науке, М.Ф. Мурьянов фиксирует внимание на том, что обычно проходило мимо внимания исследователей. Так, в статье «Великая княгиня Ольга и ее имя» ученый анализирует особое значение германского *hailag*, предназначенного для выражения понятия святыни и – единственное из всей совокупности слов, обозначавших это понятие, – использованного для образования личного имени, а значит, «такое имя присваивалось весьма избирательно и выделяло человека из среды совершенно особым образом. <...> Из этих обстоятельств возникает новая возможность понять роль великой княгини Ольги – получившей свое имя в знак принадлежности к жреческой элите и в силу этого не потерявшей власть со смертью мужа. Попутно возникает новое освещение стройного династического положения Олега. <...> Теперь можно сказать, что правление Олега не было регентством при малолетнем наследнике на правах ближайшего родственника, а является фактом, связанным с сакральным именем этого вождя и кругом его сакральных функций, о котором Ипатьев-

ская летопись сообщает только одно, но как раз ключевое известие, достаточно необычное для характеристики военачальника – что Олег был *вещим*, то есть способным творить чудеса <...> О том же говорит и выбор мудрости в качестве главной черты Ольги в живом предании и позднейшей агиографии» (ч. 1. С. 375–377).

Размышляя о строительстве Успенского собора Киево-Печерской лавры и об упоминании в связи с этим событием в Киево-Печерском патерике золотого пояса ярла Шимона, М.Ф. Мурьянов обращает внимание на скрытые признаки западного влияния, которое имелось «в идейном замысле памятника... – наперекор очень ревнивой цензуре со стороны византийской церковной администрации. <...> Творческий синтез русского, византийского и латинского начал как нельзя лучше выступает в словах Киево-Печерского патерика, рассказывающего, что Богоматерь явилась византийским мастерам, выразила им свое желание поселиться на Руси, в Успенском соборе, и велела построить его по мере пояса с латинского “Распятия”» (ч. 1. С. 592).

Спорное чтение «синие молнии» в самом знаменитом памятнике древнерусской литературы – Слове о полку Игореве – М.Ф. Мурьянов анализирует, апеллируя к закрашенному иссиня-черным цветом фресковому изображению молнии в новгородской церкви Спаса на Нередице: «Фрескист выполнил свою колористическую задачу неожиданным и смелым приемом – он воспроизвел не ослепительный свет, а результат ослепления. Взглянув на молнию и зажмурив глаза, мы видим долго не исчезающий темный зигзаг. <...> Итак, индоевропейские языковыс параллели и наблюдение над колористическим приемом изображения молнии – *пламенного оружия* в Спасе-Нередице показали, что текстологическая исправность *синих молний* “Слова о полку Игореве” находится вне подозрений и их следует понимать как молнии ослепительные, от которых темнеет в глазах. Поэтический образ предельной силы!» (ч. 1. С. 561).

В сборнике есть статьи, посвященные, казалось бы, истории русской литературы XIX–XX вв. Однако и в них исследователь выступает как сторонник комплексного подхода к анализу литературных фактов. Принцип, которым М.Ф. Мурьянов руководствовался, анализируя произведения новой литературы, отчетливо сформулирован им в статье «Медиевистическая герменевтика чеховского символа»: «Интерпретация литературного текста Нового времени может на Новом времени и замыкаться, но возможны случаи, когда исследование выявляет ассоциации, связываемые только на большей хронологической глубине. Соответственно этому в понимание памятника русской классической литературы могут внести лепту и медиевист, и античник. Единство филологии – отнюдь не помеха ее развитию» (ч. 2.

С. 340). Тезис, в настоящее время кажущийся достаточно очевидным, еще полтора десятилетия назад нуждался как минимум в утверждении. В развитие этой мысли в статье «Стихотворение Лермонтова “Бой”» говорится: «...специалисты по русской поэзии XIX века не привыкли иметь дело с медиевистическим материалом, из которого создана лермонтовская картина, а медиевисты, со своей стороны, настолько редко обращают внимание на поэзию Нового времени, что до этого стихотворения очередь дошла только сейчас...» (ч. 2. С. 394). Дарственные надписи А.С. Пушкина, содержащие слова «Твоя от твоих», М.Ф. Мурьянов объясняет при помощи значения этих слов в православной литургии: «Пушкин написал эти слова от своего имени – священнодействует он, жрец искусства. И обращены они не к небу, а к людям – Евпраксии Вульф, олицетворению прекрасного в человеческих чувствах, и Далю, олицетворявшему в данной ситуации стихию родного фольклора» (ч. 1. С. 252). Тот же самый метод применяется в статье «Об идейной функции церковнославянизмов в ранних произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина», где обозначенная в заголовке проблема решается именно с точки зрения семантики славянизмов: «Историки русского свободомыслия еще не отмечали, что именно Салтыков-Щедрин первый превратил церковнославянизмы из признака высокого стиля в средство сатиры, сделал предметом насмешки святыню» (ч. 2. С. 318). Анализируя символику пьесы А.П. Чехова «Чайка», исследователь тоже обращает внимание на связь символической для драматурга птицы с семантикой древнерусского глагола: «Птица как символ высокого человеческого духа известна во все эпохи мирового искусства, но для запредельных состояний, помещаемых художественным воображением Тrepлева за финалом всемирной истории, эта роль должна быть отведена именно чайке. Это единственная птица, само название которой производно от глагола душевного движения *чаять*» (ч. 2. С. 338–339). А дальше значение образа обогащается обращением к философии и архаической мифологии: «Она реяла над необитаемой землей еще до возникновения человечества (а история возвращается на круги своя, в этом согласны пифагорейцы и ницшеанство): по смутным намекам античных авторов, им был известен архаический миф, согласно которому Пеласг, первый человек на земле, куда много поколений спустя пришли древние греки, был сыном Ларисы, чайки. Этот не поддающийся реконструкции догреческий миф не входил в хрестоматии гимназий, но сведения о нем были вполне доступны наиболее образованным современникам Чехова. Отсюда – восклицание переводчика Гомера символиста Минского на премьерe в Александринском театре, сквозь свистки невежд: “Это гениально!”, отсюда – поэтические лавры от переводчика платоновских диалогов Соловьева» (Т. 2. С. 339).

Поднимаются в статьях М.Ф. Мурьянова и общекультурные проблемы. Представляет несомненный интерес работа «Татьянин день в русской культуре», в которой исследователь приходит к следующему выводу: «...русский культ св. Татьяны, возникнув на рубеже XI–XII веков в специфических условиях церковной политики Новгорода, тесно связанного с латинским миром, разделяется на два периода, новгородский и московский. Наследство первого периода – памятники древней письменности и монументальной живописи, второго – патроний Татьянинских храмов Московского университета» (ч. 2. С. 393).

В очень многих работах М.Ф. Мурьянова поражает тонкое, практически филигранное внимание к оттенкам семантики слов разных языков. Так, в статье «У истоков христианства у славян» он пространно рассуждает об оттенках значения греческого и готского глаголов, обозначающих распятие: «Готский и праславянский глаголы, называющие действие казни на Кресте, согласно между собой привносят в то, что было сказано об этом же на языке греческого оригинала, дополнительное, причем возвышенное, значение. На Голгофе среди множества свидетелей казни одни, составлявшие подавляющее большинство, видели ее, по выражению византийского пиита Иоанна Мниха, чувственно (αίσθητως), а другие – их было ничтожное меньшинство – тайно (μυστικώς), т.е. они видели духовными очами то, что невозможно увидеть очами телесными. Что для телесных очей казалось прибавлением корчащегося человека к столбу с перекладиной (действие по глаголу σταυρουν), то для очей духовных было вытягиванием ввысь Тела Богочеловека, напряженного как тстива, исполненная страшной силой (действие по глаголам ushranjan, расплати). Греческий контекст Евангелия тоже имел одухотворенность, – и еще какую! – но она была в контексте, а не внутри глагола σταυρουν, тогда как готский и славянский контексты заменили нейтральное σταυρουν глаголом мистериальным» (ч. 1. С. 131). Или в статье «Славянские метаморфозы западного агиологического сюжета» о миссионерах, приплывших на остров Рюген, где находилось известное святилище языческого бога Световита, с частицей мощей св. Вита говорится: «Удар был рассчитан лингвистически очень точно: сходство этих имен существенно облегчило христианизацию западных и южных славян; реликты язычества вплоть до нового времени наблюдались этнографами в народном понимании культа св. Вита» (ч. 1. С. 201).

В статье «К истории древнерусского Ономастикона», говоря о двух путях преодоления языковых барьеров распространяющимися по разным странам мировыми религиями, М.Ф. Мурьянов отмечает яркий парадокс: «Почему западное христианство, повсюду внедряя исключительно латынь, проявило терпимость к личным именам

обращаемых в христианство язычников, позволило германцам и кельтам сохранить свои традиционные личные имена, лишь дополнив их перечень по ходу крещения последующих поколений именами средиземноморского, чисто церковного происхождения? И наоборот, почему византийская Церковь, предоставившая славянам право молиться византийскому Богу по-славянски и даже петь в церкви на славянский лад, в выборе личных имен запретила все исконно славянское и предписала непереуезданные греческие образцы, семантически понятные только византийцам и при славянском восприятии более или менее сильно – иногда до неузнаваемости – искажавшиеся?» (ч. 2. С. 105). С точки зрения ученого, именно исходная принудительность со временем привела к нежеланию носить греческие имена и впоследствии побудила русских дворян обратиться к Западной Европе в поисках имен для своих детей.

В целом ряде случаев М.Ф. Мурьянов блестяще полемизирует с устоявшимися в научной и околонучной среде упрощенными представлениями о бытии древнерусской культуры. В одной из статей, сопоставляя фрески новгородской церкви Спаса на Нередице и календари Мстиславова и Остромирова Евангелий, ученый констатирует «...недоказанность культурных контактов Новгорода и Кавказа, существование которых выводилось из наличия в росписи Спаса-Нередицы фресковых изображений св. Григория Армянского и особо чтимой на Кавказе св. Рипсимии. Кавказ здесь ни при чем, источниками для составителей программы росписи Спаса-Нередицы служили Мстиславова рукопись, где фигурирует св. Григорий Армянский, и Остромирова рукопись, где есть св. Рипсимия. Мы имеем дело с общевизантийской книжной агиологической традицией, а прямая связь между клириками и художниками Новгорода и Кавказа XII в. требовала бы совсем другой аргументации – тем более что древнерусские памятники канонического права, следуя за византийской теологической литературой этой эпохи, называют армян гнуснейшими из еретиков, каковыми они еще не считались при сложении византийской традиции культа святых Григория и Рипсимии» (ч. 1. С. 173). В другом месте, рассуждая об Алексее – Божьем человеке, он пишет: «По известной догме, в наглухо закупоренную древнюю Русь имелся только один путь, и притом тот самый, который был предназначен для снабжения ее византийским православием в его безукоризненной чистоте, с дополнительной возможностью посредничества болгар в переводах с греческого языка. Предание об Алексее – Божьем человеке до сих пор превосходно укладывалось в эту классическую схему (греческая агиография – южнославянский Златоструй – древнерусская литература), но привлеченный нами иконографический (нередицкая фреска, изображающая Алексия предстоящим иконе

Богоматери «Знамение». – А.А.) и церковно-исторический материал ее не подтверждает. Четко вырисовывается второе русло традиции, имеющее в отличие от первого конкретные даты и географические координаты: Дамаск – Рим – (Бржевно) – Новгород. Примечательно, что это дополнительное русло с большой степенью вероятности связывает Русь с Чехией, древнейшим очагом кирилло-мефодиевской письменности» (ч. 1. С. 49–50). Здесь очевидно, что выход за пределы литературного материала позволяет не только расширить наши представления о культурных взаимодействиях, но и внести серьезные коррективы в существовавшие научные концепции.

Часто исследователь ставит глобальные проблемы перед будущими поколениями исследователей: «До сих пор не осуществлена идея, рожденная в начале XX в. в единоборстве филологической науки с Церковью, реконструировать текст главного труда Мефодия и Кирилла – славянского Писания, увязанный с греческим текстом той редакции, которая имела в распоряжении славянских первоучителей, – что это за редакция, как раз и предстоит выяснить. Между тем критический текст Писания, основанный на древнейших рукописях, имеется сегодня на многих языках мира, кроме древнеславянского языка. <...> И потребность в такого рода критическом издании остро ощущается современной историко-филологической наукой» (ч. 1. С. 118, 119). Или из наблюдений над двумя записями календаря Остромирова Евангелия вытекает такая сверхзадача: «Такой анализ, опирающийся на тексты древнейших служебных Миней, мог бы прояснить многое в формировании литературных интересов древнерусских книжников, иконографических программ фресковых ансамблей, в выборе патрониев для храмов Древней Руси, в выборе личных имен для Рюриковичей и при пострижении тех церковных деятелей, которые вошли в историю. В результате выявления противоборствующих церковно-политических тенденций, уточнения наших знаний о том, что значили для современников те или иные сакральные символы, стала бы полнокровнее та реконструкция первых веков нашей государственности, которая является не последней по важности целью исторической науки» (ч. 1. С. 222).

Ценность и значимость появившейся книги оговариваются в уже цитировавшемся предисловии Т.А. Исаченко: «Статьи М.Ф. Мурьянова, помещенные в подготовленном издании, были опубликованы в Германии, США, Италии, Испании (1959–1994), меньше всего они известны в России, на его Родине. В рукописях находится большая часть архива ученого. Эти материалы тоже нуждаются в комментариях и публикации. <...> Мы... будем делать все для того, чтобы наследие Михаила Федоровича Мурьянова жило вечно, как оно того заслуживает, просвещая филологов, историков и культурологов,

просто людей гуманитарного знания, которые должны приобщиться к миру книжной культуры, открытому видением М.Ф. Мурьянова. Масштабность же того, *что* выявил ученый, наверное, ни один из нас пока еще в полной мере не представляет» (ч. 1. С. 10).

А.В. Архангельская

Сведения об авторе: *Архангельская Анна Валерьевна*, канд. филол. наук, доц. кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: arhanna@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2009. № 2

**Голубков М. М. ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ XX ВЕКА
(1920–1990-е годы). М.: Издательский центр
«Академия», 2008. – 368 с.**

Начать реплику о появившемся учебнике «История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы)», созданном М.М. Голубковым, нельзя без ключевого в данном случае слова «наконец-то». Наконец-то появилось внятное, логичное, современное и своевременное учебное пособие, которое, безусловно, является долгожданным для многих преподавателей и студентов филологических специальностей. Слово «наконец-то» – индульгенция за объективные и субъективные, названные автором недостатки учебника, о котором он говорит следующее: «Книга, которую читатель держит в руках, отличается от предшествовавших тем, что в ней излагается история критики XX столетия как единый процесс. Именно этим обусловлено отсутствие монографических глав. Автор стремился не воспроизвести взгляды отдельных критиков, а показать общее движение литературно-критической мысли, найдя место каждого из ее творцов. Конечно же, неоценимым при этом оказался опыт современных учебников по истории литературы, которые включают в себя главы, характеризующие литературно-критический процесс в целом» (с. 5).

В предисловии автор сам указывает на возможные претензии специалистов к тексту учебного пособия и убедительно объясняет свою позицию. Начинается описание литературно-критической ситуации в России не с календарного начала XX в., а с 1920-х гг. из-за того, что именно в это время «отношения литературы и власти принимают принципиально новый характер, а критика обретает иные,

ранее не свойственные ей функции» (с. 4). Эмигрантская критика не исследуется, так как она развивалась в иных условиях, и ее эволюция требует отдельного повествования, которое могло бы нарушить целостность текста учебного пособия. Автор книги упоминает и о том, что, описывая ситуацию в критике 1990-х гг., он сосредоточился на развитии постмодернистского видения мира, но, думается, именно последние главы, связанные с описанием максимально близкого к нам времени, могли бы представлять особую ценность, так как обобщенная и взвешенная информация о перестроечных и постперестроечных годах – большая редкость, а постмодернизм, о котором подробно пишет М.М. Голубков, многих преподавателей отталкивает своей непонятностью, сложностью, запутанностью.

Ярко выраженная особенность нового учебника заключается в том, что он написан не совсем «академично»: автор вполне открыто высказывает свои личные симпатии и антипатии, иронизирует над некоторыми ситуациями, сомневается в ряде положений, задает вопросы, не всегда имея на них определенных и точные ответы. Вот ряд примеров подобного рода: «В самом деле, это история литературно-критических мнений о том или ином произведении? Возможно, так» (с. 7); «Но можно ли ограничить историю критики лишь накоплением интерпретаций литературных произведений? Вероятно, нет, потому что в таком случае мы получим историю критических мнений о разных писателях и упустим другие стороны литературного процесса и иные роли, которые в нем играет критика» (с. 8); «Может ли наш материал быть обращен к истории разнообразных литобъединений, организаций, группировок, формальных и неформальных сообществ? Да, разумеется» (с. 9). Создатель учебника позволяет себе назвать критику «напостовцев» «разносной и зашумительской», сказать о рапповцах, что они «отряхивались после ушата холодной воды, исправляли прежние ошибки и тут же делали новые» (с. 91). Роль М. Щеглова в русской критике М.М. Голубков определяет как «уникальную и даже неправдоподобную» (с. 216); повесть С. Антонова «Дело было в Пенькове» – как «милую, почти детскую» (с. 219). Иногда ученый прибегает к такой формулировке: «Если согласиться с этими выводами, то...», оставляя за читателем право не соглашаться.

Это необычно, свежо и увлекательно, вполне допустимо для авторского пособия, каким и является созданный М.М. Голубковым учебник: читатель оказывается как бы вовлеченным в раздумья автора, в процесс создания текста, поэтому не так опасно читательское несогласие или непонимание. Подобная манера общения с тем, кто берет в руки книгу, говорит об уважении ее создателя к потенциальному «собеседнику». Уважение это иногда превращается в переоценку

способностей воспринимающей стороны, особенно если речь идет о студентах.

М.М. Голубков смело дает обучающимся задания такого рода: «Обратитесь к книгам И. Золотусского, Ю. Лошица, М. Лобанова, О. Михайлова, вышедшим в <...> в 70-е годы. Какие сложившиеся в советское время представления о литературе XIX века оказываются там переосмыслены?» (с. 286); или: «Прочитайте роман М. Алексеева “Драчуны” и статью М. Лобанова “Освобождение”. Воспроизведите позицию критика, покажите его претензии к автору» (там же).

Возможно, студенты МГУ и способны выполнить подобные «упражнения», что вызывает профессиональную зависть у любого провинциального педагога, но те юноши и девушки, которые сидят за партами других вузов, – вряд ли. Для них подобные формулировки заданий полезны разве только с той точки зрения, что иногда надо прочувствовать, как учатся, к чему стремятся начинающие филологи ведущего университета страны.

Достаточно тяжелый для восприятия материал М.М. Голубков «разбавляет» интересными деталями, запоминающимися ситуациями, очень уместными и показательными историческими случаями и анекдотами. Говоря об отношениях Сталина и литераторов, он упоминает, к примеру, что вождь «с недоверием относился к непьющему человеку, подозревая его в скрытности» (с. 10). Удивительной была описанная в учебнике история появления самиздата с легкой руки поэта Н. Глазкова.

Несомненным достоинством книги являются яркие, уместные примеры, емко выражающие то, что автор пытается подчеркнуть, выделить в литературном явлении. Так, говоря об имажинизме, исследователь вспоминает сказанные В. Шершеневичем слова: «Победа образа над смыслом и освобождение слова от содержания тесно связаны с поломкой старой грамматики и с переходом к неграмматическим фразам... “Мое фамилие прошумящий веками” – вот образец аграмматической фразы подлинной поэтической речи»¹ (с. 89). Из разноликого творчества рапповцев исследователь выбирает очень показательное стихотворение: «Работница Пыжова / Стажа трудового / По нашему отделу / Имеет двадцать лет. / Она у нас в отделе / Всегда стоит у дела / Прогулов самовольных / У ней в помине нет» (с. 100–101. Пунктуация автора).

Показателен эпизод учебника, в котором говорится о Твардовском. Здесь и удачный пример, и оценка с позиций сегодняшнего дня, и доверительная, размышляющая интонация сомневающегося человека. По поводу слов Твардовского «Христа тоже распинали вместе с разбойником» – сказано: «Думается, что подобное сравнение

¹ Шершеневич В. 2×2=5 // Литературные манифесты. От символизма до «Октября». М., 2001. С. 240–243 (так у автора).

(с собой. – Л.Б.) свидетельствует все же о несколько завышенном представлении и Твардовского, и его сотрудников о собственной роли в литературном процессе, даже если принять во внимание свойственный им, как и большей части советской интеллигенции середины века, атеизм. Подобное отождествление себя с Христом было, конечно, риторической фигурой, и все же...» (с. 262).

Исходным тезисом, определяющим концепцию текста «Истории русской литературной критики XX века», ученый называет тезис о единстве историко-литературного и литературно-критического процессов (с. 15). Возможно, отсюда проистекает самый существенный недостаток учебника: в нем много истории литературы и маловато собственно литературной критики. Это можно оправдать дидактическими целями, но все-таки есть имена и факты, отсутствие которых в подобном учебном пособии трудно понять. Так, совершенно не затронута творчество А. Макарова с его знаменитыми «внутренними рецензиями» и не менее знаменитыми обзорами, серьезно повлиявшими на дальнейшее развитие не только критики, но и литературы.

Критика, по определению М.М. Голубкова, – «это сфера диалога о современной литературе всех заинтересованных лиц – и участников литературного процесса, и тех, кто смотрит на него со стороны» (с. 12). Исследователь убежден, что важнейшим фактором функционирования критики является наличие нескольких (двух как минимум) точек зрения на то или иное произведение (явление) литературы, т.е. полемика. Именно это убеждение создателя учебника легло в основу композиции книги.

Историю критики автор понимает как историю столкновений различных литературных направлений, эстетических программ, выработанных участниками литературного процесса, воссоздание разнообразных форм литературной жизни (салон, литературное кафе, собрание литературного актива и мн. др.). Отсюда его интерес к литературным спорам и дискуссиям. Те же явления, которые к полемикам практически не имели отношения, автора интересуют гораздо меньше.

К примеру, ОБЭРИУ, что заметно, при всей своей яркости и эпатажности не является для создателя данного варианта истории русской литературной критики XX в. столь же важным, как РАПП и «Перевал». Однако обэриуты породили эффективно развивающиеся по сегодняшний день традиции «черного юмора» и ряд элементов сюрреализма, о которых автор не посчитал нужным упомянуть. Кстати, в связи с «Серапионовыми братьями» и деятельностью Л. Лунца «за кадром» осталась еще одна ценная для русской литературы новация – жанр антиутопии, которому представители «братства» отдавали должное.

Литературные организации и группировки 1920-х гг. – явно «любимое детище» ученого, предмет его пристального интереса. Он рассматривает их деятельность с нескольких сторон, обращая особое внимание на концепцию личности; решение вопроса об отношениях искусства к действительности; подходы к возможности существования и эволюции пролетарской литературы. Эти проблемы философских ориентаций литературных объединений разбросаны по нескольким главам, что удобно для специалистов, занимающихся непосредственно литературной критикой и хорошо ориентирующихся в материале, но непременно для студентов, так как затрудняет восприятие и требует дополнительных усилий для усвоения прочитанного.

Относительно 1920-х гг. М.М. Голубков подробно останавливается на двух противоположных тенденциях – стремлении литературы к многовариантности, полифоничности и борьбе власти за насильственный монологический тип художественного творчества.

Рубежом эпохи полифонии в русской литературе автор считает 1929 г., обосновывая это тем, что в этот год русские писатели перестали иметь возможность печататься за рубежом, оставаясь при этом в России. Такая аргументация убедительна и нова.

Описание событий литературной жизни прошлых десятилетий постоянно актуализируется ссылками на современное состояние критики. Говоря, например, о взаимоотношениях читателя, писателя и критика в 1920–1930-е гг., М.М. Голубков отмечает, что современная литература легко обходится без фигуры критика, хотя заметно страдает от этого; или находит новые формы обсуждения художественных текстов, к примеру интернет-чаты.

Объясняя суть тех или иных явлений, споров, автор демонстрирует их влияние на дальнейшую судьбу причастных людей, на последствия и скрытые мотивы тех или иных решений, манифестов, позиций. Так, описывая дискуссию «вопрекистов» и «благодаристов», он обращает внимание читателей на то, что «вопрекизм» как бы оправдывал тех художников, которые были не в состоянии вписаться в формирующийся соцреалистический канон (с. 179).

Ряду литературных реалий прошлого и настоящего ученый дает собственную обоснованную оценку с учетом опыта жителя России XXI в. Например, о концепции личности, предложенной Пролеткультом, М.М. Голубков пишет, что она была «опасна и для литературы, и для культуры в целом. Она была опасна и для общественного сознания, ибо в качестве идеала предлагала не человека в его неповторимости и индивидуальности, но совокупность безликих индивидуумов, объединенных в профессиональные коллективы» (с. 128–129).

Многие реалии прошлого преподнесены весьма образно и необычно. Сталин называется «своего рода главным художником,

преобразующим жизнь» (с. 38); метод социалистического реализма описывается как попытка не отразить действительность в слове, а стать действительностью, заместив собой истинную реальность.

Некоторые сложные вещи представлены в пособии просто (не упрощенно) и понятно. К примеру, «организационная теория» Богданова объясняется следующим образом: «<...> мы видим мир таким, каким диктует нам наш жизненный опыт – личный, социальный, культурный и т.д.

Где же тогда истина? Ведь у каждого свой опыт, следовательно, каждый из нас видит мир по-своему, упорядочивая его иначе, чем другой. Следовательно, объективной истины не существует и наши представления о мире весьма субъективны и не могут соответствовать действительности хаоса, в котором мы пребываем» (с. 74). Доступно и «удобно» в учебнике рассмотрены и другие сложные явления: импрессионизм и экспрессионизм, «теория игры» В. Переверзева и т.д. Непростое для объяснения и даже понимания слово «абсурд» определяется как «отсутствие связности повествования, логики сюжета, естественных психологических и физиологических рефлексов у кукольных героев, трагического восприятия смерти, непроясненность грани между живым и неживым <...>» (с. 117).

Есть в учебнике и элементы литературно-критической полемики. К примеру, явно высоко оценивая прозу «сорокалетних» и описывая критические статьи об этом явлении И. Дедкова, М.М. Голубков удивляется: «В чем же причина непонимания критиком такого незаурядного явления, как проза “сорокалетних”?» (с. 294). Этой репликой автор книги как бы вступает в заочный спор с известным критиком.

Интересны наблюдения за изменением положения творческой личности в обществе в связи с политическими событиями; за кардинальной сменой жанровых иерархий; за эволюцией ценности «единицы перед множеством» (с. 125); за развитием взаимодействия человека и машины, даже за судьбой табуированных и разрешенных, приветствуемых властью мотивов, за сменой стилей, о чем подробно написано в учебном пособии в связи с «нейтральным» стилем, сказом и орнаментальной прозой.

Очень скрупулезно освещен переход от главенства в искусстве категории классовости к категории народности.

Не обходит стороной автор учебника воспринимающую сторону литературных явлений – читателя. Трансформация его интересов, привычек тоже попадает в поле зрения предлагаемого курса истории критики. Так, описана роль читателя в годы авторитета самиздата, подчеркнута обращенность к читателю как к центральной фигуре литературного процесса новмирских критиков, позицию которых,

кстати, исследователь называет «гносеологически-сентиментальной» (с. 256). Убедительно доказано, что в постмодернизме, о котором увлекательно написано в последней главе, согласно концепции «смерти автора», значимость фигуры читателя снова возрастает.

Есть в книге ряд «разоблачений» известных и успешных «укорениться» фактов истории литературы. Вот одно из них: «Так что выражение “не читал, но осуждаю” впервые появилось не в 1958 году, когда травили Б. Пастернака, а в 1929 году» (с. 58). Или: «Так что роль Первого съезда писателей в выработке определения нового творческого метода сильно преувеличена» (с. 64).

Совершенно новым для многих филологов именем, на примере которого М.М. Голубков показывает судьбу представителей третьей волны эмиграции, является имя писателя В. Тарсиса, автора романа «Русская Голгофа», в котором он пытался переоценить фигуру генерала Власова.

Недостатком последней главы, связанной с постмодернизмом, является сосредоточенность исследователя на самом, безусловно, интересном и сложном, литературном явлении, на субъективных интерпретациях текстов, но не на анализе критических материалов о постмодернистской литературе, не на сопоставлении разных точек зрения русских литературных критиков.

Постмодернизм в учебнике – это система разрушительная по своей природе, вторичная по сути, но глубокая и заслуживающая вдумчивого к себе отношения. «Постмодернизм, как нам представляется, заявляет о себе не столько как эпатажирующая и провоцирующая литературная школа, но как манера чувствовать и думать и как, увы, закономерное завершение литературного периода советской эпохи» (с. 23), – пишет М.М. Голубков.

Интересно, что в учебнике не используется термин «андеграунд», достаточно привычный и распространенный. Создатель книги предпочитает прибегать к словосочетанию «потаенная литература».

В заключение М.М. Голубков рассуждает о текущем положении критики, характеризующемся, в частности, нежеланием участников литературного процесса читать других и обидой на то, что их не читают.

Главный грустный вывод автора сводится к тому, что «чтение перестало быть престижным занятием, книга – значимым фактором общественной и частной жизни» (с. 348).

Отмечается превращение писателя в профессионала-технолога, а читателя в потребителя. Что же с критикой? «Голос критика, посредника в этом диалоге, почти неразличим.

Впрочем, подобная картина не должна приводить к пессимистическим умозаключениям: не исключено, что в начале XXI века

мы оказываемся на пороге формирования некой новой культурной ситуации, в которой писатель, критик и читатель испытают потребность друг в друге и встретятся вновь» (с. 350).

Но с пессимизмом в отношении к будущему литературной критики бороться трудно. Может случиться, что учебники по этой дисциплине так и закончатся XX веком, не имея возможности описать литературно-критическую ситуацию века XXI по той простой причине, что ее просто не будет существовать или она окажется слишком невнятной. Но и в литературной критике века XX остается множество вопросов, которые по-прежнему ждут своих исследователей.

Л.В. Белоус (г. Владикавказ)

Сведения об авторе: Белоус Людмила Владимировна, канд. филол. наук, доц. Северо-Осетинского гос. ун-та. E-mail: belouslv@yandex.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2009. № 2

Местергази Е. Г. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ (В.С. ПЕЧЕРИН). М.: Флинта: Наука, 2007. – 160 с.

Монография невелика: значительную часть книги занимает приложение (с. 112–159) – письма В.С. Печерина математику, искусствоведу-любителю, успешному предпринимателю, по убеждениям славянофилу Ф.В. Чижову и переписка с князем П.В. Долгоруковым, который «имел скандальную репутацию и был весьма своеобразной фигурой как в высшем свете, так и в кругу Герцена и Огарева» (с. 135), принимал участие в подготовке реформ Александра II (по инициативе Долгорукова и И.С. Тургенева императору была адресована записка от имени 105 дворян, требовавшая освобождения крестьян с землей). Это ценно, но к теории, заявленной заглавием монографии, не относится. Подготовлена она на базе кандидатской диссертации, защищенной в 1998 г.¹ Ее текст претерпел отнюдь не фундаментальные изменения. Очевидно, автору остались неизвестными докторская диссертация и монография И.Я. Лосиевского (с приложением биографии А.А. Ахматовой)², где та же теоретическая проблема разработана гораздо подробнее, а появившаяся в 2006 г. 339-страничная (плюс иллюстрации) книга, освещающая тот же ма-

¹ См.: *Местергази Е. Г.* Теоретические аспекты изучения биографии писателя (творческая судьба В.С. Печерина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

² См.: *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. Харьков, 1998.

териал³, упомянута в книжке Местергази кроме библиографического списка один раз по частному поводу для ее дискредитации: «В недавно вышедшей книге Н.М. Первухиной-Камышниковой эта же цитата приводится с ошибкой и неправильно указанной датой» (с. 52).

Тем не менее публикация еще одной книжки по проблеме биографии творческой личности небесполезна. В биографических работах советского времени многое в жизни писателей считалось «неудобным» для оглашения. Сейчас, наоборот, нередко ворошат их «грязное белье» и пачкают его еще больше, даже когда речь идет о такой чистой в нашем сознании фигуре, как Чехов⁴.

В работе Е.Г. Местергази собственно теории посвящена лишь одна глава, ее название совпадает с заглавием книги без подзаголовка. Вторая и третья главы называются «В.С. Печерин как “писатель с биографией”» и «В.С. Печерин и герои Достоевского». В них рассказывается о жизни и деятельности редкостно талантливого, но реализовавшего себя в основном биографически, а не собственно творчески человека (причем его опыт собственного жизнестроения трактован как отрицательный, что не часто встретишь в монографиях: чаще исследователи пишут о достижениях своих персонажей) и о влиянии личности Печерина на творчество Достоевского, трансформации ее в тип «русского скитальца», воплощенный художественно в весьма различных образах – Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах», Версилова в «Подростке», Ивана Карамазова в «Братьях Карамазовых». В небанальном совмещении тем, каждая из которых могла бы быть развернута в самостоятельное исследование (а личность и биография Печерина и были уже предметом книги М.О. Гершензона⁵ и диссертации, притом докторской, написанной А.А. Сабуровым еще в 1940 г.) состоит своеобразие работы Е.Г. Местергази. Теория литературы неотрывна от истории культуры; область творческого процесса, включающая трансформацию прототипа в художественный образ, пока изучена недостаточно. Исследуется культурно-историческая роль Печерина после полной публикации его «Замогильных записок», главного труда, позволяющего говорить о нем как о значительном писателе своего времени. Это первый русский западник, попытавшийся полностью отречься от родной страны, никогда в нее не вернувшийся после бегства в 1836 г., но со временем пересмотревший свое отношение к ней. Свою жизнь Печерин решительно

³ См.: *Первухина-Камышникова Н.М.* В.С. Печерин. Эмигрант на все времена. М., 2006.

⁴ «Скорей всего, для большей части читательской аудитории первоначальное представление о Чехове будет формироваться не столько чтением его произведений и даже не ими, сколько – во всяком случае поначалу – биографической литературой о нем» (*Гитович И.Е.* Биография Чехова вчера и завтра // Чеховиана. Из века XX в век XXI. Итоги и ожидания. М., 2007. С. 65).

⁵ См.: *Гершензон М.О.* Жизнь В.С. Печерина. М., 1910.

перестраивал не раз и не два, предвосхитив трагические метания русской интеллигенции в XIX и начале XX в., даже как бы составив свою личностную параллель всей противоречивой, зигзагообразной истории нашей страны. Так что значение этой личности и интерес, который она вызывает, закономерны.

Советское литературоведение уделяло много внимания документальному началу в литературе, ставило (хотя в основном поверхностно) проблему вымысла и домысла в литературе художественно-исторической, но о теоретических аспектах биографии не очень задумывалось. Популярные биографии (типа серии «Жизнь замечательных людей») вообще были распространены гораздо шире, чем биографии научные, а сейчас мы все чаще наталкиваемся на расписывание сомнительных гипотез относительно, например, любовной связи А. Ахматовой и А. Модильяни⁶ либо самоубийства или «убийства» того или иного поэта XX в.

Е.Г. Местергази рассматривает постановку проблемы биографии писателя в трудах 1920-х гг. – Ю.Н. Тынянова, Б.В. Томашевского, Г.О. Винокура, справедливо предъявляя претензии к понятийно нечетким, двусмысленным определениям (действительно, в 20-е гг. даже лучшие литературоведы часто неточны в словах, допускают метафорические выражения, которые, впрочем, закрепляются в филологическом обиходе⁷). Вместе с тем истоки концепции автора лежат, конечно, в литературоведении 20-х гг. Е.Г. Местергази понимает, что такой подход по-настоящему стал возможен только в XX столетии, после Серебряного века с его многообразным жизнетворчеством. Эту мысль иллюстрирует рассуждение об очерке В.Ф. Ходасевича «Конец Ренаты» в книге «Некрополь», посвященном судьбе Нины Петровской как типичной писательницы «с биографией». Но у Ходасевича есть и работы общего плана о взаимоотношениях творчества и биографии в Серебряном веке, прежде всего статья «О символизме» (1928), обращения к которой явно не хватает в книжке Е.Г. Местергази. Не хватает и работ Б.М. Эйхенбаума о судьбе Блока и судьбе Горького, появившихся в те же 20-е гг., и современных работ о Серебряном веке, в которых данная тема содержит важные теоретические аспекты, например сборника статей Д.М. Магомедовой «Автобиографический миф в творчестве Александра Блока» (1997), где развивается понятие автобиографического мифа, конечно, не столь

⁶ См.: *Носик Б. Анна и Амедео. История тайной любви Ахматовой и Модильяни, или Рисунок в интерьере.* М., 1997.

⁷ Тем более это касается знаменитой статьи М.И. Цветаевой «Поэты с историей и поэты без истории» (1933), принадлежащей к области художественной критики. Однако упомянуть ее все-таки следовало, ведь там слово «история» понимается именно биографически: «Все поэты делятся на поэтов с развитием и поэтов без развития. На поэтов с историей и поэтов без истории» (*Цветаева М. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 395*).

необходимое в применении к В.С. Печерину, но отнюдь не лишнее в типологии писательских биографий, в теоретической разработке относящихся сюда понятий.

От работ 20-х гг. в историографической части монографии Е.Г. Местергази сразу переходит к трудам Ю.М. Лотмана начиная с 1977 г. Это оправданно, совершенно новую область исследования – «поэтику бытового поведения» – открыл действительно Лотман. Правда, это область не просто новая, но и особенная, поведение и биография все-таки не совсем или не всегда явления одного порядка. К тому же слова «поэтика» и «текст» Лотман использовал слишком расширительно и как теоретик заслуживает критики не меньше, чем Тынянов; впрочем, его упущения в монографии также отмечаются. Отступление же о введении Н.Н. Евреиновым термина «театральность» в данной главе нарушает хронологическую логику, будучи довольно пространном. Желательно было бы, во всяком случае, сказать в такой ситуации и о позднейших работах, раскрывающих понятие «театральность». Это прежде всего книга В.Е. Хализева «Драма как явление искусства» (1978). Но эти замечания относятся только к историографической части исследования. Собственные определения Е.Г. Местергази, предлагаемая ею типология писательских биографий сами по себе особых сомнений не вызывают.

«Вполне очевидно, – пишет автор, – что осмысление судьбы и личности Печерина никак не может быть свободно от необходимости для исследователя обозначить ясно свою мировоззренческую позицию. Заметим “в скобках”, что скрыть ее невозможно – личность Печерина, как своего рода лакмусовая бумажка, заставляет каждого, кто соприкасается с ней, обнажить и свое “я”» (с. 8). Хорошо, что есть такая оговорка. Во многих современных публикациях обнажение своего «я» происходит без всяких оговорок и предупреждений. И конечно, само по себе наличие твердой мировоззренческой позиции не нуждается в оправданиях. Другое дело – категорическая манера утверждения этой позиции. Н.А. Бердяев писал, что «Чаадаев и Печерин представляли у нас религиозное западничество, которое предшествовало самому возникновению западнического и славянофильского направлений»⁸. «Нам трудно согласиться с мнением Н.А. Бердяева, – возражает Е.Г. Местергази. – Кажется, прежде всего, достаточно сомнительным само понятие “религиозного западничества”. <...> Фактически речь идет о католическом “течении” в русском западничестве, которое философу было угодно связать с двумя именами – Чаадаева и Печерина. Рамки нашего исследования позволяют нам оставить в стороне фигуру первого и

⁸ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1946. С. 40.

целиком сосредоточиться на проблеме “Печерин-католик”» (с. 61). Оказывается, ему не следовало переходить в католичество. Может быть, тогда эмигрантам из Советского Союза не следовало менять марксизм на какую-нибудь «буржуазную идеологию»? Е.Г. Местергази далее пишет: «Весьма пронизательную трактовку проблемы “Печерин-католик” <...> встречаем мы в недавно опубликованном труде “Православие и русская литература” М.М. Дунаева» (с. 62). Последняя фраза в цитате из М.М. Дунаева (с. 64) такова: «Печерина можно назвать религиозным плюралистом (и не только религиозным): он релятивистски непостоянен в своих привязанностях, и ни за одной религией не признал в итоге единственного права на обладание Истиною»⁹. Но если бы признал, если бы не был релятивистом, у него не было бы биографии, затмившей его творчество, а у Е.Г. Местергази – темы для исследования. Дидактический тон неуместен в научных работах, которые не должны отталкивать от себя ни католиков, ни протестантов, ни буддистов, ни мусульман, ни тех, кто так и не признал ни за одной религией «единственного права на обладание Истиною».

Кстати, стоило бы прислушаться к словам Леонида Люкса: «Но едва ли можно сомневаться в том, что интерес Печерина к религии после того, как он разочаровался в революционных идеалах, был глубоким и искренним»¹⁰. Пусть Печерин был непостоянен во всем, в религиозных чувствах и убеждениях тоже. Но ведь именно этим он и интересен и характерен для русской истории при всей исключительности его биографии.

Глава монографии о Печерине как прототипе старшего Верховенского и Версилова более убедительна. Говорится и о других персонажах соответствующих романов. Но только две отсылки¹¹ к малодоступной диссертации А.А. Сабурова «В.С. Печерин», к тем ее страницам, где речь идет о воздействии личности Печерина на образ Верховенского-старшего, и одна – к опубликованной ее части¹² вряд

⁹ Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. 2. М., 1996. С. 308. «Недавно» эта книга вышла по отношению к диссертации Местергази (1998), а не к ее монографии (2007).

¹⁰ Люкс Л. Владимир Печерин (1807–1885) и русская ностальгия по Западу // Вестн. новой литературы. 1992. № 4. С. 271.

¹¹ Первая из них выглядит так: «Среди современников, чьи черты были использованы автором при создании образа Верховенского-старшего, давно уже называются имена Т.Н. Грановского, А.И. Герцена, В.Г. Белинского и других представителей русского западничества, включая и Печерина.

Однако при ближайшем рассмотрении именно фигура последнего оказывается наиболее значимой и полновесной. На это еще полвека назад указал в своей докторской диссертации А.А. Сабуров» (с. 78). «Полвека» – опять-таки по отношению к 1998 г., а не к 2007-му.

¹² См.: Сабуров А.А. Печерин и «Братья Карамазовы» Достоевского / Публ. и примеч. Е.Г. Местергази // Достоевский. Дополнения к комментарию. М., 2005.

ли могут удовлетворить специалистов, краткий пересказ сделанного предшественником был бы уместен. К сожалению, после защиты диссертации Е.Г. Местергази так и не предложила анализа текста печеринских «Замогильных записок». Но и в этом виде ее книжка может пригодиться теоретику и историку литературы и культуры.

С.И. Кормилов

Сведения об авторе: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2009. № 2

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ВЕКОВ / Сост., отв. ред. И. Светлов. М.: Изд-во «Материк», 2007. – 720 с.

Рецензируемый сборник статей «Польская культура в зеркале веков» отражает стремление координировать исследования польского искусства, сосредоточенные главным образом в Государственном институте искусствознания и Институте славяноведения РАН, а также усилия ученых из МГУ им. М.В. Ломоносова, ИМЛИ им. М. Горького, Московского музея современного искусства, Национальной галереи в Варшаве, Варшавского университета и других научных и музейных центров. Замысел совместного исследования российскими и польскими специалистами проблем польской литературы и искусства появился в 2004 г. во время работы круглого стола «Состояние и перспективы изучения польской художественной культуры», в котором приняли участие искусствоведы, ученые-полонисты из различных научных институтов.

Авторам сборника польская художественная культура видится сегодня как явление, полное красноречивых исторических пересечений. Их внимание сосредоточенно на многих типичных для польской культуры явлениях – историческая дистанция позволяет почувствовать их масштаб и то, как рождалась перекличка идей и поисков. Сборник «Польская культура в зеркале веков» состоит из пяти разделов, охватывающих пять веков польской культуры во всей ее многогранности. Российские, польские и украинские ученые раскрывают перед читателем вопросы польской живописи от эпох Ре-

нессанса до плакатов XX столетия, польской музыки от зарождения традиции до джаза, различные аспекты истории польской скульптуры и архитектуры, театра, кино и фотографии, польской литературы и национальной мифологии. Собранные в книге тексты сопровождаются богатым и разнообразным иллюстративным материалом. Есть фотографические портреты артистов и художников, репродукции живописных работ и плакатов польских художников, фотографии архитектурных памятников и т.п. Книга прекрасно издана и оформлена на высоком полиграфическом уровне.

В ограниченной по объему рецензии невозможно хотя бы кратко представить все статьи, составляющие богатое содержание рассматриваемой книги. В ней много интересных работ по польской художественной культуре, как, например, М. Дмитриевой, Н. Мизернюк, М. Стрельбицкой о польской архитектуре, Е. Моравского, И. Никольской, Д. Ухова о музыке, Л. Тананаевой, М. Попшенцкой, Я. Кравчика, А. Банцековой, О. Турбаевской, М. Богущого о живописи и о многом другом. В данной рецензии рассматриваются прежде всего работы литературоведческого характера.

Известно, какую важную роль сыграло романтическое искусство в истории польского народа и его культуре. Поэтому понятен интерес российских полонистов к проблемам, связанным с искусством и философией польского романтизма. На основе анализа романтических образов А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского *Людмила Софрониова* размышляет о характере героя романтической литературы. По мысли исследователя, данный тип героя постоянно меняется, постоянно движется в реальном или метафизическом пространстве, которые порой совпадают. Он может выступать в различных обликах, попадать в разные коллизии, но везде ведет себя сходно – стремится отстраниться от мира, который не принимает. Чтобы избежать столкновения с пошлой, бездуховной реальностью, он отправляется на поиски мира совершенного, каким объявляет мир природы. Герой польских романтиков предпочитает жизни искусство, помогающее ему оторваться от окружающего его мира. Он поднимается над миром, испытывает чувство любви. Но не всегда его спасают природа, искусство, любовь. Это наиболее отчетливые проявления отчуждения, отстранения романтического героя, всегда жаждавшего свободы и готового сражаться за нее даже с Богом.

В статье «Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в зеркале романтизма» *Наталья Филатова* убедительно доказывает, что литература польского романтизма интерпретировала современную историю, наложив на нее выработанную романтизмом шкалу ценностей, среди которых ключевую роль играли свобода, борьба, молодость и сила национального духа. Все это позволило

польским романтикам не просто выделить конфликты своего времени, выведя на первый план конфликт поляков с самодержавием и противоречия внутри самого польского общества, но и наполнить их универсальным нравственным смыслом.

В исследовании известного театроведа *Натэллы Башинджагян* «Прототип и образ в творчестве Станислава Выспяньского» рассматривается тот путь от прототипа к образу, который прошел известный польский драматург в двух пьесах – в исторической драме, посвященной ноябрьскому восстанию 1830 г., «Варшавянка» (1898) и в последней одноактной трагедии «Судьи» (1907). Как утверждает автор статьи, Выспяньский не раз обращался к прототипам далекой истории Польши, изменял облик своих прототипов, подвергая их острой, часто спорной авторской интерпретации. Интерпретация прототипа-образа и всех связанных с ним превращений (например, выход образа-типа в иное бытийное измерение через психический перелом) является, по мнению Н. Башинджагян, эстетическим открытием драматурга.

Работа *Андрея Базилевского* «Станислав Игнаций Виткевич – патрон и практик трансавангарда» посвящена анализу творчества неординарного художника, прозаика, драматурга, теоретика искусства С.И. Виткевича. В изобразительном творчестве и литературе автор теории «чистой формы» шел к трагикомическому гротеску через преодоление «академизма». Его гротеск представлял важнейшим средством художественного познания, попыткой преодолеть тяготение небытия, обобщить кризисную историческую ситуацию. В своих сценических и прозаических антиутопиях Виткевич изобразил жизнь «бывших людей» в канун, во время и после революции, которая кладет конец индивидуализму, заменяя его «нивелистической» общностью бездуховных существ. Рассматривая художественную практику польского писателя, А. Базилевский приходит к выводу, что трансавангардизм автора романа «Ненасытимость» – это «реалистическая почва, символистские корни, экспрессионистский темперамент, сюрреалистическое воображение». Теоретизирование Виткевича имело практическую цель – создать систему понятий для общения между художником, критикой и читателем. Многоаспектность видения, ироничный критицизм трансавангардистского мышления роднит Виткевича с русской культурой эпохи социальных и художественных революций.

Несомненный интерес представляет напечатанное в рецензируемой книге эссе *Наталии Злыдневой* «Мотив окна в Европу: Гомбрович и русская литература 1920-х годов». В работе показывается, как русская культура в зеркале произведений В. Гомбровича «обнаруживает свои инвариантные типологически повторяющиеся свойства и позволяет возвести свое своеобразие к знаменателю всеобщего, уни-

версального». Как отмечает исследователь, среди наиболее активно используемых автором «Фердыдурке» концептов – окно. Этот мотив может рассматриваться как «признак зеркальности в поэтике писателя, проливающий свет на уникальность личности этого художника, его философию и одновременно – обнаруживающий интригующе необъяснимое сходство с русской литературой». Именно В. Гомбрович с его гротескными крайностями и противоречивыми суждениями, как пишет Н. Злыднева, позволяет глубже понять центральные вопросы русской культуры, а некоторые мотивы (в том числе и окна) – определенные отправные моменты эксцентризма польского писателя.

В статье «К самопознанию поэта: польская дворянская романтическая культура в поэтическом логосе Бориса Пастернака» ее автор, *Евгений Рашковский*, выступает скорее как философ, нежели как литературовед, ибо в его работе исследуются различные аспекты самопознания и самосознания художника. Стремясь отыскать следы польской романтической культуры в поэтическом мире зрелого Б. Пастернака, Е. Рашковский обращается к пастернаковским переводам стихотворений Ю. Словацкого, И. Броневского, к шопеновской теме в творчестве русского поэта («Баллада Шопена», 1928; «Опять Шопен не ищет выгод...», 1931; очерк «Шопен», 1945; «Музыка», 1956). Автор статьи приходит к совершенно определенному заключению: осмысляя польские культурные традиции, работая над переводами польских поэтов, вникая в смыслы польской романтической культуры, Б. Пастернак не ставил перед собой особых исследовательских, интерпретаторских задач. Поэтический логос русского художника слова осознанно самостоятелен, изучение творчества представителей польской культуры были для Б. Пастернака лишь «трамплином для собственного миропонимания».

Исключительно важное место в послевоенной польской литературе занимает творчество Т. Ружевица, в значительной степени определившего развитие польской поэзии и драмы второй половины XX в. В статье *Виктора Хорева* «Война и мир в восприятии Тадеуша Ружевица» отмечается, что нигде масштаб нравственных опустошений и потерь, понесенных в мировой войне, не показан так объемно и ярко, как у автора поэтических сборников «Беспокойство» (1947) и «Красная перчатка» (1948). Уже в первых поэтических книгах прозвучали основные темы писателя – опустошение в человеческой душе, чувство моральной ответственности за судьбы человечества, ощущение тревоги и поиски выхода из разъединенности людей в современном мире. Представитель военного поколения, Т. Ружевиц видел творческую задачу в том, чтобы не только донести до читателя правду об эпохе террора и его страшных последствиях для современности, но и сострадать человеческой боли, вернуть людям надежду, добро и красоту, веру в любовь.

«Страницы из дневника» С. Хвина стали объектом исследования *Елены Цыбенко* (««Страницы из дневника» Стефана Хвина в контексте его эпохи и его творчества»). Российский полонист подробно рассказывает о содержании биографической книги польского писателя, фиксирует его размышления о сложности национальных отношений в послевоенном Гданьске, о влиянии трагических превратностей на судьбу человека, о религии и Боге, добре и зле, о том, что такое справедливость. Много места в статье Е. Цыбенко уделено рассуждениям С. Хвина о задачах литературы и психологии творчества, о значении для него традиций отечественной литературы. Занимаясь долгое время сравнительным изучением славянских литератур, их взаимосвязями, Е. Цыбенко не могла пройти мимо замечаний польского романиста о русском языке и русской литературе. С. Хвин с уважением называет имена Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бродского, режиссера А. Тарковского. «Страницы из дневника», по убеждению автора статьи, читаются как художественное произведение, в повествовательной манере С. Хвина ощущается присутствие иронии и самоиронии, некоторые страницы напоминают высокохудожественную лирическую прозу.

Заслуживает внимания обширная статья *Ирины Адельгейм* «Жизнь в “Реале”», посвященная отображению жизни современной Польши в молодой польской прозе. По наблюдениям ученого, в 1990-е гг. в польской литературе место ожидавшихся постсоциалистических реалий заняли другие сюжеты, связанные с чувством ностальгии и проблемами памяти: обращение к так называемой малой родине, пристальное внимание к вещному миру как некоей самоценности пространства частной жизни, выстраивание «фиктивной» истории и географии пространства, использование мотивов инициации. Обращение непосредственно к реалиям Нового времени в прозе 1990-х гг. оказалось совсем немного. Главный опыт поколения писателей, родившихся в 1970–1980-е гг., – быстро пройденная граница между двумя системами – социализмом и капитализмом. Если представители молодой прозы последнего десятилетия прошлого века испытывали разочарование, то следующую за ними генерацию отличает полное отсутствие иллюзий относительно постсоциалистической действительности – это ключевой для нее психологический, мировоззренческий опыт. Важнейшей чертой поэтики молодой прозы оказывается интерес к «услышанному» слову – опыт «стенографирования» устной речи своего поколения. В произведениях молодых авторов фиксируется значимое последствие пережитого слома – «изменение культурного языка, иерархии составляющих его представлений, потерю многих казавшихся “вечными” понятий, смену способов выражения переживаний» (с. 791).

В сборнике также опубликованы статьи *Марии Лескинен* «Сарматский патриотизм в контексте формирования польской национальной мифологии в XVII веке», *Инессы Свириды* «Экстравертность польской культуры эпохи Просвещения», *Ирины Рубановой* «“Пан Тадеуш” – поэма и фильм. Фильм Анджея Вайды по поэме Адама Мицкевича».

Вышедший сборник статей «Польская культура в зеркале веков» – хороший подарок для тех, кого интересуют польское искусство и культура. Безусловно, с выходом в свет данного коллективного труда в славистических исследованиях будут активно использоваться представленные в нем материалы. Презентация новых данных, решение целого ряда вопросов, касающихся многих проблем современной полонистики, делают эту публикацию крупным событием в отечественном славяноведении.

Примечание.

В состав редколлегии вошли: А. Шапанаева, В. Хорсеев, А. Базилевский, М. Лескинен. Научный консультант Х. Граалья. Издание подготовлено при финансовой поддержке Посольства Республики Польша в Российской Федерации и Польского культурного центра в Москве.

С.В. Клементьев

Сведения об авторе: *Клементьев Сергей Викторович*, канд. филол. наук, доц. кафедры славяноведения филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: s.klementiev@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2009. № 2

Роза Тасевска. ИЗУЧАЕМ РУССКИЙ ЯЗЫК. Скопье: Изд-во «Университет “Св. Кирил и Методиј”», 2008. – 194 с.

Создание учебников русского языка для студентов университетов, изучающих русский язык как иностранный в своих родных странах, по-прежнему остается важной задачей русистики. Особую значимость эта задача приобретает в Македонии, где подобные учебники не издавались несколько десятилетий. Поэтому учебник Р. Тасевской, предназначенный для студентов университетов, начинающих изучать русский язык, стал важным событием не только в университетской жизни Македонии, но и для широкого круга людей, желающих учить русский язык самостоятельно или на курсах.

Возможность широкого использования учебника Р. Тасевской «Изучаем русский язык» обеспечивается простотой изложения фонетических, лексических и грамматических комментариев, которые даются на русском и македонском языках; продуманным отбором текстов и диалогов, сложность которых увеличивается постепенно; наличием информативного словаря, достаточного для понимания текстов и материалов учебника. Лингвистические комментарии методически продуманы и не отягощены сложными теориями и определениями, тем не менее содержат разностороннюю информацию, необходимую не только для понимания и перевода текстов, но и для употребления изучаемых лексических единиц и грамматических форм в речи. А выражение лингвистической информации как по-македонски, так и по-русски, с постановкой ударения в русских комментариях, полезно для овладения метаязыковой функцией русского языка (предполагающей умение говорить и писать о русском языке по-русски, а также анализировать форму, семантику, функционирование его единиц и категорий), что необходимо для студентов-филологов.

Рецензируемый учебник дает возможность погрузиться в атмосферу непринужденных и естественных диалогов, с хорошо отобранным лексическим материалом, покрывающих основные тематические поля повседневной жизни («Давайте познакомимся», «Встреча», «Семья», «Любимое дело», «Как доехать / дойти», «У врача», «Завтрак, обед, ужин», «Разговор по телефону» и др.). Достоинством учебника являются интересные, содержательные с точки зрения культурно-исторических и современных сведений о России тексты, подобранные профессионально и с любовью к русскому языку и русской культуре. Уже на седьмом уроке студенты смогут прочитать небольшой текст о русских летописях, вскоре познакомиться с историей Москвы и Московского Кремля, метро, Третьяковской галереи, обсудить актуальные проблемы современной жизни (Интернет, мобильная связь и др.). Тексты и учебные материалы отражают изменившуюся социально-политическую и экономическую ситуацию в современной России, что поддерживает мотивацию учащихся.

Автор не избегает сложных вопросов коммуникации (например, как обратиться к незнакомому человеку) и грамматики, уделяя особое внимание именно тем грамматическим вопросам, которые наиболее трудны для изучающих русский язык македонцев. Хорошо проработаны морфонологические чередования при образовании грамматических форм, семантика и употребление падежных форм, грамматические категории времени и залога, различные конструкции, выражение неопределенности и приближенности.

В рецензируемом учебнике хорошо представлен важный (особенно на начальном этапе изучения иностранного языка) вид речевой деятельности, направленный на чтение и понимание русских текстов.

Этому же способствует и русско-македонский словарь, помещенный в конце учебника. К сожалению, небольшой объем учебника не позволяет автору так же подробно в соответствующих упражнениях и переводах с македонского на русский (а также в македонско-русском словаре, которого в учебнике нет) представить активные виды речевой деятельности, направленные на развитие речевых навыков и продуцирование текстов на русском языке.

В последнем, тридцатом, уроке приводится довольно большой удачно выбранный отрывок из повести Л. Улицкой «Сонечка», как бы приглашающий студентов продолжить изучение русского языка, открывающий перед ними увлекательную перспективу возможности читать по-русски классическую и современную литературу, общаясь к одной из самых интересных и значимых мировых культур.

Следует приветствовать появление после длительного перерыва хорошего учебника по русскому языку для македонских учащихся. Этот учебник открывает плодотворную перспективу для нашего сотрудничества и культурного, научного, а также методического взаимодействия.

Е.В. Петрухина

Сведения об авторе: *Петрухина Елена Васильевна*, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: petroukhina@mtu-net.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2009. № 2

**Худазаров Т. М. САМОУЧИТЕЛЬ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА. RUSLAR
ÜÇÜN AZƏRBAYCAN DİLİ. КУРС ОБУЧЕНИЯ
РАЗГОВОРНОМУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМУ ЯЗЫКУ.
Баку: «Муаллим» нешрийяты, 2008. – 350 с.**

Публикация рецензируемого пособия весьма актуальна в условиях расширяющегося социально-экономического и культурного сотрудничества между Россией и Азербайджаном, о котором свидетельствует, например, только что состоявшееся открытие в Баку филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Апробированное в варианте для иностранцев-нефилологов, владеющих английским языком, и рассчитанное на регулярные занятия с преподавателем или самостоятельно в течение года, оно позволяет овладеть азербайджанским языком в объеме, приблизи-

тельно соответствующем принятому в Евросоюзе стандарту А2 или даже В1, т.е. в объеме, достаточном для того, чтобы:

а) понимать высказывания на различные типично возникающие на работе, учебе, досуге и т.д. темы, произнесенные на литературном языке;

б) общаться в большинстве ситуаций, которые могут возникнуть во время пребывания в стране изучаемого языка;

в) составлять связное сообщение на повседневные или особо интересующие темы;

г) изложить и обосновать свое мнение.

Вводимая в 34 уроках грамматика закрепляется упражнениями различного типа, причем наиболее сложные упражнения снабжены ключами в конце урока, пособие богато иллюстрировано рисунками и фотографиями. Концентрированность подаваемого материала способствует впечатлению, что пособие было первоначально сматетировано в формате А4 и в цвете, хотя в итоге было издано в формате А5 и в черно-белом варианте.

Пособие завершают материалы для чтения (два десятка миниатюр мастера короткого рассказа Д. Мамедкулизаде, зарисовок страноведческого характера об Азербайджане и коротких биографий), а также азербайджанско-русский и русско-азербайджанский словари (каждый приблизительно на 1000 лексических единиц).

При возможных переизданиях пособия, однако, следовало бы, как нам представляется, учесть ряд замечаний, среди которых наиболее существенными являются следующие.

В пособии очень много опечаток, причем не только в русском, но и в азербайджанском тексте. Так, на с. 20 в упр. 7 в левой колонке мы находим огласовку pəcidir, а в правой – pəçidir (здесь и далее шрифтовое выделение наше. – А.И.), на той же странице в том же упражнении – bələdcidir, а в упр. 8 – bələdçidir. На с. 40 в упр. 7 в левой колонке мы находим ançak, а в правой – ancaк. Причем если в последнем случае мы можем определить правильный вариант по словарю в конце пособия, то в случае с sürüçü (с. 41, упр. 12) и sürüçü (с. 30, упр. 3) словарь не поможет, так как там это слово отсутствует. То же относится и к açırca (с. 23, «Активный словарь»!), aзіrca (дважды в упр. 2 на той же странице). Причем неправильный вариант может находиться даже в «Активном словаре», вводимом в начале каждого урока, ср. bibi на с. 46 (в пособии буквально: tětя – xa'la / b'i'bi), вместо правильного bibi 'сестра отца', xala 'сестра матери'. Число примеров, к сожалению, можно увеличить.

В упражнениях могут встречаться слова, отсутствующие не только в словариках в начале урока и в словаре в конце пособия, но и в 100-тысячном «Азербайджанско-русском, русско-азербайджанском

современном словаре» В.В. Рзаева, вышедшем в 2008 г. в Баку в издательстве «Ağaz», ср., например, форму sərgidə в упр. 10, 12, 13 на с. 60. Конечно же, можно проконсультироваться с педагогом или носителем языка, но напомним, что пособие заявлено как самоучитель.

Довольно много небрежностей в наборе.

Так, ударение обозначается то прямой одинарной кавычкой перед ударным слогом (ср. i'lan, la'lə), то закрывающейся одинарной кавычкой (ср. ü'tü), то открывающейся (ср. 'bölü) – все на одной странице. При этом ударение обозначается непоследовательно, ср. «Активный словарь» на с. 23, где часть дву- и многосложных слов снабжена ударением, а часть нет (причем во всех акцентированных словах акцентирован последний слог, который в азербайджанском языке и так ударный – по общему правилу). Логичней было бы обозначать ударение только в тех словах, которые акцентированы по исключению, а также оговаривать, какие из присоединяемых к концу слова суффиксов ударные, а какие безударные (именно так делается, например, в классическом учебнике турецкого языка П.И. Кузнецова).

Порой попадают отдельные азербайджанские слова, набранные кириллицей, или русские слова (!), набранные азербайджанской латиницей, ср. начало азербайджанско-русского словаря на с. 333:

a'bi'də – **памətnik** – 25

ad – имя – 4

a'ta – отец – 6

a'san – легкий – 17

Могут встретиться даже гибриды типа aşıqcasıdyr (первая колонка упр. 6 на с. 25).

Нельзя не заподозрить, что задание из упр. 14 на с. 22 должно относиться к упр. 15 на с. 23 и наоборот, ср.:

Упр. 14. Добавьте суффиксы.

1. dir. 2. siz. 3. уəm. 4. dir. 5. sən. 6. ıq. 7. dir. 8. yik. 9. yam. 10. dir. 11. san. 12. siz. 13. dir. 14. yik. 15. уəm. 16. dir.

Упр. 15. Вставьте личные местоимения.

1. Sən. 2. O. 3. Mən. 4. Siz. 5. Biz. 6. O. 7. Sən. 8. Mən. 9. O. 10. Sən. 11. Biz. 12. Siz. 13. Mən.

Явно что-то напутано в упр. 12 на с. 49, где надо в числе других ответить на вопрос («кратко, полностью и отрицательно») *Bu ağac qosa, uoxsa pisdir?* [‘Это дерево старое или плохое?’]

Отметим и ошибку, обычную при русификации учебников, первоначально ориентированных на англоязычного читателя, не различающего обращение на «ты» и на «вы», ср. в «Активном словаре» урока 5 на с. 26: «Как поживаете? – Necəsən? Nə təhərsən?».

В предисловии к пособию на с. 5 оговаривается, что вводимые грамматические правила «объясняются упрощенно и на простом

русском языке, чтобы по возможности избежать грамматических терминов», которые потенциальные читатели «наверняка уже забыли». Тем не менее некоторые формулировки не могут не коробить тех пользователей пособия, у которых в памяти от грамматики (хотя бы школьной) что-то еще осталось.

Например, на с. 21 в упр. 13 предлагается «просклонять следующие предложения»: Mən həkiməm [‘Я врач’]. Mən sağıcıyam [‘Я доярка’]. Mən adamam [‘Я человек’].

Понятно, что в данном упражнении отрабатываются непривычные для носителя русского языка азербайджанские аффиксы сказуемости и что требуется образовать предложения типа Sən həkimsən; O həkimdir; Biz həkimik; Siz həkimsiz; Onlar həkimdir(lər) ‘Я врач; Ты врач; Он/она врач; Мы врачи; Вы врачи; Они врачи’, но склонением все же принято называть словоизменение по падежам и числам, а не образование предложений.

Довольно странно звучит и само грамматическое правило, вводимое на данной странице и отрабатываемое данным упражнением: «Теперь вы познакомитесь с личными местоимениями и соответствующими им формами глагола БЫТЬ в настоящем времени ЕСТЬ. Они выступают суффиксами слов, к которым они относятся».

Не всегда можно согласиться с выбором лексики, вводимой для активного усвоения, ср. «Активный словарь» первого урока (приводится с унифицированным написанием строчных и прописных букв, без грамматических помет и ударений), куда попала, за исключением нескольких действительно употребительных слов, случайная лексика:

что – nə	собака – it	соловей – bül-bül
это – bu	гранат – nar	облако – bulud
утюг – ütü	белка – dələ	мак – lələ
рука – əl	лошадь – at	есть – dir
труба – boru	да – bəli	
змея – ilan	топор – balta	

Возможно, автору потребовались слова с различными гласными в корне для отработки чередований в аффиксе сказуемости 3-го лица *dir/dır/dur/dür*, однако наверняка стоило искать среди слов с более высокой употребительностью или же действительно вводить эти слова в активное употребление с помощью соответствующих упражнений этого и последующих уроков, подбирая тексты, где будут совмещаться змея с трубой, мак с топором, а белка и соловей с гранатом и утюгом. Иначе какой же это получается «активный словарь»?

Наверное, не стоит в первых же уроках вводить в «Активный словарь» многословные выражения с непрозрачной (пока) для обучающегося внутренней структурой, ср. на с. 26: ‘Рад с вами познакомиться’ – *Sizinle tanış olmağa şadam*.

Может быть, на этом этапе можно было бы ограничиться чем-то простым типа Salam! 'Привет!' и Sağ ol 'До свидания / Спасибо', а в более сложных формулах как-то комментировать их внутреннюю структуру, например отметив, что выражение Sabahın xeıir 'Доброе утро' употребляется при обращении на «ты», потому что sabah – 'утро', -ın – аффикс принадлежности 2-го лица ед. числа, а xeıir – 'благо, добро', а выражение Sabahınız xeıir 'Доброе утро' употребляется при обращении на «вы», потому что здесь употреблен аффикс принадлежности -ınız – 2-го лица мн. числа.

Некоторое сомнение вызывает и порядок следования упражнений в уроках, когда в первых упражнениях предлагается перевести с русского на азербайджанский или наоборот произвольно повторяющиеся изолированные лексемы, вводимые в активный словарь данного (и отчасти предыдущих) урока, а лишь затем следуют упражнения на подстановку и трансформацию словосочетаний и предложений, ср. начало урока 13 (приводится без картинок, с унифицированными написанием прописных / строчных букв и подачей словарного эквивалента:

Активный словарь

автобус – av'tobus	завод – za'vod	оставаться – qal'maq
самолет – teyya'rə	турист – turist	паром – bə'rə
поезд – qa'tar	троллейбус – tro'lleybus	работать – işlə'mək
деревня – kənd	командировка – 'ezami'yuyət	идти – get'mək
море – dəniz	сходить (с автобуса) – düş'mək	жить – yaşa'maq
магазин – mağaza	садиться (в автобус) – min'mək	сперва – əvvəlcə
дорога – yol	воздух/погода – ha'va	приходить – gəl'mək

Введение и закрепление новых слов

Упр. 1. Прочтите слова и их эквиваленты.

Упр. 2. Переведите.

А) Əvvəlcə, min'mək, bərə, qalmaq, hava, yol, düşmək, 'ezami'yuyət, gəlmək, kənd, təyya'rə, yaşamaq, dəniz, mağaza, işlə'mək, qalar, işlə'mək, getmək, kənd, min'mək, gəlmək, təyya'rə, yaşamaq, düşmək, hava, bərə, qalmaq, a 'ezami'yuyət, mağaza, qatar, yol,

Б) идти, магазин, поезд, сперва, автобус, воздух/погода, деревня, паром, приходить, работать, море, дорога, садиться (на автобус), поезд, паром, сходить (с автобуса), жить, оставаться, командировка, магазин, приходить, идти, сначала, воздух/погода, сходить (с автобуса).

А) *dəniz, əvvəlcə, gəlmək, işləmək, getmək, min'mək, turist, yaşamaq, qatar, əvvəlcə, dəniz, kənd, düşmək, təyyarə, 'ezami'yuyət, bəgə, getmək, qalmaq, hava, qatar, yol, mağaza, işləmək.*

Б) дорога, работать, самолет, жизнь, море, оставаться, идти, магазин, приходиться, дорога, поезд, сперва, командировка, самолет, воздух/погода, оставаться, деревня, паром, работать, море, садиться (в автобус), жить.

Упр. 3. Найдите эквиваленты слов.

приходить – <i>ezami'yuyet</i>	остаться – <i>düş'mek</i>	сходить (с авт.) –
командировка – <i>ha'va</i>	садиться (в авт.) –	<i>gəl'mək</i>
деревня – <i>yaşamaq</i>	<i>qal'maq</i>	воздух/погода –
сперва – <i>təyyarə</i>	работать – <i>əv'vələcə</i>	<i>min'mək</i>
жизнь – <i>işləmək</i>	магазин – <i>kənd</i>	дорога – <i>get'mək</i>
самолет – <i>mağaza</i>	поезд – <i>yol</i>	паром – <i>qa'tar</i>
	море – <i>bə'rə</i>	идти – <i>dən'iz</i>

Упр. 4. Найдите недостающие значения.

приходить –	деревня – <i>yaşamaq</i>	поезд – <i>yol</i>
остаться –	жизнь –	дорога – <i>get'mək</i>
сходить (с авт.) – <i>gəl'mək</i>	работать – <i>əv'vələcə</i>	идти –
командировка –	сперва –	море –
садиться (в авт.) – <i>qal'maq</i>	самолет – <i>mağaza</i>	паром –
воздух/погода – <i>min'mək</i>	магазин –	

Методический прием, использованный в упр. 3 и 4 (к сожалению, достаточно обычный в зарубежной лингводидактической литературе), в соответствии с которым обучаемому предлагается **исправить** предлагаемый неправильный текст, не может не вызвать самые решительные возражения. Человек усваивает информацию как сознательно, так и бессознательно (именно на этом основан известный эффект 25-го кадра), поэтому любой текст и любые словосочетания, увиденные на бумаге, отпечатываются в подсознании и **запоминаются** в качестве образцовых. Поэтому подсознание обучаемого, когда тот делает данное упражнение на с. 64, будет усваивать **ложную** информацию о том, что *приходить = ezami'yuyet, командировка = ha'va, оставаться = düş'mek* и т.д. Конечно же выучить язык можно и с таким гандикапом, но стоит ли мешать самому себе, тем более что данное пособие, как отмечается в предисловии на с. 5, рассчитано и на людей «со средними способностями к языкам».

Если бы упражнений типа приведенных выше 3 и 4 вообще не было, а упражнения типа приведенного выше 2 располагались не до, а **после** упражнений на перевод и подстановку, то подсознание обучаемого не мешало бы его сознанию, а, наоборот, помогало бы ему и он, встретив вводимые в данном уроке слова и выражения в

разнообразных контекстах и многократно проговорив их, усвоил бы большую часть новой лексики (если не всю ее) автоматически, без механического заучивания.

В заключение еще раз отметим, что рецензируемый «Самочитель азербайджанского языка» представляет собой серьезное и добросовестно сделанное пособие, переиздание которого (после исправления отмеченных погрешностей, прежде всего опечаток) представляется весьма желательным.

А.И. Изотов

Сведения об авторе: *Изотов Андрей Иванович*, докт. филол. наук, доц. кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**«ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
ЧЕРНОМОРСКОГО ФИЛИАЛА МГУ**

24–25 апреля 2008 г. в Черноморском филиале МГУ им. М.В. Ломоносова прошла ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения», совмещенная с международной научной конференцией студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». На филологической секции в течение двух дней было заслушано 15 докладов. Основными направлениями по традиции стали история русской и зарубежной литературы, история и современное состояние русского языка, а также проблемы изучения и преподавания иностранных языков.

А.В. Архангельская (МГУ, Москва) рассмотрела одно из перспективных направлений в современной медиэвистике, связанное с исследованием бытования древнерусских традиций в литературе XVIII – XX вв. и выделила основные подходы к этим проблемам, существующие в современной науке. Доклад *И.Г. Киреевой* (Черноморский филиал МГУ, Севастополь) был посвящен влиянию западноевропейской эстетики XIX века на формирование представлений М. Волошина о творчестве и творческой личности. *Е.М. Дергунова* (Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Москва) проанализировала образную систему поэмы С.А. Есенина «Страна негодяев» сквозь призму коррелирующих концептов воли и свободы как ключевых для русской культуры понятий. Сообщение *А.Е. Приходько* (Школа-гимназия № 6 г., Джанкой) было посвящено стиховедческому, стилистическому и культурологическому анализу «Ночных прелюдий» Федерико Гарсиа Лорки. *С.Н. Кириченко* (Севастопольский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Севастополь) рассмотрела роман английской писательницы XX в. Синтии Хэррод-Иглз «Флер» как женский эротический роман, принадлежащий по своим признакам к современной массовой литературе, и одновременно – как исторический роман, в котором особую роль играет «русская тема», в частности, тема Крымской войны, в реализации которой отмечаются реминисценции из «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого. Образу лирического героя в поэзии И.(К.) Сельвинского посвятил свое сообщение *Д.Б. Пэн* (Черноморский филиал МГУ), обратив особое внимание на влияние эстетики конструктивизма, позволяющей

соединить в лирическом герое безусловность мифа с театральной условностью искусства и семиотической языковой игрой. В докладе *О.И. Касьяновой* (Черноморский филиал МГУ) были рассмотрены основные аспекты влияния кинематографа на повествовательную прозу второй половины XX века: аллюзии и прецедентные тексты, изменения в области поэтики и жанровой системы, а также был затронут вопрос семиотических переводов и возможности изменения восприятия текста под влиянием аудиовизуального ряда.

Отдельным наблюдениям над текстологическими взаимоотношениями двух списков «Жития Богородицы» было посвящено сообщение *А.И. Куляковой* (Черноморский филиал МГУ, Севастополь). *Э.А. Подгорная* (Черноморский филиал МГУ, Севастополь) рассказала о драматической истории русских имен, о роли прозвищ и о постепенном становлении категорий отчеств и фамилий в русском языке. Образ Крыма в языковом сознании А.П. Чехова на материале эпистолярных текстов рассмотрела *Н.В. Величко* (Черноморский филиал МГУ, Севастополь). *А.Н. Яньшина* (Черноморский филиал МГУ, Севастополь) проанализировала черты сходства и различия при формировании некоторых устойчивых выражений в русском и французском языках, связав их с культурными особенностями двух стран. *В.А. Азарова* (Черноморский филиал МГУ) рассказала об украинской составляющей лингвокультурного пространства Севастополя.

Ряд докладов был посвящен вопросам методики преподавания иностранного языка в вузе. *О.В. Куртенко* (Черноморский филиал МГУ) рассмотрела различные возможности использования родного языка при обучении английской лексике. Предметом сообщения *В.В. Тарасенко* (Черноморский филиал МГУ) стало содержание обучения иностранному языку в нефилологическом вузе. *Л.И. Теплова* (Черноморский филиал МГУ) проанализировала возможности использования авторитетных Интернет-ресурсов для получения сведений о сочетаемости лексических единиц в процессе обучения студентов иностранному языку.

Все доклады сопровождалось оживленным и заинтересованным обсуждением со стороны как преподавателей, так и студентов филиала.

А.В. Архангельская

Сведения об авторе: *Архангельская Анна Валерьевна*, канд. филол. наук, доц. кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: arhanna@mail.ru

ЮБИЛЕЙНЫЕ КРЫМСКИЕ ШМЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Традиционные Шмелевские чтения (уже XVII) в Алуште прошли 23–25 сентября 2008 г. и на этот раз были приурочены к двум датам – 135-летию со дня рождения И.С. Шмелева и 15-летию Литературного музея писателя в Алуште. В 1993 г. по инициативе ряда российских ученых и благодаря самоотверженной работе директора алуштинского музейного комплекса С.Н. Сергеева-Ценского *В.П. Цыганника* был открыт первый в мире музей знаменитого русского писателя.

На чтениях 2008 г. выступили ученые России, Украины, Белоруссии, Польши, Великобритании и Франции. Широкому кругу проблем, нередко выходящих за пределы собственно шмелевоведения, были посвящены доклады, прочитанные на *пленарных заседаниях* конференции. Их авторами стали и «отцы-основатели» Музея И. Шмелева (четверым из них было предоставлено слово на этом заседании), и ученые, позднее ставшие активными участниками чтений.

С.М. Пинаев (Москва) предложил изучать поэтику рассказов И. Шмелева в сопоставительном аспекте и обнаружил параллели и «отталкивания» в его стиле по отношению к новеллам Ш. Андерсена, Э. По, Э. Бирса. Квинтэссенцию сюжетов в рассказах Шмелева определяет формула «никогда не»: невозможность обретения счастья, осуществления мечты, незавершенность начатого действия, встречи, путешествия.

В.А. Кошелев (Великий Новгород), единственный из гостей, участвовавший в еще не многолюдных I Шмелевских чтениях (1990), исследовал специфику мемуарного жанра на материале новеллистической трилогии И. Шмелева «Как я встречался с Чеховым» и подчеркнул сугубо декоративную значимость биографических деталей в этом произведении.

С.И. Кормилов (Москва, МГУ), один из тех, кто открывал Музей Шмелева в 1993 г., во время II Шмелевских чтений (после которых они стали ежегодными), в докладе «А.С. Пушкин в публицистике И.С. Шмелева» отметил, что Шмелев в большей степени страстный религиозный публицист, чем литературный критик, а потому образ Пушкина в его статьях и выступлениях претерпел «мифопоэтическую» коррекцию, обусловленную субъективным мировоззрением самого писателя. «Шмелев видит в Пушкине то, что хочет видеть», – так резюмировал выступление докладчик.

В докладе «Русская эмиграция в поисках утраченной России» *И.А. Есаулов* (Москва) приходит к выводу, что образ России подвергся сильной деформации в литературе «советской» и что писатели-эмигранты (*И. Шмелев*, *И. Бунин*, *Б. Зайцев*) видели своей творческой задачей воскрешение идеального образа Руси.

Т.В. Филат (Днепропетровск, Украина) проанализировала рассказ Шмелева «Оборот жизни» с позиций нарратологии. Автор-повествователь и «фокализатор-нарратор» (столяр Дмитрий) в произведении Шмелева связаны, по мнению докладчицы, отношениями «рассказчик – слушатель».

В выступлении *Г.Л. Нефагиной* (Слупск, Польша) «Духовные поиски поколения в записных книжках Е. Герцык» анализировались противоречия между «своим» и «горним» в мемуаристике писательницы Серебряного века – противоречия, осознание которых было обострено ее перепиской с Вяч. Ивановым и Н. Бердяевым.

Доклад *С.В. Шешуновой* (Дубна) был посвящен анализу образов англичан в произведениях Шмелева, созданных на крымском материале («Иностранное тело», «Виноград», «Письмо лейтенанта» и др.). В изображении писателя англичане циничны, бездушны и используют ситуацию Гражданской войны в России для наживы. Писатель, знавший о фактах реальной помощи, оказанной англичанами русским, сознательно игнорировал историческую реальность. В докладе это показано на примере действий британского адмирала Сеймура, ставшего прототипом не имеющего конкретной национальности образа «морского генерала» в романе «Няня из Москвы».

Взгляд на поэтику Шмелева 1910-х гг. сквозь призму модернистской техники плетения «словесных узоров» определил содержание доклада *А.В. Леденева* (Москва, МГУ) «Поэтика звуковых отражений в рассказе И. Шмелева “Волчий пережат”». По мнению выступавшего, лексический строй рассказа и его «звуковой узор» во многом регулируются фонетическим составом имени главной героини (Саша), а также имени и фамилии самого Шмелева (отразившихся в фамилии героини – Милованова).

Большой резонанс среди участников конференции вызвал доклад *Джона Барбера* (Кембридж, Великобритания) «Первая волна русской эмиграции в Англии». Докладчик показал, что относительно малочисленная русская диаспора в Великобритании (главным образом военная и дипломатическая по профессиональному составу) внесла важный вклад в культуру принявшей ее страны. Главный акцент был сделан на способности русской культуры обогащать и обогащаться во взаимодействии с другими культурами.

В докладе *Э. Никадем-Малиновской* (Ольштын, Польша) речь шла о художественном образе Рождества как метафоре духовности в

отдельных произведениях И. Шмелева («Лето Господне») и И. Бродского («рождественские» стихотворения). Хотя каждый из них воспринимает праздник индивидуально, с субъективных позиций, художники, по мнению докладчика, добиваются сходных результатов. Способ восприятия мира писателями влияет на художественный образ праздника, который материализирует духовность автора.

Традиционные для шмелеведения оценки Шмелева-публициста прозвучали в докладе *В.А. Юдина* (Тверь) «Плач по России»: оратор восхвалял православное мировоззрение писателя и говорил о его значимости в контексте современных духовно-нравственных исканий.

Секционные заседания конференции проходили по пяти тематическим направлениям. Преимущественно проблемам шмелеведения были посвящены доклады и сообщения, заслушанные на заседаниях секций «Жизнь и творчество И.С. Шмелева» и «Православный, религиозно-философский аспект в творчестве И.С. Шмелева и его современников».

В докладе *Н.Л. Блищ* (Минск) «Гастрономическая образность как отражение страсти в прозе И.С. Шмелева» были раскрыты биографические предпосылки и личные психологические мотивы стиливых трансформаций в творчестве писателя, проявившихся в переработке глав «Лета Господня» (в начале 1940-х гг.). Анализ цикла «Сидя на берегу» был представлен в докладе *И.Г. Секачевой* (Пермь) «Лирические миниатюры И.С. Шмелева в контексте творчества писателя». Автор подробно рассмотрела лирические миниатюры, в которых переданы душевные переживания писателя по поводу судьбы России и эмиграции. *В.М. Брошеван* (Симферополь) осветил разные версии гибели сына И. Шмелева Сергея во время террора в Крыму. С опорой на конкретные документы были раскрыты факты причастности к этому трагическому событию сотрудников особых отделов ВЧК.

Несколько докладов носили сопоставительный характер. *М.В. Ветрова* (Севастополь) предложила общий анализ художественных особенностей романов «Дом в Пасси» Б. Зайцева и «Пути небесные» И. Шмелева, а в докладе *Е.С. Анненковой* (Киев) были сопоставлены мировоззренческие позиции И.С. Тургенева и И.С. Шмелева.

О некоторых частных аспектах изучения наследия Шмелева шла речь в докладах *Е.А. Коршуновой* (Харьков) «Проблема традиции в повести И.С. Шмелева “Неупиваемая чаша”», *Т.И. Ромашовой* (Ижевск) «Временное и вечное в очерковом цикле И.С. Шмелева “Сидя на берегу”», *Л.А. Даниловой* (Москва) «Книжная графика Н. Вышеславцева 20-х годов (художественное оформление произ-

ведений И.С. Шмелева)», *Т.В. Сизенко* (Череповец) «Иллюстрации В. Карпущенко к книге И. Шмелева “Лето Господне”».

Доклады, прозвучавшие в секции «*Исторические процессы эмиграции XX века в формировании мировоззрения: факты, документы, архивы*», были посвящены широкому кругу общегуманитарных, историографических и историко-литературных проблем.

Интересные факты о материальной поддержке Шмелева чехословацким правительством в 1920-е гг., а также анализ творческих связей двух центров эмиграции – Праги и Парижа – составили содержание доклада *Е.П. Сератионовой* (Москва). Источниковедческий характер носило сообщение *Л.И. Петрушевой* (Москва) «Собрание генерала А.И. Деникина в ГАРФ (его встречи с И.С. Шмелевым)». *З.С. Бочарова* (Москва) подробно осветила историю созыва и проведения объединительного съезда русских писателей и журналистов в Белграде (1928), а также показала последствия и мировой резонанс этого эмигрантского форума. «Российская политическая эмиграция в Болгарии по данным российских и болгарских архивов (1905–1914)» – тема доклада *Т.В. Татоли* (Луганск).

Об издательских просчетах и неточностях энциклопедических словарей говорила в своем докладе «Анализ биографических изданий по русскому зарубежью» *Н.В. Рыжак* (Москва). Обзор изданий произведений Шмелева в России представила *Н.А. Егорова* (Москва).

Несколько докладов было посвящено творческому наследию эмигрантов – современников Шмелева. *Н.Б. Лапаевой* (Пермь) были раскрыты разные позиции эмигрантов по отношению к проблеме миссии литературы в изгнании. Если для старшего поколения (Шмелев, Бунин, Зайцев и др.) это было связано с осмыслением своей глубинной принадлежности к России, то для Б. Поплавского сам факт эмиграции – подтверждение его экзистенциальной интуиции об абсолютном одиночестве человека. Доклад *Ю.В. Розанова* (Вологда) был посвящен стилевым исканиям А.М. Ремизова в эмиграции и основным слагаемым его «русского стиля», существенно отличавшего позицию Ремизова от мировоззренческих и художественных установок Шмелева. В докладе *В.В. Белоусовой* (Ольштын, Польша) проанализирован раздел «Диалог о русских идеях» в итоговой книге М. Алданова «Ульмская ночь». Этот диалог, по мнению докладчицы, движется присутствием «подводного», «теневого» участника – Н. Бердяева. Идее «бескрайности – безмерности» философа Алданов противопоставляет идею «красоты – добра», определяющую оценку явлений русской культуры, часто нестандартную и спорную. *А.А. Гайдомак* (Плөс) сообщил о сотрудничестве писателя Н.П. Смирнова с представителями русской диаспоры из бунинского окружения.

Впервые в рамках Шмелевских чтений была организована работа секции «*Творчество И.С. Шмелева в лингвистическом аспекте*».

На ней прозвучал методологически продуктивный доклад Л.Ф. Миронюка (Ольштын, Польша) «Мезонимное пространство художественных текстов писателей литературного зарубежья (лингвистический аспект исследования)». На материале текстов Б. Зайцева и Г. Газданова анализировались мезонимные зачины и основные типы локального, темпорального и духовного мезонимного пространства. Особое внимание было уделено мезонимной параллели «между Западом и Востоком, между родиной и чужбиной» и лингвостилистическим средствам ее выражения.

Специфике функционирования глаголов *видеть*, *смотреть* и *глядеть* в повести И. Тургенева «Первая любовь» и романе Шмелева «История любовная» был посвящен доклад Н.С. Гребенщиковой (Гродно, Белоруссия). О междометиях как экспрессивно-эмоциональных маркерах устности в книгах Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье» сообщила в своем выступлении С. Мэр (Нанси, Франция).

В секции «*Украинская диаспора: сохранение наследия, имена, документы*» было сделано пять докладов. Высоким уровнем теоретической рефлексии отличались доклады двух исследователей из Киева – Н.И. Миронец и П.А. Дунай. В первом из них («Отражение проблем украинской политической эмиграции в Европе начала 1920-х годов в переписке В. Винниченко с Никитой Шаповалом») были раскрыты главные проблемы, волновавшие украинских политэмигрантов (отношение к ситуации на Украине, попытки создания единого центра украинской эмиграции, издание журнала «Нова Украина»). Доклад Павлины Дунай был назван «Украинская литературная эмиграция между “возвращенством” и “сменой вех” (Андрей Никовский, Александр Олесь)». В нем на материале жизни и творчества двух украинских писателей, участников политических процессов на Украине в 1917–1920 гг., были показаны два главных вектора развития украинской литературы в эмиграции.

Остальные доклады, сделанные в рамках секционного заседания, касались более частных вопросов. «Проблемы художественной литературы на страницах “Трудов Киевской Духовной Академии” (1900–1916)» – тема А.А. Бойко (Киев). Доклад «Концепт “правда – ложь” в драме В. Винниченко “Брехня”» В.П. Саенко (Одесса, Украина) был посвящен исследованию пьесы «Ложь» как произведения-палимпсеста, соотнесенного с национальным и европейским модернизмом; рассматривались аспекты композиции драмы, своеобразно развившейся принципы агона, свойственного античному театру. В докладе Н.Ф. Минич (Одесса, Украина) «Герой креативного типа в украинской интеллектуальной прозе XX века» сопоставлялись

два образца интеллектуальной прозы: «Алина и Костомаров» Виктора Петрова и «Освещенная солнцем комната» Валерия Шевчука, исследовались модификации художественной интерпретации исторической личности, по-разному предстающей в романизированной биографии В. Петрова и мини-повести В. Шевчука.

Материалы XVI и XVII Шмелевских чтений планируется издать в 2009 г.

Н.Л. Блиц, А.В. Леденев

Сведения об авторах: *Блиц Наталья Львовна*, канд. филол. наук, доц. кафедры русской литературы филол. ф-та БГУ (Минск). E-mail: RusLit@bsu.by; *Леденев Александр Владимирович*, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX века. E-mail: alenedev@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информация о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» выходит один раз в два месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** файлов:

- текстовый редактор Microsoft Word (любая версия);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате .doc или .rtf и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес редколлегии с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т.д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов / словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и / или адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде постраничных примечаний**, а перечень процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дисках, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, межстрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, ком. 902; тел.: (495) 939-53-80; e-mail: edit@philol.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.

ИНДЕКС 71009 (каталог “Роспечать”)
ИНДЕКС 39330 (каталог “Пресса России”)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0201 - 7385. ISSN 0130 - 0075
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2009. № 2. 1-200.

Созданием файла в формате pdf

занимался ewgeniy-new

(январь 2014)